В. В. Иванов

Труды по этимологии индоевропейских и древнепереднеазиатских языков

Москва
2008

В. В. Иванов

Том 2

Индоевропейские и древнесеверокавказские (хаттские и хурритские) этимологии

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКИХ КУЛЬТУР
МОСКВА 2008

Интерпретация текста хаттско-хеттского строительного ритуала
(в свете данных внешнего сравнения).....619
К проблеме соотношения древнегреческой и хаттской традиций 653
Хурритские и хаттские этимологии.....663
Урартск. *mari*, хурритск. *marianne*, хайасск. *Marija-* 676
О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам.....688

XI

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА ХАТТСКО-ХЕТТСКОГО СТРОИТЕЛЬНОГО РИТУАЛА (в свете данных внешнего сравнения)*

Предлагаемая работа представляет собой часть более общего исследования структуры текстов строительных обрядов балкано-эгейско-малоазиатского ареала. Предметом рассмотрения в настоящей статье является древнейший из дошедших до нас текстов этого типа — текст хаттского строительного ритуала, сохранившегося в нескольких копиях с достаточно подробным хеттским переводом-пересказом [1]. Благодаря наличию перевода и ряда параллельных хаттских и хеттских текстов с отчасти сходной структурой было давно уже произведено достаточно детальное исследование отдельных его форм, слов и конструкций на основе комбинаторного метода. При несомненности отдельных успехов, достигнутых на этом пути, многие места и смысл целых выражений остались загадочными. Новые возможности открываются благодаря систематическому сравнению хаттского языка с северо(-западно)кавказскими, родство которых с ним предполагалось и ранее, но не было выявлено. Ниже предлагается интерпретация каждого из предложений текста и всего текста в целом на основе внешнего сравнения. Текст мифологического зачина хаттского ритуального текста вводится хеттской обрядовой формулой: *ma-a-an I. NA* É. GAL^{LIM} GIBIBIL^{GIŠ} *ḫa-at-tal-wa-aš* GIŠ-*ru ti-it-ta-nu-wa-an-zi Ù* ^{LÚ}*zi-li-pu-ri-ya-tal-la-aš a-pí-ya-ak-ku a-ni-ya-zi ta ki-e* INIM^{MEŠ}*me-ma-i* (A II 37—39) ‘Когда в новом дворце устанавливают запор из дерева (буквально: дерево запора), тогда жрец бога Цилипури осуществляет там именно обряд и

---

* Издано: Текст: семантика и структура. М., 1983. С. 5—36, 296—297.

[1] *H.-S. Schuster.* Die Ḫattisch-hethitische Bilinguen. I. Einleitung, Texte und Kommentar. T. 17. Leiden, 1974.

говорит такие слова!'. Практически та же самая формула повторяется и в заключительной хеттской части обряда с незначительными графическими разночтениями (хет. *nu* вместо акк. *Ù* 'и', что характерно для более ранних текстов) в середине и существенным уточнением в конце: *ki-i ud-da-a-ạ* [*r ḫa-â*] *t-ti-li me-ma-i* 'такие слова по-хаттски говорит' (IV 14—15). Иными словами, решительно утверждается, что весь основной текст, анализируемый нами далее, произносился только по-хаттски. Следовательно, функция хеттского текста, как процитированного вводящего и заключающего, так и переводящего или пересказывающего хаттский, была чисто прикладной. Этот вспомогательный текст объяснял назначение и смысл канонического хаттского текста. Характерно и то, что главный жрец, совершающий обряд, обозначается посредством хеттского производного от хаттского имени бога *Zilipuri* (*Zilibure*), который далее действует в ритуале. Имя жреца, часто встречающееся в хеттском тексте, образовано посредством продуктивного хеттского суф. *-tala-* (соответствует слав. **-tel-* [2]). Поскольку в других случаях хат. *zil-* служит для передачи латерального, соответствующего адыг. *чI*, кабард. *щI*, авар. *ҏ*, семантика ритуала позволяет гипотетически сопоставить первую часть имени *Zili-bure* с адыг. *чIэ-* в префиксальных глаголах типа *чIэфэн* 'поместиться' (*унэм чIэфэн* 'поместиться в комнате'), кабард. *щIэ-* в *щIэгъ-этIысхьэн* 'вселять' (*унэщIэм щIэгъэтIысхьэн* 'вселить в новый дом'). Вторая половина слова, скорее всего, содержит в начале либо классный показатель **w-*(**v-*?) 1 класса (одушевленных предметов), либо сочетание корня (ср. убых. *-w-* 'входить' = 'быть помещенным') с суф. *-ri* / *-re* (ср. адыг. *-р* как падежный суффикс?). Хаттский текст ритуала начинается фразой, позволяющей определить его мифологический фон: *wa$_a$-aš-ḫa-ab-ma eš-wu$_u$-ur aš-ka-aḫ-ḫi-ir šu-ú-wa$_a$*. Согласно хеттскому переводу фраза означает: DINGIR^{MEŠ} KUR^{MEŠ} *ma-ni-ya-aḫ-ḫi-ir da-a-ir-ma-at* 'Боги страны роздали для управления, и это (или эти) они установили'. Первая конструкция содержит хаттское название бога в формуле с классным показателем *wa-*, писавшимся посредством особого знака «полуалфавитного» типа [3],

---

[2] Из существенных для славянского языкознания соответствий следует отметить тождество польск. *pytel* 'частое сито для муки', *pytłować* 'просеивать муку для пеклеванного хлеба' (: др.-новгор. *пькль/еница* 'пекарня' с характерным развитием **tl* > **kl*; лит. диал. *pikliavoti*: *Z. Zinkevičius*. Lietuvių kalbos istorinė gramatika, I. Vilnius, 1980. P. 146. § 214 с литературой); хетт. *pittalwan* 'пеклеванный' < **p$_e$k^w-tl-w-ónt* (в частности, о муке и хлебе, также о мясе и масле); 'просушенный, прочищенный' (о сене, а также о платье и колеснице), ср. к развитию группы **k^{w}t-* > *-tt-* в хеттском *lutta-* 'окно' < **l(e)uk^w-to-* и т. п.

[3] Знак представляет собой сочетание обозначения *w* (непосредственно предшествующего и по форме, и по функции соответствующей «букве» угаритского клинописного алфавита) с последующим проясняющим знаком для гласного *a*.

встречающегося только в хаттских и хурритских, но не в хеттских текстах богазкёйского архива и означающего, скорее всего, спирант типа /*v*/. Этот показатель мог, как и в ряде восточнокавказских языков, означать ед. ч. 1 класса и мн. ч. того же класса. В данной фразе согласно хеттскому переводу его надо понимать во второй функции. Наличие соответствия хат. *wašḫab* в абхазо-адыгских языках (адыг. *уашхъо* ‘небесный свод’, кабард. *уащхъуэ* ‘вышина неба, небесная синева’, убых. *wašx°a* ‘гром и молния, бог’, в том числе в архаических заклятиях, находящих параллель и в абхазо-абазинском: абх. *Уашхо* и т. п.) обратило на себя внимание еще на первых порах изучения хаттского языка и тем не менее было позднее отвергнуто по существу только из-за наличия народной этимологии у соответствующего адыгейского слова [4] (ср. *уашъор шхъуантIэ* ‘небо голубое’, но это прилагательное в адыгском означало ‘зеленый, серый’: *шхъонтIагъ* ‘нелепый, серый’; *шхъонтIашъу* ‘зеленоватый, сероватый’, кабард. *шхъуэ* ‘серый, стальной’, *шхъуантIэ* ‘зеленый’). Наличие префикса в хаттском слове не только не противоречит хаттской этимологии, а позволяет ее поддержать, так как дает возможность установить гипотетическую связь приведенных абхазо-адыгских названий неба, бога и хат. *wa-šḫab/w-* с праадыгским **šx̌°a* ‘волшебство’ [5] (адыг. *ушъухьаныгъ* ‘волшебство, колдовство’, *ушъухьэ* ‘волшебный’, *ушхъухьан* ‘колдовать’, *шхъоепхын* ‘отравить’, кабард. *шхъуэ* ‘отрава, яд’), ср. убых. (из адыг. [6]) *šx°awə́* ‘колдовство’, *sx°ax-* ‘околдовывать’: *as sx° axə n* ‘я его околдовываю.’ Хат. *-ab/w* может соответствовать убых. *-aw-* и лабиализации в праадыгском. Восстанавливаемое на основе этих соответствий абх.-адыг. **šx-* [7] сопоставимо с хат. *eš-tan* ‘бог солнечного неба’ (сложное слово?) и с вост.-кавк. **(h)Vs-* (цез. хварш. гинух. *as* ‘туча, туман, дождь, небо’, бежт. гунз. *has*, хуррит. *ezi*, урарт. *ešə* ‘небо’ [8]) и

---

[4] *А. Камменхубер.* Хаттский язык // Древние языки Малой Азии: Сб. ст. под ред. И. М. Дьяконова, В. В. Иванова. М., 1980. С. 36 (там же история вопроса изучения связей хаттского с северо-западнокавказским). — За той гиперкритической точкой зрения, которую вслед за Деетерсом принимала А. Камменхубер, последовали Г. А. Климов и А. К. Шагиров (в его этимологическом словаре адыгских языков, там же см. библиографию спорных этимологий адыгских слов, которая здесь опущена для экономии места).

[5] *A. H. Kuipers.* A dictionary of Proto-Circassian roots. Lisse, 1975. № 76.

[6] *G. Dumézil.* Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubykh (Travaux et mémoires de l'Institut d'éthnologie. LXXI). Paris, 1965. P. 244.

[7] К соответствиям и реконструкции здесь и далее см.: *С. А. Старостин.* Реконструкция праабхазоадыгской системы согласных // Конференция «Проблемы реконструкции»: Тезисы докладов. М., 1978. С. 96—101.

[8] *И. М. Дьяконов.* Хуррито-урартский и восточнокавказские языки // Древний Восток, 3. Ереван, 1978. С. 31 (соответствие 10).

кет. *eş* 'небо, бог' (котт. *êş* 'небо, бог'), *êsxai* 'облако' (объяснение из сложения с названием горного хребта является народной этимологией). Значение последнего енисейского слова заставляет допустить и древность ст.-адыг. *схыі͡е* 'град'[9]), *ву͡дшхе* 'дождь', адыг. *ощхы* 'дождь', кабард. *уэ-шх* 'дождь', убых. *-š'χ* в *t°á-š'χ* 'град', где в первой части возможно соответствие хат. *tu-mil/n* 'град' (деление предлагается на основе этой этимологии и наличия морфы *-mil-* в имени бога грозы *Haša-mil-*).

Название *wa-šḫab* 'боги' засвидетельствовано в нескольких падежных формах, в частности в форме *ḫa-wa-šḫaw-i* 'среди богов' в текстах, обозначающих наименование на языке богов (хет. DINGIR^{MEŠ}*-naš ištarna*, ср. точное типологическое соответствие в айнск. *kamyj-amma* 'среди богов' в контексте, где речь идет о языке богов). В разбираемом хаттском тексте строительного обряда использована форма *wa-šḫab-ma*, играющая роль эргатива, непосредственно сопоставимого с адыгским эргативом на *-м* в сочетаниях типа адыгейск. *тхьэм ыIуаъэр* 'бог сказал' ('= богом сказано')[10]. Однако нельзя исключить того, что адыгский эргатив на *-м*[11] и хаттские формы на *-ma* не исходно родственны друг другу именно как падежные, а возникли в результате параллельного развития однотипных сочетаний с постпозитивным указательным местоимением типа кабард. *мы/о*, адыгейск. *мы*.

Наличие такого указательного местоимения в хаттском доказывается билингвой-заклятием, в которой хат. [*i*]*-ma-le-n zar-du* переведено хет. *kel*

---

[9] *Л. Люлье.* Словарь русско-черкесский или адыгский. Одесса, 1846. С. 47 (помета ст.-адыг. в тексте далее отсылает к этому источнику).

[10] Из текста нартовского эпоса: *И. Ф. Яковлев, Д. Ашхамаф.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1941. С. 452.

[11] Грузинский повествовательный падеж на *-ma*(*n*), охарактеризованный еще Ф. Мюллером как «определенный номинатив» (ср.: *Г. А. Климов, М. Е. Алексеев.* Типология кавказских языков. М., 1980. С. 101 и сл.), может восходить к ностратическому показателю определенности **-m*(*ʌ*) в части западноностратических языков (в частности, в семитском), получившему именно значение определенного падежа (в том числе именительного: сем. **-um*, и.-е. им.-вин. п. ср. р. **-om*: *В. В. Иванов.* Сравнительно-исторический анализ категории определенности-неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 11—18). В этом случае прямой связи с северо-западнокавказскими и хаттскими формами ожидать нельзя. Сван. *-em* как падежный показатель, аналогичный груз. *-ma*(*n*), может либо иметь общее с ним происхождение (и в таком случае возводится к той же ностратической праформе, ср. сван. *eǯn-em* 'он' и груз. диал. *e-ma-* при монг. *i-ma-da* 'ему' и *-m-* в косвенных падежных формах индоевропейских местоимений), либо быть одним из ранних результатов свано-абхазо-адыгского языкового контакта (не исключено и то, что унаследованное **-m* в сванском могло видоизмениться под влиянием сходной функции адыг. **-m*).

UDU-*un* ZI. *ŠU*[12] ‘(этой овцы) мясо’. В этом сочетании хат. *le-* ‘мясо’ (с окончанием объекта *-n*, ср. убых. *-n* и следы падежа на *-n* в абхазо-абазинском и падеж на *-n* в восточнокавказском) соответствует адыгейск. *лы* ‘мясо’, кабард. *лы* (сван. *le/aγw-* ‘мясо’ — древнее заимствование из производной основы типа адыгейск. *лыгъо* в *лыгъо-лыбжь* ‘мясные блюда’, *лыгъ-эъугъ* ‘сушеное мясо’, кабард. *лыгъэгъуа*, ср. также чечен. *лахьа* ‘мясозаготовки’, *лахьа-нан* ‘мясной’ и т. п.), убых. *γ′a* абхаз. *жәы* (при латеральном геминированном абруптивном аффрикативном и префиксе *r-* в дагестанском: авар. диал. *ри-тлӀъи*, анд. *ракъи*, цез. *релI*, лак. *дикI*, лезг. *йак*, удин. *экъ*, хин. *лыкк*). Хат. *zar-* ‘овца’ (с суф. род. пад. *-du*, для которого параллели обнаруживаются в восточнокавказском, енисейском и тибето-китайском) принадлежит к группе слов, имеющих наиболее четкие соответствия в нахском: чечен. *уьстагI*(*ий*) овца (при согласовании по III классу: *уьстаг бахара* ‘овца пошла’) фонетически соотносится с хат. *zar-* ‘овца’ с префиксом III класса wa_a *wa*$_a$*-za-ri-el*[13] и абхаз. (*а-*)*уаса* ‘овца’ (ср. отражение древнего классного показателя в абх. *у-* в *Уашхо* согласно изложенному выше) точно так же, как чечен. *стаг* ‘человек’ (согласование по I классу: *стаг вахара* ‘человек пошел’, *в-оккха стаг* ‘большой-старый человек’) с хат. *zari* ‘человек, люди’ с префиксом (ед. и мн. ч.) I класса *wa*$_a$*-zari* (ср., в частности, *wa*$_a$*-zari-un* ‘человечества’ в том же контексте, что и *wa*$_a$*-shaw-un* ‘богов’), ср. арчин. *bo-šor* ‘мужи’ (I класс). Выделение классного показателя **b-* в дагестанском названии ‘овцы’, сопоставимом с хат. *wa*$_a$*-zar*, допускал еще Н. С. Трубецкой: «aŋ. Plur. *ruc̣u* (wo *-r* das Klassenelement der “Genus plurale” ist) “Schafe” ~ bag. *beç̣ur*, tindi *boç̣ar*, čam. *boç̣alda̰* (wo *b-* das Klassenelement des “Genus singulare neutrum” ist) “Schaf”»[14]. Сходство начального и конечного элементов лезг., хиналуг. *вукьар*, агул. *укьар*, крыз. *викьер*, будух. *викьер* ‘овца’ с разбираемыми словами представляется весьма вероятным. Для восстановления исходного фонетического облика слова значительный интерес может представлять древнее армянское заимствование *woč̌xar* ‘овца’ (где анлаут указывает на связь с северокавказским) при груз. *cxwar*, мегр. *šxur*, чан. (*m*)*čxur*, *mcxur-*, *mškur-* (разнообразие рефлексов может говорить о заимствовании; согласно реконструкции С. Н. Николаева и С. А. Старостина, группа с ларингальным в середине слова может быть восстановлена в северокавказском).

Сочетание *ma-le-* в приведенной билингве тождественно адыгейск. *мó лы-р* ‘вот то мясо’, *мы̀ лы-р* ‘это мясо’[15]. Указательное местоимение *мы/о-* в

---

[12] *P. Laroche.* Une conjuration bilingue hatti-hittite // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. I. November 1950. Heft 2. S. 175.

[13] *А. Камменхубер.* Указ. соч. С. 59, 84.

[14] *N. Trubetzkoy.* Studien auf dem Gobiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen // Caucasica. 1926. Fasc. 3. S. 21.

[15] Ср. об ударении: *Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхамаф.* Указ. соч. С. 290.

адыгском имеет соответствия в восточнокавказском и хурритском (*ma* ‘ille’ по Ларошу)[16]. При положении этого элемента в постпозиции образуется (как в адыгском и хаттском, так и в восточнокавказском) эргатив. В качестве типологической параллели можно напомнить давно намеченную Шухардтом[17] интерпретацию индоевропейского «эргативного» («активного») падежа на *-*s* (позднее ставшего именительным падежом единственного числа и родительным падежом в тематическом типе на *-*o*-). Еще Шухардт обратил внимание на то, что активный падеж указывает на нечто новое (в том же смысле, в каком о «новом» — реме говорят в лингвистике текста и в теории актуального членения) и поэтому может иметь при себе местоимение (тип *Der Váter-er ruft*). Соответственно индоевропейский активный падеж на *-*o-s* может быть возведен к указательному местоимению -**s*(*o*), хеттское *-aš*. Правильность такой интерпретации подтверждается типологическим сопоставлением с северо-западнокавказским, где эргативный падеж на **m* в адыгском (как и родственные формы эргатива на *-m* в восточнокавказском) бесспорно восходят к сочетанию основы с постпозитивным указательным местоимением **mə* / **ma*. В настоящее время это представляется возможным благодаря сравнению современных адыгских языков с родственным им хатти, где представлены и формы с постпозитивным *-ma* после имени в функции эргатива: *ʯa$_a$-aš-ḫa-ab-ma* ‘seitens der Götter’ «tritt in die Rolle eines Agens»[18] и формы с препозитивным указательным местоимением типа (*i*)-*ma-al-li-en* ‘(ему, для него: *i*-, северо-западнокавказский префикс объекта) это’. Если в адыгском и хаттском рема выражена не постпозицией *-*ma*- в эргативной конструкции, а глаголом (без локальных превербов), то обычна конструкция с препозитивным *m* (*e*)- (явно того же местоименного происхождения[19]): зап. *ṡ°əzər ma-tḥač′′e* ‘женщина моет’, хаттское *titaḫ-zilat ma-zilat*[20] ‘великий престол стоит’. Типологи-

---

[16] Фонетически сходный элемент есть и в картвельском, но он может иметь ностратическую этимологию: *В. М. Иллич-Свитыч.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (*l-ʒ́*). М., 1976. С. 70. — В конечном счете именно местоименные элементы могут иметь наибольшую древность, допускающую сравнение праязыков макросемей, типа ностратической и северокавказской; но этот глоттогонический аспект в настоящее время предпочтительно еще не рассматривать до завершения предварительной работы над реконструкцией отдельных праязыков.

[17] *Г. Шухардт.* Избранные статьи по языкознанию. М., 1950. С. 252.

[18] *H.-S. Schuster.* Op. cit. S. 106. § 1.4. P. 732 (к сожалению, автор не обратил внимания на роль *-ma* в этой конструкции).

[19] *G. Dumézil.* Le verbe oubykh. Études descriptives et comparatives (Mémoires de l’Académie des inscriptions et belles-lettres, NS. T. I). Paris, 1975.

[20] Текст согласно копии разбираемого ритуала (Шустером не учтенной) KBo XIX 162 (936/z) Vs. 5—6; *te-et-ta* [*ḫ-zi-la-at*] *ma-zi-la-a-at*, реконструкция согласно: *W. Haas.* [Рец. на кн.] *H.-S. Schuster.* Die hattisch-hethitischen Bilinguen // Wiener Zeitschrift für

ческое сопоставление с такими северо-западнокавказскими (и родственными хаттскими) конструкциями позволяет считать, что индоевропейские конструкции типа **so* + глагол (безударный) были их типологическим аналогом в такой же мере, как и конструкции с эргативом на *-s* в индоевропейском были типологической параллелью адыгским и хаттским эргативным конструкциям.

Иначе говоря, с точки зрения соотношения темы и ремы (данного и нового) положение указательного местоименного элемента можно описать следующим образом. Если выделяется в качестве нового эргативная конструкция имени, то за именем следует (диахронически) указательное местоимение: *wašḫab-ma*; позднее из такой конструкции возникает эргативный падеж. Не представляется возможным определить в точности, были ли хаттские формы на *-ma* (особенно часто встречающиеся в текстах без хеттских переводов, где интерпретация затруднена) уже падежными формами (как адыгские) или еще сочетаниями с постпозитивным местоименным элементом. Косвенным аргументом в пользу первого истолкования можно было бы считать эргативообразное использование форм на **-nt-* в хеттском, в чем можно было бы видеть след древнего хаттского субстрата. Если в качестве нового — ремы в неэргативной конструкции выделяется не имя, а глагол, то ему предшествует тот же местоименный элемент: адыгейск. *ма-джэ* ‘кричит’ (вторичность залоговых употреблений этого префикса была предположена еще Н. Ф. Яковлевым). Таким образом, хаттские факты в сопоставлении с адыгскими позволяют подойти к проблеме эргативной конструкции (которой в последние годы посвящено множество исследований) в свете основных положений текстовой лингвистики.

С эргативной конструкцией в данном хаттском предложении связана глагольная форма *aš-ka-aḫ-ḫi-ir*. Гипотеза о соотношении хаттского именно с (прото)адыгским, соответствующая приведенным соображениям об эргативе (и возможно, объясняемая не столько специальными диалектными связями адыгского с хаттским, сколько архаичностью обоих этих ветвей северо-западнокавказского, ср. приведенные выше формы с сохранением латеральности начального хат. *le-*, адыг. *лы-* ‘мясо’ и т. п.), позволяет предположить, что хатт. *-ḫḫi-* (при обычном для хеттской и хаттской графики употреблении *-i-* для гласного переднего ряда типа *-e-* закрытого) функционально соответствует адыг. *-хэ-* как суффиксальному показателю мн. ч. объекта 3 л. в глаголе. В таком случае и конечное *-r* легко было бы интерпретировать по аналогии с адыгскими формами, имеющими этот конечный суффикс. Корнем следует признать *-ka*, имеющее точное соответствие в убых. *-q’a-* ‘давать’ при мн. ч.

die Kunde des Morgenlandes. Bd. 68. Wien, 1976. S. 206. — Обоснование интерпретации см. ниже.

объекта. Начальное *a-* в *a-š-ka-ḫḫi-r* следует, судя по роли начального *a-* в абхазо-адыгских глагольных формах, признать возможным показателем объекта (тогда отличие от современного адыгского состояло бы в одновременном выражении объекта в префиксе *-a-* и числа объекта в суффиксе *-ḫi-*). Наиболее спорной остается интерпретация *-s-* в этой форме. Судя по другим хаттским формам, соотнесение с глагольными корнями, предполагавшее бы сочетание корней или деривационных морфем (ср. убых. *š́* ‘делить’ с последующим *-q’a-* как суффиксом и т. п.), не кажется вероятным. Очень гадательно можно было бы предположить на основании функции **s-* как префикса 1 л. ед. ч. в абхазо-адыгском отнесение *š-* к 1 л., что соответствовало бы текстам хеттских молитв и обрядов, где царь в аналогичных случаях говорит о себе в 1 л. (ср. 1 л. мн. ч. ниже в хеттском пересказе аналогичной хаттской глагольной формы).

Представляется вероятным, что *-š-* в *a-š-ka-ḫḫi-r* должно быть соотнесено с *(e)š-* в объекте *eš-wur* в анализируемой эргативной конструкции. В хаттском основой существительного является *-wur* ‘страна, земля’, соотносимое с хуррит. *ḫaw(u)ri* ‘земля’ [21] и, по-видимому, восходящее к общесеверокавказскому [22] лексическому слою в хаттском и хурритском. Однако остается не вполне ясным, насколько этот термин сохранился в современных западнокавказских языках (фонетически сравнение с протоадыгским **хак’°ə* ‘страна, область’ остается весьма проблематичным, т. к. неясна судьба **-k’°* при хатт. *-w-*), как и в языках восточнокавказских (ср., однако, арч. *xlor* ‘селение’ при соответствиях со значениями ‘село, поле’ в других дагестанских языках). Не исключено, что термин был утерян, заменен новообразованиями и заимствованиями при изменении социальной структуры носителей северокавказских языков. Что же касается префикса *eš-* в *eš-wur*, то на основании аналогий с другими хеттскими текстами этого типа можно высказать допущение, что и в тексте строительного ритуала *e-š-* имеет то же значение, что и показатель *a/e-* (*-š-*) в глагольной форме *a/e-š-ka-ḫḫi-r*. Иначе говоря, в конструкции *e-š-wur a/e-š-kaḫḫir* имеет место согласование по морфам *-a/e-*.

В глагольной форме есть несколько возможностей интерпретации *aš-*. Одна из них кажется наиболее вероятной с точки зрения грамматической (в

---

[21] *W. Haas*. Op. cit. S. 203.

[22] Условность термина «северокавказский» применительно к хаттскому (распространенному в III тыс. до н. э.) в северной части Малой Азии и хурритскому, уже на рубеже III и II тыс. до н. э. (если не много ранее) взаимодействовавшему с лувийским на юго-востоке и юго-западе Малой Азии, а также и применительно к этрусскому (см. статью автора в печати), представляется очевидной, тем более что еще Услар предположил южный путь миграции носителей абхазо-адыгских языков (согласующийся и с бытующими у них до сих пор преданиями).

том числе и согласовательной) структуры и лучше всего соответствует истолкованию хаттского в свете абхазо-адыгского. Во всех северо-западнокавказских языках есть глагольный префикс объекта 3 л. *а-*, который (в частности, в убыхском и в адыгском) может относиться и к 3 л. мн. ч.: адыгейск. *а-р-еты* ‘им он дает’. В таком случае это же значение следует приписать и хат. *а-*. В пользу этого предположения говорит, в частности, то, что в адыгейском *а-* соотносится с *и-* в притяжательной функции: *а-шыхэр* ‘их братья’; *и-тхылъ* ‘его книга’. Что же касается префикса объекта 3 л. ед. ч. *i-* (тождественного абхазо-адыгскому), его наличие в хаттском бесспорно доказывается формами типа *i-tu-ú-ə* ‘мы едим’, ср. абхаз. *и-ф-еит* ‘он что-то съел’ (убых. *f-* ‘есть’; адыг. *-т-*, 1 мн. ч., нах. *т-хо* ‘мы’, ср. табас. *č-* эксклюз. при *х-* инклюз.: абх. *ҳ-*). Следует отметить обычный для абхазо-адыгского порядок «аффикс объекта + аффикс субъекта» (OS) в этой форме.

Значительно более сложной является интерпретация *-š-* в форме *a-š-ka-ḫḫi-r*. Контекст делает возможным сопоставление с убых. *-š′-(g’a)*, часто встречающимся в сложениях в качестве первого элемента, где речь идет о разделении, распределении (ср. в особенности *aq̄aṡna š′ax′azana : š′q’an* ‘ils nous repartirent sur les villages’, ср. у Дирра **xes-* ‘распределить’; убых. *-š′q’a-* может соответствовать хат. *-ška-*). В таком случае не только убых. *š′-*, но и хат. *-š-* сравнимы с енис. **-es-* > котт. *éś- tajan*, кет. *д’-эс’-аб-даӄ* ‘класть’. Однако, как уже отмечалось, сочетание глагольных основ для хаттского пока что не выявлено, сопоставление же хат. *-ка-* с глагольным суффиксом типа убых. *-q’a* (показатель завершенности действия — перфекта и «будущего в прошлом») пока не находит других параллелей в хаттском (ср. ниже о другом возможном соответствии). Поэтому можно предположить и другую функцию *-š-* как префикса 1 л. ед. ч. (что соответствует общеабхазо-адыгскому).

Эту гипотезу кажется возможным подтвердить другими текстами. Различие между конструкцией *tauwa$_a$ tupi ta-ḫ- kuwa-t* ‘охватил его Страх, охватил его Ужас’ в повествовательной начальной части мифа о Луне, упавшей с неба, и *ša-ḫ-kuwa-t* (с теми же существительными) в части, где о тех же событиях рассказывает богиня Каттах-Цифури (хат. *Kattaḫ-Zifuri* ‘Царица Ц.’), объясняется, очевидно, тем, что глагол *-kuwa-* (тождественный убых. *q°’a-* ‘хватать, брать’, авар. *kkveze* ‘хватать, ловить, брать, держать’ [23] с начальной сильной неглоттализованной аффрикатой) во втором случае употреблен в прямой речи богини, которая (как следует из продолжения мифа) ведает Страхом и Ужасом (подобно Афродите, приносящей соответствующие грече-

[23] Относительно предполагаемых дагестанских этимологий, едва ли фонетически верных в свете точного соответствия в убыхском, ср.: *Б. Я. Гигинейшвили.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977. С. 98.

ские мифологические символы Аресу в «Теогонии» Гесиода, 933—934; малоазиатское происхождение эпизода не вызывает сомнений). В таком случае хат. *ša-ḫ-kuwa-t* имеет ту же префиксальную структуру, что и убых. *a-s-q°' á-n* ‘я его беру’. Предлагаемое истолкование, позволяющее прибавить к ранее выявленным хаттским префиксам (2 л. ед. ч. *u-*, 1 л. мн. ч. *t-*, ср. выше), которые совпадают с адыгскими (и в целом северокавказскими), еще и префикс 1 л. ед. ч. *š-*(*-), в отношении семантики опирается на тождество описания лунного затмения посредством убых. *q°'a-* в сочетании *andya q°'aq'a* ‘он схватил солнце’ = ‘произошло затмение солнца’, где и первое слово — название ‘солнца’ *ndya*, как и его адыгские (ст.-адыгейск. *ттого*, *тыгъэ*, кабард. *дыгъэ* ‘солнце’) и восточнокавказские соответствия (арч. *iq* ‘день’, агул. *йагъ*, рутул. *йыг*, цахур. *йи/ыгъ*, табас. *йигъ* ‘день’ при предполагаемом родстве с названием солнца[24] типа авар. *baq*), находит точную параллель в хатт. *yaḫ* ‘солнечный блеск’; дальнейшие связи есть в енисейском: кет. *îg*, *îx* ‘день’, *êga* ‘солнце’ при превращении конечного согласного в ларингализованный тон в кетском[25]. Сочетание, аналогичное хаттскому контексту, в котором выступает глагол *-kuwa-* в мифе о лунном затмении, может быть реконструировано для общесеверокавказского на основании совпадения этого хаттского контекста и хат. *yaḫ* с убых. *andya q°aq'a* ‘он схватил солнце = произошло затмение солнца’ и авар. *baq-kkvej* ‘затмение (солнца)’, *baq kkun bugo* ‘солнце затмилось’, *moзз kkvej* ‘лунное затмение’ (с другим названием луны). При другой глагольной основе тот же образ[26] выражен и в адыгейск. *тыгъэм иубытычыгъ* ‘затмение солнца’, *мэзэ убытыныгъ* ‘лунное затмение’, *убытын* ‘взять, схватить, захватить, поймать’, кабард. *дыгъэр иубыдычыгъэ* ‘затмение солнца’, *убыдын* ‘поймать, схватить’. Наконец, в примыкающей к хурритскому циклу стихотворных повестей о Кумарби поэме о Серебре, известной по хеттскому переводу, этот мифологический герой стаскивает с неба Луну и Солнце, что опять-таки соответствует этому общесеверокавказскому кругу представлений о лунном и солнечном затмении.

Согласно предлагаемой интерпретации хаттских текстов мифа о Луне, упавшей с неба, и начальной фразы строительного ритуала хат. *eš-wur* ближе

---

[24] *Т. Е. Гудава.* Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси, 1979. С. 166—167, 170—171.

[25] См. об этом процессе в енисейском, в частности в данных словах: *В. В. Иванов.* К синхронной и диахронической типологии просодических систем с ларингализованными или фарингализованными тонемами // Очерки по фонологии восточных языков. М., 1975.

[26] Типологически отличны представления об умирании луны или поедании, встречающиеся в других традициях. Именно специфичность описания затмения как результата схватывания луны и солнца делает сопоставление более рельефным.

всего соответствует др.-хет. *utne-mit* ‘страна моя’ (= ’страны мои’) в аналогичном контексте. Но неполное соответствие хаттского ритуала и хеттского пересказа этим не ограничивается. Одной хаттской глагольной форме *aškaḫḫir* в хеттском пересказе-комментарии соответствуют две глагольные формы *ma-ni-ya-aḫ-ḫi-ir da-a-ir-ma-at* ‘передали в управление, это (= эти) же дали’. Местоименное уточнение *at-* в хеттском пересказе, как и глагол *da*(*i*)- ‘давать’, явно относится к морфам формы *aš-kaḫḫir*, поэтому остается предположить, что глагол *maniyaḫḫir* добавлен хеттским писцом ради эффектного созвучия с хаттской формой (лишь затрудняющего ее интерпретацию). В таком случае последнее слово первой фразы строительного ритуала *šuwa*, которое у всех комментаторов вызывало удивление, следует понимать не как глагол (что и было бы маловероятно по его структуре), а как наречие места ‘там, здесь’, родственное убых. *š°a*, ср. *t°’as-š°a* ‘место для сидения’; *səšač’ afan g’əntχq’an x°aš°a q’a : məχ* ‘нет способа уйти (*x°a-*) от того, что он написал мне на лбу (от судьбы)’ (о богах и человеке, в контексте, напоминающем хаттский), *la š°á ak’’aq’a* ‘он пошел на зайца’, ср. адыгейск. *щэ/ы-* глагольный префикс места (*щэ-тхагъ* ‘он там писал’, *щэ-джэгу* ‘там играет’), кабард. *щы/э-* (*ку эбжем идей сы-щы-Іащ* ‘я был в городе’).

Согласно предложенным толкованиям, первая фраза строительного ритуала должна пониматься так: ‘Богами мне (= царю) моя земля (= моя страна, мои земли) даны = даются (для царствования) здесь’ (или: ‘Богами земли даются здесь’). В таком случае полный текст следующей фразы следует восстанавливать по дубликату KBo XIX 162 (963 / z с реконструкцией Хааса): ^{URU}*ḫa-at-tu-uš te-et-ta* [*ḫ-zi-la-at*] *ma-zi-la-a-at šu-ú-wa*$_a$. — Глагольная форма, разобранная выше при анализе функций хат. *ma-*, в тексте, сопровождаемом хеттским переводом, опущена. Перевод повторяет условное глагольное разъяснение из первого предложения, но дает объяснение основному хаттскому имени: ^{URU}*ḫa-at-tu-ši šal-li* ^{GIŠ}SÚ.A *da-a-ir-ma-at* ‘они же это (эти) поставили в городе Хаттусасе (= Хаттуше) большой престол’. Поскольку в этой копии хаттский глагол опущен, условность хеттского глагола, взятого из предыдущего предложения, не вызывает сомнений. Наибольший интерес представляет объяснение хат. *tetaḫ-zilat* как ‘большой престол’. Согласно приведенному в связи с этимологией *Zilipuri* фонетическому правилу хат. *zil-* соответствует адыг. *чI-*, кабард. *щI-*, поэтому основа *zilat* непосредственно сопоставима с адыгейск. *чIэ-т* ‘находится, стоит под’, *чIэтIысхьан* ‘сесть (под чем-либо)’, *чIэтIысхьэ* ‘садиться под чем-либо, вселяться, поселяться’, кабард. *щIэтын* ‘стоять где-либо’, ‘в чем-либо’, *щIэт* ‘подставка’. Судя по адыгским соответствиям, основным является значение ‘под; под подкрытием’. Поэтому (в соответствии с отмеченным фонетическим соотношением) представляется вероятным сближение и с общедагестанским обозначением ‘низа’ (грамматика-

лизованным в показателе локативной серии *-ṭ* ‘под’)[27]. Адыгейск. *чIэ-т* ‘находится под, стоит под’ позволяет понять приведенную выше глагольную форму *ma-zila-t*, имеющую то же самое значение и совпадающую как с этой глагольной формой, так и с адыгейскими же бесприставочными глагольными формами с префиксом *т-* (см. выше). В хаттском *ma-zila-t* в отличие от адыгского префикс *ma-* может предшествовать другому префиксу. Связь хат. *zilat* ‘престол’ с почти одинаково с ним звучащим этрус. *zilat/θ*, давно уже предположенная этрускологами, допускает двоякое объяснение. Во-первых, эти слова могут быть исконно родственными, но для этого нужно было бы найти другие аналогичные случаи отражения в этрусском древнего сильного латерального абруптива. Во-вторых, слово может принадлежать (как и ряд столь же близких по звучанию слов, общих для хаттского и хурритского) к ареальной малоазиатской терминологии, заимствованной в этрусский в достаточно древний период. Во всяком случае, значение, связанное с государственной властью, удостоверяемое для основы *zilac* (явно связанной с *zilat*) финикийско-этрусской билингвой, делает почти несомненным то, что *zilat* функционировало в этрусском почти в том же смысле, что и в хаттском.

Хат. *titah-zilat* ‘большой (великий) престол’ представляет собой сложное слово, сохраняющее обычный для хаттского и для архаических атрибутивных сочетаний в абхазо-адыгском порядок слов «определяемое + определение». В определяемом *titaḫ-* ‘большой’, возможно, содержится суф. *-ḫ-*. Не исключено, что в других случаях *-ḫ-* в прилагательных (как бесспорно *-ḫ* в существительных) связан с женским родом, что сделало бы возможным сравнить с данным словом хат. *tete-kuzzan* ‘очаг’. Но если считать этот суффикс характерным именно для прилагательных, то с известными оговорками можно было бы предложить сравнение с не имеющим отношения к роду хуррит. *-ḫḫe*, урарт. *-ḫə* < **-ha* в таких прилагательных, как хуррит. *turo-ḫḫe* ‘мужской’, урарт. *šu/oḫə* ‘новый’ с гипотетическими восточнокавказскими соответствиями (лезг. *-ɣ-* как соединительный элемент в склонении)[28]. Однако не исключено, что в хаттском этот суффикс относился вообще к именному роду (или классу?), ср. ниже.

Что же касается основы *tit(a)-* ‘большой’, она имеет широкий круг соответствий в абхазо-адыгском (кабард. *дыдэ* ‘очень’, *дыдэщ* ‘совершенный’, адыгейск. *дэд* ‘очень’) и картвельском (грузино-занском: др.-груз. *did-* ‘вели-

---

[27] См. об истории слов этого корня, к которым предположительно относят и авар. *qibil* ‘корень, происхождение, род’: *Т. Е. Гудава.* Указ. соч. С. 187.

[28] *И. М. Дьяконов.* Указ. соч. С. 36; *I. M. Diakonoff.* Hurrisch und Urartäisch (Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Beiheft 6. Neue Folge). München, 1971. S. 70—71. (Anm. 72), 169.

кий', мегр., чан. *did-*), а также в восточнобалтийском [29]. По своей звуковой структуре она могла бы быть и ономатопоэтической — идеофоном, связанным с теми универсальными категориями, которые выявляются и в сходных редупликациях в детском языке.

Значительный интерес представляет употребление неоформленного названия города — хат. *Ḫattuš* при хет. мест. п. *Ḫattuš-i*, ср. аналогичное хат. *Laḫzan* при хет. *Liḫzini* 'в (священном городе) Лихцина' (к названию ср. абхаз. *Лыхны* как наименование одного из древнейших культовых центров). Эти формы хаттских имен с нулевым окончанием оказываются частичным подтверждением идей Н. Ф. Яковлева, полагавшего, что подобные «неоформленные» имена в адыгском восходят к древнему состоянию языка [30]. Этимология названия *Ḫattuš-* в связи с названием языка хет. *ḫatt-ili* 'по-хаттски' и страны KUR ^{URU}*Ḫatti* 'страна Хатти' представляет особый интерес в силу наличия сходно звучащих адыгских топонимов и этнонимов, а также близкого звучания енисейского имени 'человек'.

Согласно предлагаемой интерпретации хаттское предложение означает: 'В (городе) Хаттуше большой престол стоит здесь'; хеттский перевод-пересказ скорее передает общий смысл этого предложения вместе с предшествующим.

Значительно ближе к тексту фрагментарный хеттский перевод следующего хаттского предложения: хат. *ta-ba-ar-na ka-a-at-ti ta-ni-wa$_a$-aš*, хет. *nu-za la-ba-ar-na-aš* LUGAL-⌊*uš*⌋ *an-da-an e-eš-zi* '(и) Повелитель царь на нем сидит'. В глагольной форме *taniwaš* выделяется корень *-š*, соответствующий корню, выступающему в связанном виде в адыгейск., кабардин. *те- с -ын* 'сидеть на чем-либо' (напр., на стуле — адыгейск *пхъэнтIэкIум*), *дэ-с-ын* 'сидеть в чем-либо, где-либо'; убых. *wa-s* 'быть среди, быть в чем-либо'. Особенно разительными представляются сходства приставочного *wa-s* в убыхском, где *wa/ə-* выделяется уже в качестве архаического форманта ед. ч. (при *k'a-* во мн. ч.) и аналогичного *-wa-š* в хат. (*a-*) *ta-ni-wa-š*, *ḫa-ni-wa-š* (при адыг. *хэ-с* 'сидит где-либо в чем-либо', *хэсын* 'посидеть в массе чего-либо'); хаттская форма завершает две строки с грамматическим параллелизмом хаттских (строфических) песнопений (KUB XXVIII 18 Vs. 8 = Rs. 6). Сравнение с

---

[29] Картвело-балтийское соответствие разъясняется из ностратического (как редупликация корня **di-*): *L. Palmaitis.* Proto-Indo-European vocalism and the development of the Indo-European declensional models // Indogermanische Forschungen. 1979. Bd. 84. S. 24. Anm. 7. В этой связи стоит отметить и предложенное Марром сопоставление с араб. 'крепкий, сильный': *Н. Я. Марр.* Предварительное сообщение о родстве грузинского языка с семитическими // *Н. Я. Марр.* Избранные работы. Т. I. 1933. С. 28.

[30] *Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхамаф.* Указ. соч. С. 47—48, 281; *Н. Ф. Яковлев.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. М.; Л., 1948. С. 112.

убых. *n-*, играющим роль глагольного префикса в формах типа *č'abɣanəw'sq'a* ‘он его посадил на лошадь’, удостоверяет точность разделения хаттских форм на префиксы. Родственный префикс в адыгском обозначает направление действия: адыгейск., кабардин. *нэсын* ‘достичь, доехать’, абаз. *на-*(*ны-*?) в *нà-йра* ‘двигаться туда’, абхаз. *анеира*. Таким образом, каждый из трех превербов (*ta-ni-wa-*, *ḫa-ni-wa-*), выделяемых в хаттских формах с *-š*, находит соответствия в абхазо-адыгском. Форма *taniwaš* представляет интерес и в том отношении, что для хаттского оказывается возможным установить различие непереходных глаголов, имеющих длинные цепочки местных превербов, которым (как в абхазском и других родственных северо-западнокавказских языках) противопоставляются формы переходные с префиксами местоименными. В параллельной форме *a-an-ni-wa$_a$-aš* (KBo XIX 162 Vs. 7) вместо локативного префикса *ta-* выступает префикс объекта *a-*, очевидно, при значении ‘сидит на нем’ (‘= на великом троне’).

Термин *katte* ‘царь’ представляет особый интерес ввиду наличия соотнесенного с ним *katta-ḫ-* ‘царица’, бесспорно родственного абх. *-ҳ-*, адыг. *-хъ-у* в абх. *аԥ-ҳ-а* ‘дочь’ (адыг. *n-хъ-у*, убых. *px'á*): абх. *аԥ-а* ‘сын’; во всех языках этот суффикс выделяется в ограниченном числе случаев. Но, по-видимому, наличие этого суффикса свидетельствует о том, что ко времени его возникновения префикса класса женщин (или старых женщин, как в некоторых дагестанских языках) в хаттском и праабхазо-адыгском не было (что могло бы быть доводом и в пользу относительно более позднего времени становления II класса в восточнокавказском).

Этимология хат. *tabarna-* ‘правитель’ (заимствованного в хеттский и палайский) подвергалась оживленному обсуждению, но пока его возможные связи остаются не вполне ясными, как и морфологическая структура слова. На этой фразе кончается первый раздел текста — мифологическое вступление, отделенное писцом от остального текста.

В следующей фразе строительного ритуала повторяется глагольная форма первого предложения, но в существенно ином контексте: хат. *an-na eš-ka-a-ḫé-er-bi*, хет. *ma-a-na-at ta-pa-ri-ya-u-e-ni-ma* ‘Когда же этим мы владычествуем (= правим)’. Начальное *an-na* ‘когда’ тождественно основе убых. *aná-*(*n*) ‘тогда, в то время как’ и абхазо-абазин. *-ан* : в абхаз. префикс *-ан-* ‘когда’, в абазинском суф. *-*(*а*)*н* — показатель со значением ‘во время совершения действия’. Конечное *-bi*, повторяющееся и в следующем предложении, в точности по функции и по вероятному фонетическому облику соответствует убых. *-ba* как показателю гипотетичности: *səyk''ába* ‘если (= когда) я приду’, *wəɣ°ag'ə́ da : ɣ°á awq'aq'áytba* ‘если бы ты этого не сказал’ и т. п.[31] Этому

[31] С чисто фонетической точки зрения объяснение с абхаз.-адыг. **b* > убых. *b* более вероятно при хат. *bi*. Поэтому предлагаемое сопоставление следует предпочесть

обозначению условности предшествует та же форма, что и разобранная выше, но с начальным (объектным?) аффиксом *e-*, а не *a-*, что, очевидно, связано с различием в конструкции. Примерный возможный перевод ‘Когда они (= боги) мне (= царю) дали ее (= страну, хат. *e-*, ср. хет. at = udne)’. Первое лицо и глагол хеттского пересказа при таком истолковании понятны, употребление же мн. ч. скорее объясняется тем, что до этого речь шла о богах, если не объясняется спецификой употребления множественного вместо единственного в «вежливых» формах, как в убыхском. Следующая фраза, сохраненная в дубликате, содержит тот же хат. *-bi* (гипотетичность): хат. *da-ba-ar-na kat-te-e li-e-we$_в$-e-el ni-i-bu-bi-e zi-i-iš pa-la*, хет. [LUGA] I[*-u-*] *a-aš* É-*ir i-ya-u-e-ni-ma-aš* HUR. SAG^{MEŠ} ‘если (= когда) будем делать дом повелителя-царя ими — горами’. Как и *-bi* в предыдущем предложении, *-bi-e* = [*bi*] как суффикс условности присоединяется к глагольной форме в целом. Форма содержит тот же суф. *ni-*, что и *ta-ni-wa-š*, *ha-ni-wa-š*. Выделение за *n-* объектного показателя *-i-* возможно, но второе *-i-* после *ni-* может объясняться и графическими причинами. В основе *bu-* ‘делать’, содержащейся и в других хаттских глагольных словоформах, целесообразно выделить корень *-u-*, совпадающий с корнем абхаз. *a-y-pa* ‘делать’, и предшествующий ему классный показатель *в-* того же типа, что в восточнокавказских глаголах типа лак. *б-унни*, *унни* (III кл.), аорист от *б-у-в-ач* ‘сделать’, авар. *ha-b-u-na*, *ha-v-u-na*, *ha-j-u-na*, *ha-r-u-na*. Конструкция *tabarna katte li-wel* ‘повелителя-царя его дом’ характеризуется сочетанием неизменяемых форм двух первых титулов с нулевым окончанием (ср. выше о форме *Hattuš*) с комбинацией притяжательного местоименного префикса *li-*, соответствующего абхаз. притяж. мест. 3 л. ед. ч. ж. р. *л-* и убых. *-l* в некоторых убыхских притяжательных формах (особенно множественного числа), архаичность которых давно была правильно предположена Месарошем[32], и имени существительного *p/wel* ‘дом’ (к интерпретации ср. хат. *li-e-we$_в$-e-el*, хет. É-*ir-se-it* ‘дом-его’, 412/b + Vs. 7a/6b). Хат. *b/wael'* ‘дом’ представляется родственным хуррит. *pur^{u}li* ‘дом’, но, скорее всего, в качестве миграционного слова, так как в нем не наблюдается закономерного соответствия для **ç̌*, реконструируемого в дагестанском[33]. В пользу гипотезы о миграционном характере термина говорят и его дальней-

---

другому возможному с **f* > убых. *f* в *-fa* со значением потенциальности, ср. адыг. *-фэ* ‘пока’, кабард. *-ху* < **f-*, в этом случае фонетически более вероятно было бы хаттское написание *wi-/fi/*.

[32] *J. von. Mészáros.* Die Pächy-Sprache (Studies in Ancient Oriental Civilization. № 9). Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 1934. Следует отметить исключительную ценность этой книги и в интуитивно верном (хотя в то время еще почти недоказуемом) подходе к характеру хаттского языка, и в стремлении к морфному анализу убыхских и других родственных северокавказских форм.

[33] *Т. Е. Гудава.* Указ. соч. С. 183.

шие связи как с египетским *pr*, так и с хет. *pir* / *parn-* ‘дом’ и родственными словами в других анатолийских языках [34].

Для понимания фразы ключевое значение имеет хат. *pala* ‘подобно, подобный, такой же как’, в точности совпадающее с праадыг. **p^{h}ałа* ‘подобный’ (кабардин. *палъэ* ‘подобный, такой же’, ‘равный, равнозначный’; адыгейск. *ар лIэгъэ пэлъыт* ‘он подобен мертвому’). Сложное обрядовое соотношение между строительством царского дома и горой (или горами) занимает первостепенное место в тех архаических хеттских строительных ритуалах (как KUB XXIX I), для которых давно предполагалось наличие хаттского прототипа. Поэтому, принимая отождествление хат. *ziš* в этом тексте с хет. HUR. SAG^{MEŠ} ‘горы’ в переводе-пересказе, можно понять смысл хаттской формулы: ‘когда повелителя-царя дом будут делать подобный горам’ (или: ‘подобным горам’; в хеттском переводе то же условное множественное число [35], что и в предыдущей фразе). Предлагаемое объяснение хат. *ziš* позволяет объяснить и казавшееся загадочным место текста хаттского мифа о боге луны, упавшем с неба: хат. *kap ka-iyah-du Kašku dukzik zuduḫan zišim*, хет. ^{d}XXX-*aš-kan nepišaš maušta n-aš-kan kilamni maušta* ‘Бог Луны упал с неба, и он упал на портик — на вход во храм’.

Хат. *Kašku* ‘бог Луны’ родственно хуррит. ^{D}*Kušuḫ* ‘Луна-бог’ [36] и, вероятно, также адыгейск. *къызжIечы* ‘светает’, *къэ-зыгъэ-нэфырэр*, *нэфынэ къэзыгырер* ‘светило’, *дунаир къэзыгъэнэфырэр* ‘небесное (мира) светило’; возможно также северокавказское (адыгское?) происхождение осет. *kæsyn* ‘сверкать (о луне, солнце, звездах)’, лишь внешне совпавшего с *kæs-* ‘казаться, видеть = выглядеть’. Этому имени героя мифа предшествует разобранная выше основа *yaḫ-* ‘солнечный блеск’ с локативным преф. *ка-* (ср. адыг. *къэ/а/ы-*, глагольный префикс направления) и падежным суф. *-du: ka-yaḫ-du* ‘от солнечного блеска’ (= от солнечно-блестящего). Как давно правильно предположено, ту же падежную форму в другом обрядово-мифологическом тексте — заклинании ветра (KUB XVII 28 II 4) имеет слово *kap: kap-tu* ‘с неба’ [37]. В продолжении цитированного мифа о луне, упавшей с неба, тот же

---

[34] *В. В. Иванов.* Об одном миграционном термине в хауса (хауса *birni* ‘город’) // Языки Африки. М., 1966.

[35] Альтернативным объяснением было бы предположение о наличии инклюзивного префикса *ni* (типа авар. личн. мест. 1 л. инкл. *нил* ‘мы с вами’; тогда перевод ‘мы с вами будем делать’).

[36] *W. Haas.* Op. cit. S. 203.

[37] *E. Laroche.* Op. cit. P. 177. — Как и в восточнокавказских языках типа табасаранского и как в енисейском, функции падежа на **-d-*, от которого в этих языках могут и образовываться целые серии вторичных падежных форм, достаточно широки. Поэтому в данном случае перевод Лароша условен.

мотив падения в повторном рассказе Богини описан следующим образом: хат. *ka-ap-ḫu zi-ya-aḫ-du* ^{d}*Ka-a-aš-ku du-uk-zi-ik*, где за формой *kap* следует частица очевидности (пересказывания) *ḫu-*, возможно связанная с соответствующим глагольным корнем, как в хаттском (хат. *uk-ḫu-ba* ‘она сказала’ в мифе о Луне непосредственно перед разбираемым местом) и абхазо-адыгском (абхаз. абаз. *хIвара* ‘говорить’, адыгейск. шапсуг. *Iуэн*, *кIъуэн*, терск. *жыIуэч*, кабардин. *жыIэч* [38]); вероятно, возникновение древнехеттской частицы *wa*(*r*) в той же функции из общеанатолийского глагола (**wer-*, ср. греч. **Fεϱ-yo* > *εἴϱω*, лат. *ver-bum*, нем. *Wor-t* и т. п.), еще отраженного в палайском, может объясняться доисторическим влиянием хаттского языка на хеттский. В цитированном сочетании за *kap* следует только эта частица, тогда как показатель *-du* стоит лишь после определения (приложения?): *kap-ḫu zi-yaḫ-du* ‘с неба, мол, солнечно-блестящего’ (*zi* — локативный префикс, легко сопоставимый с локативными префиксами с начальным свистящими или шипящими типа адыгейск. *щэ-* ‘где-либо’ в абхазо-адыгском), но это позволяет думать о явлении типа групповой флексии, обычной для агглютинативных языков, к которым хаттский следует отнести на основании структуры последовательностей цепочек аффиксов (в восточнокавказских языках типа табасаранского [39] от именной основы падежа на *-д-*, как и в енисейском, образуются агглютинативным способом косвенные падежи; ср. также функцию кит. *-ды*). Очевидно, сходным образом следует анализировать и последовательность *kap ka-yaḫ-du* ‘с неба солнечно-блестящего’, где *kap* выступает в форме нулевого падежа, а падежное окончание *-du* присоединяется к атрибуту (*ka-*) *yah-*.

Согласно предлагаемому описанию, *kap* должно означать ‘небо’. В этом случае слово может содержать наблюдающийся в ряде хаттских имен начальный (окаменевший классный?) показатель *k-*, а основа *-ab* — та же, что и в *wa-šḫ-ab* ‘боги’ (и в родственной второй части приведенных выше современных абхазо-адыгских слов, в адыгском означающих ‘небо’); ср. также в дагестанском авар. (*z-*) *ob*, дарг. *зub-ri* и т. д. Глагольная форма (*duk*)*-zik*, встречающаяся в обоих приведенных вариантах мифа о боге Луны, упавшем с неба, по-видимому, может быть связана с убых. *č'a-ká-* ‘падать’ (о предметах, падающих на землю, в том числе о садящемся во время заката солнце [40]): *səyc°'anyač'akánan* ‘бросая нас на землю’. Глагольной непереходной основе,

---

[38] Ср.: *Г. В. Рогава.* К составу основы кабардинского глагола *жыIэн* ‘говорить’ // Учен. зап. Кабардино-Балкарского науч.-исслед. ин-та. Т. XVI. Нальчик, 1959.

[39] Ср. недавно опубликованное изложение описания Услара: *А. А. Магометов.* П. К. Услар — исследователь дагестанских языков. Махачкала, 1979. С. 41.

[40] *J. von Meszaros.* Op. cit. S. 266, 284, 287; *H. Vogt.* Op. cit. P. 105 (N 426), 214 (N 2229) и др.

очевидно, предшествуют два локативных префикса: *du-k-* (ср. адыг. *дэ-* ‘в’ и адыг. *къэ-*, но чисто фонетически возможны и другие сближения). За предложением *kap*(*-ḫu*) (*ka-*/ *zi-*) *iyaḫ-du* ^{D}*Kašku dukzik* ‘с неба (мол) солнечного бог Луны упал’ в обоих повторяющихся рассказах следует вызывавшее недоумение исследователей *zu-du-uḫ-a-an zišim*, переведенное хет. *n-aš-kan šer* KI. LAM-*ni* (*kilamni*) *maušta* ‘и он упал на портик храма’. Глагольная форма может быть отождествлена с убых. *z°a-t°’a-* ‘опуститься’ (ср. *z°a-* ‘небо’: авар. *zob* ‘небо’ и т. п.): *aš’x’az°anət°’aq’ayła* ‘все вещи, которые он (бог) опускает (с неба) для вас’, *ándẏa z°at°’aq’a* ‘солнце начало садиться’; последняя форма может быть полностью тождественна хат. *zu* (= убых. *z°a-*, авар. *zob*) *-du* (= убых. *t°’a-*, ср. адыгейск. *тIысын* ‘сесть’ в *тыгъэр тысыгъэ* ‘солнце село’) *-ḫa* (ср. убых. *-q’a* суффикс завершенности [41]) *-n* (ср. общее для северокавказских языков окончание перфекта *-n*). Хат. *zišim* может быть объяснено благодаря обнаружению формы *ziš* ‘гора, горы’ в вышеразобранном месте дубликата строительного ритуала (к этимологии ср. вост.-кавк. формы типа лезг. *сув*). В этом предложении хат. *zišim* выступает в форме падежа на *-m* типа адыг. *-м* в таких конструкциях, как *кIэлэцIыкIур джэхашъо-м щэ-кIо* ‘ребенок по полу ходит’. Это служит веским аргументом как в пользу того, что и в формах типа *wašḫab-ma* хат. *-ma* уже падеж, а не постпозитивное указательное местоимение, так и в пользу архаичности формы и функции (не только собственно эргативной, но и локативной) адыгского падежа на **-m* (вопреки часто излагавшейся точке зрения). Хаттское предложение означает ‘он упал на гору (на горы)’. Хеттский перевод *kilamni*, очевидно, связан с пониманием хет. *kilammar*, род. п. *kilamnaš* не только как названия портика храма (ср. лат. *columen*), но и вообще как обозначения возвышенности. Но это уточнение в хеттский перевод оказывается возможным внести только после прояснения хаттского текста.

Следующая хаттская фраза, завершающая согласно делению писца второй раздел текста, по-хеттски была не переведена, а пересказана: хат. *ya-a-ya* (*/-e*) *i-ma-al-ḫi-ib*, хет. *na-aš-ši pí-ú-e-ni* SIG_5*-an-du-*⌊*u*⌋*š* $NA_4^{HI.A}$ ‘и ему дадим хорошие камни’. Хаттская форма *imalḫi-b* явно представляет собой глагольную форму 2 л. (инклюзива?, что могло бы объяснить хеттский перевод), так как есть значительное число хаттских форм этого типа, которые выступают в качестве параллельных явно глагольным формам. Хат. 2 л. пов. накл. *mi-ša-a* переводится хет. *eḫu* ‘иди’ в мифе о строительстве домов (храмов) богами в контексте, где призывают бога-кузнеца, ср. *kašmeša* ‘иди! зови!’ как хаттское восклицание-призыв в хеттских придворных ритуалах. Контекст употребле-

[41] В этом случае окончательно отпадает (маловероятное и по другим соображениям) сопоставление убых. *-q’a-* в этом значении с хат. *-ka-* в *-a-š-ka-ḫḫi-r*.

ния делает несомненным сближение с праадыг. **mārǯ΄a* > кабард. *маржа* ‘клич, призыв к движению вперед’, адыгейск. *мардж*, понимаемым и для праадыгского как междометие [42], но восходящего к такой же глагольной форме, как и хат. *miša*. Параллельно известно *mi-i-ši-ib* [43]. Обилие таких параллелей делает весьма вероятным, что *-b* в подобных формах является окончанием 2 л. либо ед. ч., в таком случае сравнимым с адыг. *-n-* / *-б-* / *-nI* (префикс 2 л. ед. ч.), либо мн. ч. (быть может инклюзива, судя по хеттскому переводу разбираемого места), ср. особенно показательное *i-la-a mi-li-ib* (Bo 394/c +, 39’), где *ila* (написанное с глоссовым клином в списке заглавий гимнов Bo 6627 Rs 6΄b) представляется возможным древнесемитским заимствованием [44]. У предполагаемого окончания 2 л. мн. ч. *-b* в хаттском есть два возможных объяснения: либо развитие исходного **ž°-* в губной (типа того, что позднее произошло в кабардинском и удинском), либо отражение в хат. *-b* (в инклюзиве?) того же исходного губного, который имеется в анд. 2 л. мн. ч. **б-ишдэ* (ср. працез. **вэьнж*) и в других местоименных формах с начальным губным в личном местоимении 2 л. мн. ч. в ряде дагестанских языков. В пользу второго предположения говорит то, что в сложном слове *ḫantip-šuwa* ‘повар’ хат. *suwa-* соответствует убых. *z°a-* ‘варить’, кабард. *вэн* ‘варить’, адыгейск. (*гъэ-*)*жъон* ‘варить’, абхаз. *а-жә-ра* (бзыб. *ажъв-ра*), абаз. *а-жвра* при параллельном развитии хат. *ḫa-ga-zzu-el* ‘дающий пить’: адыгейск. *е-гъэ-шъон*, кабард. *е-гъэфэн* ‘поить’; где хат. *ga-* = адыг. *-гъэ-*; ср. убых. *ʒ°a-* ‘пить’, абхаз. *а-р-жә-ра* ‘поить’; хат. *zzuwa-* ‘жена’: убых. *s°ə́-*, кабардин. *фыз*, адыгейск. *шъвы*(*зы*) (> абаз. *чвыз*) при таком же, как отмеченное выше, развитии *-cm-* в нахском: бацб. *пстIуин*, откуда объясняется и родственное хуррит. *ašti* ‘женщина’, этрус. *puia* ‘женщина’. Поскольку зап.-кавк. **š°*, **ʒ°*, **ž°* в этих формах соответствуют хат. *zzuw-*, *šuw-*, развитие иного типа в грамматическом аффиксе хотя и не исключено (ввиду различия позиции в слове и функции), но не вполне обязательно. Поэтому сохранение в качестве грамматического архаизма губной фонемы (в инклюзивной форме) кажется возможным. Последней альтер-

---

[42] *A. H. Kuipers.* Op. cit. № 88 (interjection). Автор обязан С. А. Старостину за обсуждение этой и ряда других этимологий при дискуссии по настоящей работе на семинаре им. В. М. Иллич-Свитыча. Неясным фонетически остается отношение к убых. *meṣa* ‘звать’.

[43] *H.-S. Schuster.* Op. cit. S. 95—96.

[44] Другим таким заимствованием могло быть хат. *b-inu* ‘сын’, ср. адыгейск. *быны* ‘семья, ребенок’, кабард. *бынхэр* ‘дети (сыновья и дочери)’ (предлагавшаяся иранская этимология неубедительна). Проблема представляет исключительный интерес как один из способов подтверждения пути движения абхазо-адыгов с юга. Контакт хаттов с западносемитским населением Эблы удостоверяется для середины III тыс. текстами из Эблы. В *p-*/*b-inu* мог быть вторично выделен хаттский классный показатель.

нативой (наименее доказуемой функционально) было бы использование в этом и многих других случаях формы типа адыгейск. *-ба* в роли префикса подтвердительного наклонения (*сэ-тхэ-ба* ‘я ведь пишу’ и т. п.).

Анализ всех остальных морф глагольной формы *i-ma-lḫi-b* не вызывает трудностей: в *i-* тот же (общесеверокавказский, но имеющий и картвельские аналоги, ср. абхаз. *и-с-фоит* ‘я его съем’: *и-и-фоит* ‘он его ест’: сван. *i-tre* ‘он пьет’ с соответствиями в других картвельских языках) аффикс объекта, что и в хат. /*i-t-f-e*/ ‘мы его едим (= съедим’), в *ma-* — (запретительное) отрицание, общее для всех северокавказских языков, включая хурритский, в *-lḫi* точная запись праформы, восстанавливаемой для праадыгского на основании сравнения кабард. *илъхьан* ‘класть, положить, уложить’, адыгейск. *илъхьан* ‘класть’. Следовательно, форма в целом означает ‘(для него = царя) это не клади(те)’. Аналогия с адыгейск. *е пшIэу шIу ущымыгучъу* ‘делая зло, не рассчитывай на добро’, кабард. *е мыщIэ фIы мыщIэ* ‘не делающий ни зла, ни добра’ делает очень вероятной интерпретацию предшествующей *imalḫib* именной формы *уа-а-уа*, *уа-а-е* как соответствующей адыгейск. *е* ‘зло’, *Iае* ‘некрасивый, плохой, испорченный’, кабард. *е* ‘зло’, *ебжын* ‘лечить заговор’, *ебжыныгъэ* ‘заговор’, *ебшин* ‘враждовать’, *Iеижь* ‘очень плохой’. Фонетическая проблема, связанная с этой этимологией, заключается в том, что для праадыгского восстанавливается **q’aya*. Можно, однако, думать, что хаттское соответствие адыг. **q’- > I-* представляло собой глубокозаднеязычный, фарингальный или ларингальный такого типа, который в хаттской клинописи в начале слова или вообще не передавался, или передавался условно начальным знаком типа *уа-* (= **q’y*?). В точности аналогичное фонетическое (и графическое) соответствие обнаруживается и между хат. *ippi-zinar* ‘небольшая лира’ и ст.-адыгейск. *Iэпэ́-пщын* ‘лира, арфа’, кабард. *Iэпэ пшынэ* ‘горская балалайка, пальцевый струнный инструмент, ручная гармонь’. Первая половина сочетания представляет собой общеадыгское название пальца **q’a-p^{h}a*, ср. убых. *q’a : p’á* ‘рука’ при абаз. *на-пIы̀*, абхаз. *а-на-пы* ‘рука’; к древней форме с абруптивом ср. цез. **VpIV* ‘лапа’, по Е. А. Бокареву, которое можно было бы считать и одной из альтернативных праформ для хат. *ippi-*, если предположить для этого слова, как и для хат. *уауа*, отсутствие начального согласного (префикса), который в общеадыгском мог присоединиться так же, как начальное *k-* в хат. *k-ap* ‘небо’ (другие примеры ср. ниже). Все предложение *yaya imalḫib* понимается как ‘злого (ему) не клади’. Детализованный хеттский пересказ именно этой мысли содержится в начале третьего раздела хеттского пересказа: *i-da-lu-uš-ma-aš-ši-kán* NA_4 *an-da li-e ki-it-ta-ri* ‘плохой же камень да не будет ему положен’.

Соответствующий хаттский текст практически не сопровождается хеттским переводом. Наиболее сложный вопрос представляет начальная хаттская

форма *bi-i-ib*, которая согласно сказанному выше может иметь начальный префикс III класса *b-* и глагольное окончание 2 л. (ед. или мн. ч.) *-b*. Судя по приведенным примерам, *i-* как объектный показатель не предшествовал классному префиксу, хотя это еще не доказано для разных типов спряжения, поэтому *-i-i-* может быть и реальной последовательностью префикса и корня (или корня и начала графической передачи окончания *-ib*). Из адыгских глаголов, близких к семантике хеттских строительных ритуалов хаттского круга (типа KUB XXIX 1), можно было бы упомянуть адыг. *ич* ‘мазать, обмазывать’. Восклицание ‘штукатурьте!’ вполне соответствует обычным текстам архаических хеттских строительных ритуалов, но не находит подкрепления в хеттском пересказе этого места. Поэтому предлагаемый перевод, хотя и остается возможным, еще очень гипотетичен. Следующая формула, вводимая этим не вполне ясным кратким глагольным обращением, должна быть прочитана по-новому благодаря дубликату: *a-ša-aḫ* (вариант: *i-ša-aḫ*) *ta-aš-te-eḫ-ka zi-ya*. Первое слово представляет собой по значению соответствие хет. *idaluš* ‘плохой, злой’ в приведенном выше хеттском пересказе. Этот вывод следует как из сопоставления различных других мест данного строительного ритуала, так и в особенности из тех хаттских текстов, где говорится о ‘злом языке’ *wu$_a$-(a)šaḫ alip* различных категорий говорящих. В KUB XXVIII 24 Vs 4′—5′ подряд упоминаются *wa$_a$-šḫaw-un wa-(a)šaḫ alip* ‘богов злой язык’ и *wa$_a$-zari-un wa$_a$-(a)šaḫ alip* ‘людей злой язык’ с явным согласованием по классу между первыми двумя членами конструкции, хотя не исключено, что конечное *-ḫ* может связывать между собою второй член с третьим. Хат. *alip*(*aleb*) ‘язык’ родственно котт. *alup* ‘язык’, арин. *ál’ap*, ассан. *alūp*[45] и является, следовательно, весьма древним словом для всей северокавказско-енисейской языковой семьи. Однако возможность его фонетического соотнесения с общесеверокавказским названием языка (абхаз. *абыз*, адыг. *бзэ-гу*, авар. *мазз* и т. п.) упирается в чрезвычайно сложные проблемы, как морфологические (возможность выделения начального губного согласного как классного показателя, если не соотнесение его с последним согласным хаттско-енисейского слова), так и фонетические (предыстория абруптивных аффрикат), которые еще только могут быть намечены; нельзя исключать и возможности общесеверокавказской инновации при сохранении древнего слова в периферийных языках — хатти и праенисейском. Слово *a/i-šaḫ* ‘злой’, по-видимому, содержит местоименный префикс *a/i-* (ср. выше) и возможно префикс прилагательного (или рода-класса) *-ḫ*. При такой малой длине предполагаемой основы и при

[45] *А. П. Дульзон.* Словарные материалы XVIII в. по кетским наречиям // Учен. зап. Томского Гос. пед. ин-та. Т. XIX. Вып. 2. Лингвистические науки. Томск, 1961. С. 189. В кетском и некоторых других енисейских языках слово вытеснено новообразованием.

семантике, делающей табуистические замены более чем вероятными, любые этимологические сближения представляются пока что преждевременными. Глагольная форма *ta-aš-te-eḫ-ka* содержит в начале отрицательный префикс *taš-*, имеющий соответствие в нахском (чечен. *ца : барзо а ца доу деттина* ‘и волк не ест жареное’, ср. суф. *-ац-* : *церан да цкъа-а таллан водацара* ‘их отец никогда не ходил на охоту’), тогда как следы подобного западнокавказского отрицания Дюмезиль предполагал в формах типа абхаз. *зын-за* ‘совершенно’; возможно, что именно из абхазо-адыгского заимствована и одна из внешне сходных с хат. *taš-* форм сванского отрицания (сходство было ранее отмечено Т. В. Гамкрелидзе). На основании всех этих данных можно предположить, что хаттский сохранил противопоставление по меньшей мере двух отрицаний (*taš- : ma-*), тогда как в современных западнокавказских языках первое из этих отрицаний было утрачено и в его функции выступают формы с тем же *m-*. На втором месте в *taš-te-ḫ-ka* можно предполагать локативный преверб *te-* (ср. хет. *anda* ‘в’ в пересказе и выше о возможных аналогах в абхазо-адыгском), на третьем — аффикс *-ḫ-*, который может соотноситься с *-ḫ-* в *a/i-š(a)-ḫ*, где в этом случае следует ожидать значение класса, по которому глагол согласован с именем. Если *-ka-* в этой форме связано с *-ka-* ‘давать’ в первой фразе, то примерный перевод мог бы быть: ‘злое да не (будет) дано (= положено)’, ср. сходный хеттский пересказ в начале этого раздела. Конечное *zi-ya* содержит, скорее всего, локативное указание типа адыг. *щы/э-* (с широким местным значением); по своему месту в конце предложения *ziya* сходно с *šuwa* (но не исключено, как заметил в своей транслитерации дубликата текста В. Г. Ардзинба, что *-zi-ya* прямо продолжает глагольную форму [46]). Примерное значение всего предложения: ‘Злое да не будет положено здесь’. Конечная *ta-aš-te-eḫ-ka*(-)*zi-y*[*a*] повторяется и в конце третьего раздела хаттского текста, но предшествующие ему слова неясны и представляются еще менее понятными из-за того, что здесь и хеттский пересказ состоит из не вполне понятных редких слов: хат. *ú-ra-na te-a-ta-an-na pa-la pa-še-iz-zi-i-it ta-aš-te-eḫ-ka* (-)*zi-y*[*a*], хет. *ta-at-ra-an-za-ya-aš-ši-kán al-ḫa-ri-eš wa-al-aḫ-ḫa-an-za-aš-ša an-da li-e* ‘внутри да не (будет) заостренный (?) и режущий (?) камень (?)’. Хеттский пересказ явно не точно следует хаттскому, где содержится уподобление, завершающееся *pala*, как в предшествующем разделе. Форма *urana* внешне сходна с хат. *ura/i-* ‘источник’ (имеющим соответствия в названии воды, общем для северокавказско-енисейского и ностратического, в том числе индоевропейского). На это стоит обратить внимание потому, что в более позднем месте хеттского пересказа, не имеющем явного эквивалента в хатт-

[46] Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить В. Г. Ардзинбу за целый ряд советов и за постоянную помощь в работе над абхазским языком и хаттскими текстами.

ском, упомянуты 4 источника. Но значение отдельных хаттских слов и их сходных друг с другом форм (последовательность концов слов *-ana -anna* перед завершающим *pala* ‘подобно, подобный’) остается неясным.

Благодаря обнаружению дубликата вполне ясным становится значение сначала следующего хаттского раздела, который хорошо соответствует хеттскому переводу: хат. [*z*]*i?-i?-iš-pa ša-ak-tu nu-ú-wa zi-e-ḫar wa$_a$-ša-aḫ ḫa-mu-ru-ú-wa wa$_a$-a-ša-aḫ te-wa-aš-ši-ne wa$_a$*-ZA-*ša-aḫ ta-al-wi$_i$-it wa$_a$-aḫ-zi-i-ḫé-ir-ta*, хет. *I.NA.* ḪUR. SAG *ša-ak-du-nu-wa* [*i-da-lu* GIŠ-*ru*] *i-da-lu-un* ^{GIŠ}ÙR *i-da-lu-un* [^{GIŠ}*ḫi-it-ta-aš-ša-an?*] *i-da-lu ḫu-im-pa-an mu-un* [*-na-an-du*] ‘В гору Шакдунува да скроют они плохое дерево, плохое бревно, плохой потолок (?), плохую крышу (?)’. Хат. *ziš-* ‘гора’ представляет собой в начале предложения точный аналог хет. HUR.SAG, которое соответственно нужно интерпретировать как идеограмму, а не как детерминатив (что делалось раньше). Но название *Šaktunuwa*, хотя оно и встречается в хеттских текстах в качестве единого имени собственного, скорее всего, следует считать подобием «дарвалдая» (если воспользоваться классическим примером из Андрея Белого) — переиначивания уже непонятного словосочетания, в хаттском написанного раздельно: *ša-ak-tu nu-ú-wa*. Первая его часть представляет собой падежную форму на *-du*, которая (как и в разобранных выше случаях) образуется по принципу групповой флексии, так как окончание присоединяется ко второму из двух слов, образующих именную аппозитивную группу; за первым из них следует локативная частица *-pa* (ср. кабард. *-бы̀*, суффикс наречий места). Основа *šak-* может быть отождествлена с праадыг. **š^{h}eg°ə* ‘вершина горы’ [47], ср. убых. *šäk$^{o'}$* ‘вершина’, абхаз. *ашьха* ‘гора’. Сочетание *ziš-pa šak-du* можно было бы передать ‘с одной горы на другую = дальше в горы’. Далее перечисляются плохие, негодные для изготовления царского дома предметы, которые должны быть отправлены в горы; это действие передано глаголом *nuwa*, имеющим точное соответствие в убых. *ba-y-na-wə-* ‘удаляться’, *sebaynawə́n* ‘я удаляюсь’, где выделяется общий для хаттского и современных западнокавказских языков глагольный локативный префикс *n-*, означающий движение от говорящего, и корень глагола *-w-* [48]. Таким образом, начало раздела означает: ‘С горы на гору = в далекие горы (пусть) уйдут отсюда’. Затем перечислены ‘плохие’ (*wa$_a$-šaḫ*) предметы, отсылаемые в горы. На первом месте *-zi-e-ḫar* ‘дерево’, соответствующее адыг. *чъыгы* ‘дерево’, кабард. *жыг* ‘дерево’, ср. абаз. *джъчвы* ‘дуб’ (древнее заимствование из адыгского? [49]). Форма на *-p*,

---

[47] *A. H. Kuipers.* Op. cit. P. 41. № 57.

[48] *J. von Meszaros.* Op. cit. S. 203, 294, 308 (с исторически правильным морфемным анализом); *H. Vogt.* Op. cit. P. 89; *G. Dumézil.* Documents anatoliens. P. 219.

[49] За обсуждение этого и ряда других соответствий автор признателен С. А. Старостину.

сходная с хаттской, из абхазо-адыгского (возможно, что именно из адыгского) была заимствована в древний период в сванский, что давно было отмечено Марром [50]. Значительный интерес представляет чечен. *де-чиг* ‘дерево, дрова’, где в пользу предлагаемого разложения говорит согласование *доккха дечиг* ‘большое дерево’, *дечиг ду* ‘дерево есть’.

Следующий из терминов, относящихся к строительству дома из дерева, — хат. *ḫamuruva* ‘бревна’, имеющее точное соответствие в таких словах, как адыг. *пхъэмбру* ‘засека’ (при неясности в этом и других случаях соотношения между начальной праадыгской группой **Px-* и хаттским анлаутом *ḫ-*: упрощение группы в хаттском?), ср. *пхъэмбгъу* ‘доска’, *пкъэу* ‘бревно, столб’ при абхаз. *ахыбра* ‘здание’ (развитие *-бр-* < **mbr* < **mr-*, как в местоимении *абр-* при адыг. **m-r-*, ср. *Абр-скил : Амран-* и т. п.?); ср. в дагестанском гунз. *гьем* ‘столб’, бежит. *гьем* и т. п.; но неясным остается соотношение с картв. **ṭq̇e(n)* ‘лес, дерево’ при абхаз. *ҷхьэм*, *атҷымаԥəаху* ‘лес как материал’, чечен. *хе* (общекавказский миграционный термин с изменениями анлаута?).

Два других термина менее ясны из-за нечеткой семантики хеттских соответствий, хотя эти хеттские эквиваленты достаточно часто встречаются в строительных ритуалах. Хат. *tewa-ššine* (= хет. *ḫitta-šša*) можно было бы предварительно сопоставить с основой убых. *sə́* ‘лес’ (ср. авар. *si* ‘башня’?), *t°a-sə* ‘разновидность дерева’, но возможно и сближение начального *te-* с адыг. *те-* ‘на, сверху’ или абхаз. *аԥуан* ‘потолок’; возможность выделения конечного хат. *-не* в имени представляла бы особый интерес для сближения с хурритским, но материал пока недостаточен. Хат. *talwit* (= хет. *ḫuimpa*) по окончанию сближается с *ḫa-n-w-aš-wit* ‘трон’, образованным от основы *ḫa-ni-wa-š* ‘сидит’ (см. выше); основа *tal-* может быть сопоставлена с дагестанскими строительными терминами типа авар. *ṭala* ‘слой, ярус, этаж, улей, труба’ (к последовательности хат. *tewaššine talwit* ср. авар. *ṭab- ṭalajab si* ‘трехэтажная башня?’). Грамматически наиболее сложную форму представляет конечное *wa$_a$-aḫ-zi-i-ḫé-ir-ta*. Начальное *wa$_a$-aḫ-* в этой форме явно согласовано (по двум показателям типа классных?) с предшествующими *wa$_a$-a-ša-aḫ* ‘плохой’, *zi-* может быть уже встречавшимся локативным префиксом, непереходная глагольная основа убых. *qarda-* (аномальную фонетическую структуру которой отмечает Дюмезиль) могла бы точно соответствовать хат. *-ḫerta*. Тогда общий перевод был бы достаточно близок к хеттскому пересказу: ‘С горы в горы (да) уйдет отсюда дерево плохое, балка плохая, потолок(?) плохой, крыша(?) плохая (да) будет скрыта’. Но возможны и другие толкования заключительной формы, которая могла бы и содержать в себе инкорпорированное название *ziḫer* ‘дерево’ и заключительный суф. *-ta*, которому на-

---

[50] *Н. Я. Марр.* Язык и история абхазов. М.; Л., 1938. С. 67, 121.

шлись бы аналоги в хеттском. Однако предложенное выше понимание более вероятно из-за повторения той же формулы в последующем разделе.

Следующий раздел хаттского ритуала, достаточно точно переданный в хеттском переводе, повторяет то же перечисление в другом грамматическом оформлении: хат. *i-ma-al-ḫi-ib-bi zi-i-ḫar i-ma-a* [*l-ḫi-ib*] *ḫa-a-mu-ru-ú-wa i-ma-al-ḫi-ib t*[*e-wa-aš-ši-ne*] *i-ma-al-ḫi-ib ta-al-wi-i-it* [*ta-ba-*]*ar*[*-na*] *ka-at-te-ya-a-*[*ya*], хет. SIG_5-*in-ma* GIŠ-*ra* SIG_5-*an-ta-an* [^{GIŠ}Ù]R ^{GIŠ}*ḫi-it-ta-aš-ša* SIG_5-*m* ^{GIŠ}*ḫu-i*[*m-pa-a*]*n* SIG_5-*i*[*n*] *la-ba-ar-na-i* LUGAL-*i pí-y*[*a-an-d*]*u* ‘Хорошее же дерево, хорошее бревно, хороший потолок(?), хорошую крышу(?) повелителю-царю пусть дадут’. В хаттском, как во втором разделе, использовано сочетание *yaya imalḫib* ‘плохое не клади(те)’. Но первая его часть названа только один раз в конце, а глагол повторен перед каждым из членов перечисления, причем первый раз — с той же частицей-суффиксом *-bi*, которым характеризуются и две первых глагольных формы того же второго раздела (*eskaḫer-bi, nibu-bi*). Соответственно пятый раздел хаттского текста может быть понят так: ‘Не клади же дерево, не клади бревно, не клади потолок(?), не клади крышу(?) повелителю-царю во зло’.

Шестой раздел хаттского ритуала содержит в начале характерную для подобных заговоров отсылку: хат. [*i̯*] *š-* ⌊*tar*⌋*-ra-zi-il-bi* ⌊*wa*$_a$⌋*-a*[*-š*]*a̯-a*[*ḫ wa*$_a$*-*] *aḫ-zi-ḫe-ir-ta*, хет. *da-an-ku-wa-i-ma ták-ni-i*[*i-da-la-u-wa*(*?*)] *mu-un-na-an-du* ‘В темную же землю пусть они скроют плохое’. Два последних хаттских слова, повторяющие заключительную конструкцию четвертого раздела, должны согласно предложенной выше интерпретации означать ‘плохое (да) скроется’. Первое же сложное слово содержит хат. *išta-* ‘темный’, соответствующее убых. *ǯ́a* ‘черный’, адыгейск. *шIу-цIэ* ‘черный, темный’, кабардин. *фIы-цIэ* ‘черный, темный’, абхаз. *аиқуацәа* ‘черный’ (при соответствиях в дагестанском: авар. *be-ʒ* ‘темный’ и др.), и хат. (*a*)*rrazil* ‘земля’, соответствующее адыгейск. *чIы* ‘земля’, кабардин. *щIэ* ‘земля’, авар. *raq* ‘земля’, дид. *ril’u* ‘земля’. Все сочетание в целом, отраженное в хат. *išta-rrazil* с обратным порядком составных частей (ставшим обычным в современных адыгских языках в конструкциях с качественным прилагательным), встречается в кабардинском фольклоре; *щIы фIыцIэри* ‘земля черная’ [51]. Хат. *-razzil* архаично в двух отношениях. В нем (как и в *zilat*, см. выше, и, вероятно, в *wa/ibizil* ‘проливной дождь’: кабард. *уфэн-щIын* ‘мочить дождем’, ср. адыгейск. *чIэон* ‘погружается в воду’, *чIэбы* ‘тонет в воде’, *чIэбын* ‘тонуть в воде’) отражается древний латеральный. В начале слова представлен такой же (омертвевший?)

[51] В песне «Сосрыкъуэ и уэруд», записанной экспедицией Н. Ф. Яковлева в 1920 г.: *Н. Ф. Яковлев.* Грамматика литературного кабардино-черкесского языка. С. 367 (сочетание в песне повторяется).

классный показатель, как в аварском, ср. также хат. *arinna* ‘источник’ (откуда название древнего хаттского культового центра *Arinna* и богини солнца города Аринна [52]), соответствующее удин. *ор-эин* ‘источник’, свидетельствующее о наличии классного префикса **-r-* в хаттском (ср. хуррит. *arinna* ‘источник’ [53], являющееся либо ареальным миграционным словом, либо исконно родственное хаттскому и удинскому; соотношение с другим восточнокавказским названием источника со сходным концом слова нуждается в дополнительном исследовании, в современных западнокавказских языках слово заменено эвфемистическими описательными выражениями явно позднего происхождения). Следующее за *istarrazil -bi* может иметь то же локативное значение, что *-ba* после *ziš*, или то же, что модальное *-bi* после глагольных форм. Перевод хаттского предложения близок к хеттскому пересказу: ‘В темную землю плохое (да) скроется’. В следующей фразе, завершающей шестой раздел и, по-видимому, кончающей всю первую часть ритуала, вновь повторяется та же формула, что и в конце пятого раздела: хат. *i-m⌜a-al-h⌝*[*i-*] ⌞*ib-bi*⌟ [*ta-ba-ạ*]*r-*[*na kat-te-y*]*a-a-ya*, хет. *aš-šu-u-ma* LUGAL-*i la-ba-ar-n* [*a-i pí-ya-an-du*] ‘добро же царю-правителю пусть они дадут’. Хаттский текст означает ‘Не клади(те) правителю-царю плохого’.

Седьмой раздел начинается фразой: хат. *a-an-ta-ḫa-an ka-aš-ti-ib-*AN *z*[*i-li-bu-ri*]*-ẹ-u ka-at-ti* (*pa-la*), хет. KÁ-*aš-ma-za-kán* ^{D}*zi-li-pu-ra-aš* LUGAL-*uš t*[*a-*]*aš* ‘Ворота же дал царь бог Цилибури’. При спорной интерпретации хет. *taš* как формы типа *daš* ‘он взял’ (*dais* ‘он поставил’) проясняется форма *antaḫan*, разъясняемая как «перфект» на *-n* (ср. выше о подобной форме в мифе о луне и ее восточнокавказских соответствиях) от корня *ta-*, родственного убых. *ta-* ‘давать’ (в формулах типа *wán ċáyada awəntáx!* ‘чтобы бог тебе дал прежде всего!’), адыгейск. *тын* ‘дать’, кабардин. *тын* ‘дарить, подарить’. Начальное *a-* может быть префиксом 3 л. ед. ч. объекта, *n-* — префиксом движения (ср. выше), характер *-ḫ-* в этой форме, как и в других, с ней сходных, нуждается в разъяснении. Хат. *kaškaštipa-*, в данном предложении переводимое как ‘ворота’, представляет собой сложное слово (в форме падежа на *-n*?). Первая его часть *kaška-*, по-видимому, содержала (локативный?) преф. *k-* (ср. выше о *k-ap*), так как к нему восходит доисторическое хеттское заимствование: др.-хет. *aška* ‘ворота’ (в частности, царские, упоминаемые в древнехеттских законах); наиболее близкое соответствие обнаруживается в первой части абхаз. бзыб. *асха́-мвш* ‘порог’, ср. также убых. *q ́əša* ‘порог’. Вторая

---

[52] *В. В. Иванов.* Вурунсему // Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 1: А—К. М., 1980. С. 254 (с библиографией). — Исправлением, касающимся родственной удинской формы, автор обязан любезности С. А. Старостина.

[53] *W. Haas.* Op. cit. S. 203.

часть сложения *-štip-* может быть хаттским названием двери (ср. также *taba-rna-n le-stup* ‘правителя — его дверь(?)’, 510/S IV, 18′), ср. абхаз. *а-шә* ‘дверь’; лабиальный гласный в ауслауте предполагается в восточнокавказском, где представлен преф. *n-* [54], ср. убых. *n-t°-* ‘дверь’. Не вполне ясно, принадлежит ли хат. *pala* ‘подобно’ конструкции *katti pala* ‘подобно царю’ или же начинает следующее предложение. Перевод хаттского текста: ‘Бог Цилибури подобно царю (или: царь) подарил (поставил) ворота’.

Следующая фраза и по-хаттски, и по-хеттски может начинаться одним словом раньше, чем в предложенном разборе, если понимать хет. *ta-aš* не как глагол, а как сочетание союза *ta-* ‘и’ с местоимением *-aš* ‘он’ и видеть в хат. *pala* соответствие хеттскому союзу в значении ‘и’. При предложенном выше толковании первой фразы вторая фраза начинается позднее: хат. (*pa-la*) *a-am-bu li-e-w* [a_a*?-el? ?am-mi-i*] *š ka-a-ḫa-a-an* wa_a*-šu-it-tu-u*⌜*n*⌝, хет. (*t*[*a*]*-aš*) ^{GIŠ}*ḫal-ma-aš-šu-it-ta-an i-e-it* ‘(и он) сделал трон’. Форма *a-am-bu* содержит тот же объектный преф. 3 л. ед. ч. и преф. **-n-* > *-m-* (в позиции перед последующим губным), классный показатель *-b-* и корень *-u-* ‘делать’, ср. выше о форме *ni-i-bu-bi-e*. Перевод *le-wael* (если восстановление верно) ‘его дом’ позволяет дать перевод ‘он (бог) сделал его дом’ (‘его’ относится к *katti* ‘царь’). Реконструкция Шустера [*am-mi-i*]*š* предполагает использование глагола со значением ‘класть’ (ср. ниже), но определить его форму в данном фрагментированном тексте не представляется возможным. Этот глагол употреблен в конструкции с последующим именем *ka-a-ḫa-a-an* wa_a*-šu-id-du-ú-un* (в двух случаях написано раздельно, в одном вместе) с локативным преф. *ka-* к корню (ср. выше о *ḫa-ni-wa-š*, *-ta-ni-wa-š*). По-видимому, имеется в виду, что бог положил на трон нечто.

Следующий раздел, кончающийся аналогичной формулой, начинается с глагола ‘брать’: хат. *a-an-tu-uḫ li-e-zu-u-uḫ li-eš-te-ra-aḫ ba-la ḷi-*[*e-še-ib-*] ⌊*še*⌋*-ib b/pa*[*-l*]*a an-ne-eš ka-a-ḫa-an*(*-*)wa_a*-su-id-du-ú-un*, хет. *da-a-aš-ma-aš-za* TÚG$^{ḪI.A}$ ^{KÙŠ}NIG. BÀRA$^{ḪI.A}$ ^{KUŠ}E.SIR$^{ḪI.A}$*-ya* [*n*]*a-aš-ša-an da-a-iš* ^{GIŠ}DAG-*ti* ‘Он же взял себе одежду его, покрывало его и обувь его и положил их на трон’. Первая глагольная форма *antuḫ* явно связана с *antaḫan* в начале предшествующего раздела, хотя детали в соотношении между этими формами не вполне ясны (чередование *u* : *a*, согласно гипотезе В. Г. Ардзинбы, соотносящееся с типологически сходным адыгским?). Именная основа *-zuḫ* ‘одежда’ может быть соотнесена либо с убых. *žá-y-* ‘одеваться’, либо с праадыг. **š*^{h}*ake-* > адыгейск. *шэкIы* ‘материя’ [55], либо, наконец, с адыг. *щыгъын* ‘одежда’. Выбор из этих возможностей (как и в ряде других подобных случаев) можно будет сделать

---

[54] *Т. Е. Гудава.* Указ. соч. С. 161—162.

[55] *A. H. Kuipers.* Op. cit. P. 41. № 51.

лишь по мере накопления других фонетических соответствий. Для выяснения этого фонетического вопроса существенно было бы и определение морфологического характера последнего *-ḫ* в последовательности *antu*(*-ḫ*) *le-zuḫ le-šteraḫ*. Если, как иногда предполагают, форму *a-n-ta-ḫa-n* следует считать содержащей морфу *ḫa-* [56], то с известным вероятием можно было бы видеть сходную морфу и в *a-n-tu-ḫ*. Остается неясным, не может ли быть конечное *-ḫ* во всех трех формах — глагольной *antu-ḫ* и именных *le-zuḫ* ‘его одежда’, *le-steraḫ* ‘его покрывало’ — согласовательным (классным?) показателем, ср. выше о суф. *-ḫ* в именных формах. От решения этого вопроса зависит и то, как связаны между собой *-zu-ḫ* и *-štera-ḫ*. Показательно, что *b/pala* ‘подобно, подобный’ стоит (как обычно предполагается, в функции соединительного союза) после второго из этих имен. Нельзя считать исключенным, что одно из них является уточняющим определением (аппозитивным или атрибутивным) к другому. На основании фонетических соответствий, приведенных выше, можно было бы допустить сопоставление хат. *-štera-ḫ* ‘покрывало’ с тем же убых. *-ӡá-* ‘одежда’ в сочетаниях типа *ӡ́a-ɣ-* ‘быть одетым’, *ӡ́a-ɣa-* ‘одеваться’, *ӡ́a-t°́-* ‘раздеваться’, *ӡ́adəɣaza* ‘одежда’ (полная), ср. выше о соответствии хат. *-št-* : убых. *-ӡ́* — в названии ‘черного’ цвета; другим возможным и фонетически, и семантически соответствием могло бы быть кабардин. *цIырхъ* ‘редкая’ (ткань), *цIырхъыч* ‘быть редким (о ткани)’, адыгейск. *цIырхъы хъун* ‘редеть’, но в этом случае *-ḫ-* следовало бы считать частью основы хаттского слова, а не суффиксом.

Хат. *šebšeb* ‘обувь’ представляет собой редупликацию, структурно напоминающую не только абхаз. *a-qanqan* ‘род обуви’ [57], но и убых. *bž́atabž́a* ‘зимняя обувь’ от *bža* ‘зима’ [58]. Исходный корень, лежащий в основе этой редупликации, тождествен первой морфеме, предположительно выделяемой (в соответствии с гипотезой Н. Ф. Яковлева об односложности на определенном хронологическом уровне исходных черкесских корней) в адыгейск. (зап.-черкес.) *цуакъэ* < *c°a-q̇e* ‘чувяки, обувь’ (ст. адыгейск. *цю̂акё* ‘башмак’ [59]), кабард. *вакъэ* < *va-q̇e*. В таком случае фонетическое и графическое соответствие хат. *šeb*(*-šeb*) : адыгейск. *c°*(*a*)-, кабард. *va-* полностью аналогично соотношению хат. (*i*)*zzibina* ‘кислый’ (в разбираемой билингве дальше *li-e-iz-zi-bi-*

---

[56] Ср. о соотношении этих форм: *В. Г. Ардзинба.* Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгского языков // Переднеазиатский сборник III. История и филология стран Древнего Востока. М., 1979. С. 30—31. — Там же о чередовании *а* : *и* (что, однако, могло бы пониматься и как соотношение разных морфологических показателей, ср. восточнокавказские и енисейские параллели в глаголе).

[57] *В. Г. Ардзинба.* Указ. соч. С. 34.

[58] *H. Vogt.* Op. cit. P. 93 (№ 180).

[59] *Л. Люлье.* Указ. соч. С. 3.

i-па соответствует аккад. *IM-ZU* ‘кислый’ и адыгейск. (*гъэ-*)*шlуэlуэн* ‘квасить’, кабард. *фlэly* ‘кислый’, абхаз. *а-цәцәы* ‘кислый’ (с возможной албанской параллелью), *арцәра* ‘квасить’ (к фонетическому соответствию ср. также хатт. *izzi* ‘хороший, благой’: адыгейск. *фlы* ‘добрый’, кабард. *шly* ‘благой’)); ср. выше о хат. *-štib* ‘дверь’: абхаз. *а-шә*; хат. *kaška-štipa* ‘порог двери’: абхаз. бзыб. *асха-мвш* ‘порог двери’. Следовательно, в клинописи, служившей для передачи хаттского языка, написание *-(i)b* могло передавать либо отдельную губную фонему, либо признак огубленности, как в хат. *-šeb-* согласно предлагаемой адыгской его этимологии.

Греч. *σύκχοι· ὑποδήματα Φρύγια* ‘башмаки фригийские’ (иногда переводится ‘сандалии’ [60]) содержит указание на Фригию, т. е. на область древнего распространения хаттского, а позднее хеттского (только потом, после падения хеттского царства, фригийского) языка. В этой области имелась особая обувь, по-хеттски называвшаяся ^{KUŠ}E.SIR *ḫattileš* ‘хаттская обувь’ [61], где идеограмма совпадает с той, которой по-хеттски переводится хат. *šebšeb*, а прилагательное *ḫattili-* (в форме мн. ч.) — с хет. *ḫattili* ‘по-хаттски, на хаттском языке’ [62]. Этот необычный вид обуви (сохранившийся в адыгской традиции, откуда и рус. *чувяки*, *чевяки*) в греческом назывался либо *σύκχος*, мн. ч. *σύκχοι*, либо переиначенными формами *συκχάς*, *συγχίς*, объясняемыми позднейшим влиянием народной этимологии; отсюда и лат. *soccus* ‘легкая обувь’ (уже у Плавта). Само же изначальное греческое название обоснованно признается связанным с приведенными адыгскими словами, в частности с праадыг. **ź°eq̇e-*, имеющим и восточнокавказские соответствия [63], ср. каратин. *цlцlункlа* ‘носок обуви’ [64] с аффрикатой того же типа, что и в восточнокавказских соответствиях приведенного выше хат. *-zzibina* ‘кислый’: авар. *çe$_y$ḳab* ‘кислый’ [65], хат. *b-izzi* ‘хороший’; авар. *baç$_y$-ine* ‘чистый’: гунзиб. *b-a^{n}c$_y$ka* ‘очистить’ с таким же классным показателем *b-* [66], как в хат. *b-izzi*; хат. *ka-štib* ‘дверь’: авар. *nuç$_y$a* [67]. Данный факт показывает, что такие более поздние обозначения, как «фригийский», могли скрывать в себе в действительности ссылки не только

---

[60] *В. П. Нерознак.* Палеобалканские языки. М.: Наука, 1978. С. 153.

[61] *H. Otten.* Fußbekleidung bei den Hethitern // Reallexikon der Assyriologie. Lief. 3. Berlin, 1959. S. 124.

[62] *В. В. Иванов.* Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике // To Honor R. Jakobson. The Hague; Paris, 1967. P. 979.

[63] *J. Knobloch.* Ein kaukasisches Lehnwort in den klassischen Sprachen // Die Sprache. 1958. Bd. IV. S. 198—200.

[64] Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971. С. 214.

[65] *Т. Е. Гудава.* Указ. соч. С. 159—160.

[66] Там же. С. 162.

[67] Там же. С. 161—162.

на хеттскую традицию (ср. предысторию Кибелы-Кубабы), но и на предшествовавшую ей хаттскую, в лексическом отношении обнаруживающую значительную близость к адыгской. Этим же объясняется и отмеченный еще А. Тромбетти факт отдельных лексических совпадений у лидийского языка (наиболее непосредственно из всех позднеанатолийских продолжающего собственно хеттскую традицию) с адыгскими [68].

Предполагаемый перевод первого хаттского предложения: ‘Он взял как его одежду (и) его (редкое?) покрывало, так и обувь’ (*pala ... pala* имеет значение типа рус. ‘как..., так’). В следующем (и последнем) предложении восьмого раздела перед уже разобранной формулой со значением ‘на трон’ употреблена глагольная форма *an-ne-eš* ‘положил’, возможно содержащая объектный преф. 3 л. *a-*, локативный преф. *-n-* (ср. выше) и, возможно, ту же основу *-š*, что и в глаголе ‘сидеть’ и его производных (в том числе и в слове ‘трон’), часто соединяющемся и в хаттском, и в современных абхазо-адыгских языках с преф. *n-*. Перевод ‘и его (их) (он) положил на трон’.

Другая категория предметов перечисляется в следующем разделе, имеющем синтаксическую структуру, весьма сходную с разобранной выше: хат. *?[a-am-m] i-iš li-e ú-it-ta-nu pa-la li-e-iz-zi-bi-ṇa pa-la ạ-an-ne-eš ka-a-ḫa-an-wa$_a$-šu-id-du-ú-un*, хет. [*d*]*ạ-at*$_{\llcorner}$*-i*$_{\lrcorner}$ [*š-ma-z*]*a* GA.KIN[.A G] IM.ZU-*ya na-at-ša-an da-a-iš* (варианты: [*d*]*a-a-iš-ma-za* GA.K[IN.AG] *na-at-ša-an da-a-iš*; *d*[*a-z*]*a* GA.KIN.AG[I]M.ZU-*ya na-at-ša-an da-iš*) ‘он взял (буквально: положил) сыр и кислое (молоко = творог) и положил их на него’. Хеттский перевод говорит в пользу того, что в начале должен быть глагол типа *antuḫ*, поэтому реконструкция Шустера [*am*]*iš* ненадежна; возможно, что имеется в виду другая глагольная форма от корня *-š-* ‘сидеть, садиться, класть’ (ср. выше). Для слова *wittanu* ‘сыр’, как автору любезно указал С. А. Старостин, соответствия обнаруживаются в восточнокавказском (ср., например, авар. *beta* ‘простокваша’, *betize* ‘скисаться, давать осадок’, *betarab raχ* ‘кислое молоко’); является ли *w-* классным показателем на основании имеющихся хаттских форм, сказать трудно (в этой связи можно было бы упомянуть такие нахские формы, как чечен. *ята* ‘скисать (о молоке)’, *емма* ‘скисшее’, но ср. также *мlo* ‘сметана’ с иными фонетическими соответствиями). Соответствия для хат. *-zzibina* ‘кислый’ (= ’творог’?) рассмотрены выше. Перевод всего хаттского предложения: ‘Он положил как сыр, так и кислое (молоко); он положил его (= их) на трон’.

Десятый раздел хаттского текста (четвертый раздел второй его части) начинается с мифологического вступления: хат. *pa-la a-an-da-ab-bu*(*-nu*) *bi-iz-zi-*

---

[68] См.: *J. Knobloch.* Op. cit. S. 199. Anm. 2 (с дальнейшей литературой). Должен заметить, что существенная роль Тромбетти как первооткрывателя и в других областях подчеркивалась В. М. Иллич-Свитычем.

w/pa-aš-ḫa-ab, хет. *na-aš-ta* DINGIR^{MEŠ} *ù-us-*⌜*kị*⌝ [*-e-ir-pát ???*] ‘И это у [видели??] боги’. Хат. *andabbu* / *andabnu*, по-видимому, можно связать с рассмотренными формами типа *ni-b-u-bi*, *a-m-b-u*. Возможно выделение объектного преф. *a-*, локативных *-n-* и *-da-* и гласного показателя *-b-* (или еще одного преф. *-n-*). Тогда хаттская форма скорее означает ‘сделал(и)’ (хеттское восстановление Шустера недостоверно). Субъект (неэргативный) выражен сложным словом *b-izzi-w-ašḫ-ab* ‘хороший бог; хорошие (благие) боги’, ср. *izzi-eštan* ‘благой Эштан-Солнечный день’ (хет. *aššu-šiwatt* как имя божества с тем же значением и хет. *aššu* в древних контекстах типа начала надписи Анитты, где говорится, что божество милостиво, «благосклонно» — *aššuš* — к царю). Согласование прилагательного с существительным по классу аналогично восточнокавказскому (об этимологии (*b-*)*izzi* см. выше). Перевод хаттского текста: ‘Как сделал(и) благие боги / благое божество’.

Следующая фраза: хат. *pa-la ạ-aš-ši-ya* $^{D}wa_{a}$*-šu-ú-ul ta-ba-ar-na*(*-an*) *ka-a-at-te-e*, хет. *nu pí-i-e-ir i-ya-ta ta-me-ẹ-ta l*[*a-*]*bạ*[*r-na-i*] LUGAL-*i* ‘и они дали правителю-царю изобилие и полноту’. Хат. ^{D}*Wašul* представляет собой имя бога изобилия с классным показателем *wa-*. Корень хат. *-šul* можно гипотетически сравнить с абхаз. *аԥсыла*, *иԥсылоу* ‘жирный’, ср. адыгейск. *пщэр* ‘жирный’, кабардин. *пшэр* ‘жир’ (к соответствию абхаз. *-l* : адыг. *-r* : хат. *-l* ср. то же соотношение в падежных окончаниях). В соответствии с хеттским переводом кажется возможным видеть и в хат. *aššiya* существительное-синоним ^{D}*Wašul* (или его определение). Тогда слово *aššiya* сопоставимо с абхаз. *ашша* ‘жир’, *ишшаха* в составе выражений, означающих ‘жирный’. Перевод всего десятого раздела хаттского текста ‘Как сделал(и) благие боги / благой бог, так жир (и) божество Изобилия у правителя-царя (есть)’.

Одиннадцатый раздел содержит аналогичную формулу, частично разрушенную: хат. *pa-la-aḫ ta-wa-an-na-an-na-an kat-ta-aḫ pa-la li-e-bi-nu pa-la li-ẹ-zi-* ⟨…⟩ *-tu*, хет. [*na*]*m-ma A.N*[*A S*]AL.LU [GAL DUMU^{ME}]^{Š} DUMU. ⌜DU⌝ [MU]^{MEŠ} *ḫa-aš-šu-uš* [*ḫa-a*]*n-za* [*aš-s*]*u-u*[*š-ša?*] *pí-an-du* ‘далее царице, детям, внукам и правнукам они пусть дадут’. Хат. *pala-ḫ* явно согласуется по роду с *katta-ḫ* ‘царица’, что удостоверяет продуктивность в хеттских прилагательных типа *pala* согласования. Хат. *b-inu* ‘сын’ (древнее семитское заимствование?) обсуждалось выше, название внука-правнука в других текстах фрагментировано (*li-ib-zi-bi* ⟨…⟩). Хаттский текст, вероятно, не содержит глагола, что соответствует и структуре предшествующей синтагмы, примерный перевод: ‘Подобной же (да будет) владычица-царица, подобным — его (ее) сын, подобным его(ее) внук(и) и правнук(и)’.

В двенадцатом разделе нарушается соответствие хаттского текста и хеттского пересказа. Возможно, что членить надо так: хат. [*?pa-l*]*ạ a-ab-tạ-ka-a-wa*$_{a}$*-aḫ*, хет. *an-da-ma-aš-ši-iš-ša-an wa-a-tar-na-aḫ-ḫi* ‘и ему он (бог) повелева-

ет’. Хаттская форма *abtakawaḫ* содержит, возможно, суффиксальное *-ḫ*, уже встречавшееся выше. Очевидно хат. *pala* употреблено в значении, близком к акк. *UM.MA* ‘так (говорит)’, но принадлежит ли *abtakawaḫ* к той же синтагме, не вполне ясно. Начало следующих отрезков хаттского и хеттского текстов сопоставимо: хат. ^{D}*šu-li-in-kat-ti* [*kat-t*]*e̯-e tu-u-ḫu-ul tu-wa-aḫ-ši te-di-i-ib*, хет. ^{D}U.G[U]R LUGAL-*i* IV-*aš šar-ḫu-li-uš* [KU-] ⟨…⟩. ‘Богу Сули-царю четыре источника ⟨…⟩.’ Судя по хаттскому тексту, предложение кончалось глагольной формой 2 л. на *-ib* с преф. *te-* и основой *-d-* (ср. кабард. *метын* ‘стоять на’ или *дэт* ‘стоящий’). Скрывается ли под формой *tuḫul* числительное, родственное адыг. *плIы*, а под *tuwaḫši* — одно из названий колодца (ср. выше об *ura-*, *arinna*), остается неясным (к мифологическим 4 колодцам в царском дворе есть любопытные типологические параллели, например в древнеперуанской мифологии).

Последняя фраза этого хаттского раздела, возможно, имеет полное хеттское соответствие: хат. [*bi*]*-e-ka-aš-ši-il iš-ka-a-te-iḫ*, хет. *ku-ut-ta-an pa-aḫ-s*⌊*a-*⌋*ru* ‘стены да будут охранены’. Если последняя хаттская форма — модальная, то в *-ḫ* можно было бы видеть соответствие либо убыхскому *-g′a* — энклитической частице повелительного наклонения, либо другим фонетически сходным модальным окончаниям в абхазо-адыгском (ср. также в нахском чечен. *-хь-*?). К формам типа *be-ka-šil* с возможным классным показателем и локативным префиксом любопытную аналогию представляет убых. *šat* ‘покрывало’, *be :ćeˈl̨ɛ* ‘находящийся внизу’ (ср. семантику хаттских имен существительных в предшествующих и последующих разделах), однако хат. *-l* может быть и падежным окончанием.

Следующий раздел имеет точный хеттский перевод. Первая фраза — хат. *a-*⌊*ša*⌋*-aḫ ta-aš-te-nu-wa*, хет. *nu-wa-kán i-da-lu-u* [*š? an-da*]⌊*li*⌋*-e ú-iz-zi* ‘И мол пусть не войдет злой’. Составные части этой формулы — имя *ašaḫ* ‘плохой, зло’ и глагольные морфы *taš-* ‘да не’, *te-*, *n-*, *uw*(*a*)- выше уже встречались. Частица косвенной речи в хаттском тексте, целиком передающем чужую речь, отсутствует. Перевод ‘Зло(й) пусть не войдет’. В следующей фразе сходной глагольной форме предшествуют два имени типа *be-ka-šil*: хат. *bi-e-wi*⌊*-il iš-bi-e-el ta-aš-te-e-ta-nu-u*-ŠI, хет. *i-da-lu-uš-wa-kán* UN-*aš* É-*ri an-da li-e ú-iz-zi* ‘плохой человек внутрь дома пусть не войдет’. В форме *be-wil* содержится название ‘дома’ (см. выше) с классным префиксом, в форме *iš-bel* выделяются морфы, внешне сходные с *be-ka-šil*, но точное членение и понимание формы затруднительно, ср. убых. *i̯eɬ-šėl*, ‘то, что внизу — то, что вверху, кровать и покрывало’.

В следующем разделе повторяется тот же глагол *antuḫ* с новыми объектами: хат. *a-an-tu-uḫ* ^{D}*šu-li-in-kat-ti kat-te-e li-e-wa*$_{a}$*-e*(-) *tu-a?-nu*, хет. *da-a-aš-ma-za* ^{D}*šu-li-in-kat-te-eš* LUG[AL-]*uš Ú.NU.TE*^{MEŠ} ‘Но бог Сули-царь взял себе

утварь’. Значение и структура хат. *-waetuanu* не вполне ясны, возможно, что (как полагает Шустер) основа *wae-* связана со словом ‘дом’.

В следующем отрывке раздела содержится параллельная конструкция с *pala*: хат. *pa-la a-an-da-ḫa ak-ka-tu-uḫ pa-la a-an-ta-ḫa ka-a-wa$_a$-aḫ-bi ḫa-lu-ḫa-lu-u-tu*, хет. *na-at ša-ṛa-a da-a-aš na-at-kán an-da da-a-iš ḫa-at-tal-wa-aš* ⌞GIŠ⌟*-ru-i* ‘И это (их) он взял вверх (поднял) и это (их) он положил на деревянный замок’. В хаттском тексте между двумя *pala* стоят две связанные друг с другом формы с префиксом объекта *a-*, за которым в первом случае следуют глагольные морфы *-n-*, *-da-*, *-ḫa* (см. выше), во втором *-ka-tu-ḫ* (членение спорно, см. выше). Форма *ka-waḫ-bi* содержит аффикс *-bi*, относящийся к локативному уточнению (ср. выше о формах этого типа), но членение основы *-waḫ-* не вполне ясно, так как в ней возможны случайные созвучия с морфами *wa-* и *-ḫ*.

Предпоследний раздел начинается фразой хат. *ma-al-ḫi-ib* [*-h*]*u te-e-ta-aḫ-šu-ú-ul*, хет. *na-aš-ta a-aš-šu an-da tar-ni-eš-ki*-DA-*du* ‘Благое пусть всегда войдет’. В хаттском запретительная конструкция: ‘Не клади(те) де того, что не в избытке’. Можно думать, что *teta-ḫ-šul* — форма типа *dida-ḫ-zilat*, но с негативным лексическим значением первой или второй части. Это подтверждается следующей синонимичной фразой — хат. *a-ša-aḫ-bi* ⌞*t*⌟*a-aš-tu-u-ta*, хет. *i-da-lu-ma-kán an-da li-e tar-na-a-i* ‘Плохое же да не будет допущено’. За формой *ašaḫ* ‘плохое’ следует локативное уточнение *-bi* и форма с отрицательным *taš-*, за которым следует местный преф. *t-* (или корень *-tu-*?) и корень *t-* (или синтаксический элехмент *-ta*). Значение, по-видимому, близко к хеттскому переводу.

Заключительная фраза предпоследнего раздела по-хеттски передана неточно: хат. *šu-u-la* ^{D}*šu-li-in-kat-ti ka-at-ti a-*⌜*t*⌝*a-ni-wa$_a$-aš ú-un-ḫu-bi*, хет. ^{D}*Šu-li-in-kat-ti-iš-ša-an* LUGAL-*uš an-da e-eš-zi* ‘Бог Сули-царь внутри сидит’. В хаттском, по-видимому, использована форма глагола *-ḫu-* ‘говорить’ (см. выше) с префиксами u- (субъектный и объектный 2 л. ед. ч., ср. параллели во всех северокавказских языках) и *n-* и суф. *-bi* (как в *nibu-bi*). Примерное значение: ‘Изобилие Сули-царь кладет, тебе говоря’ (преф. объекта *a-* в *a-ta-ni-wa-š* относится к *šula*).

Последняя фраза заключительного раздела текста: хат. *ú-e-ut-ta-a ú-da-nu bi-iz-z* [*i-i?*], хет. [*n*]*u zi-g a-wa-kán nam-ma ku-*[*i*]*t-*’UD *an- d*[*a*]*p*[*a-*]*i-ši* ‘и ты де дальше когда угодно(?) внутрь будешь входить’. В хаттском использована форма преф. 2 л. ед. ч. *we-* в сочетании с локативным превербом *ta-* и не вполне ясным корнем (гласным *-a-*?) в глагольной (?) словоформе *wetta*, за которой следует форма *udanu* с тем же преф. 2 л. ед. ч. *u-*, что и в *u-n-ḫu-bi*. Последнее слово *bizzi* ‘благой’ согласовано по классу с тем лицом (I класса), к которому обращается бог.

Предлагаемый разбор содержит много предварительных гипотез, которые со временем должны быть уточнены по мере выяснения характера соответствий между хаттским и абхазо-адыгским. Но уже сейчас очевидно, что многие места разбираемого текста становятся более ясными в свете данных живых северокавказских языков.

1983

Постскриптум

Хуррит. *ēzi* имеет значение ‘земля’ (а не ‘небо’) и поэтому исключается из приводимого списка соответствий.

К ПРОБЛЕМЕ СООТНОШЕНИЯ ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ И ХАТТСКОЙ ТРАДИЦИЙ*

После того как исследование хаттского языка и хаттских текстов вступило в новый этап благодаря установлению места хаттского языка среди родственных ему северо(-западно)кавказских, начинает проясняться и целый ряд вопросов, связанных с влиянием хаттской традиции на раннюю греческую.

1. Хатты — греч. *χάλυβες*. В отчетливой форме отождествление хаттов как кавказского по своим языковым связям народа с древнегреческими «халибами» — железоделателями впервые предположил еще в 1915 г. Марр[1] (единственной существенной, но по тем временам — до дешифровки Грозного — простительной его ошибкой было называние и неиндоевропейцев хаттов, позднее так же неверно долго называвшихся «протохаттами», и индоевропейцев хеттов одним термином «хетты»). Этот же вывод оказалось возможным удостоверить благодаря сопоставлению металлографических данных о неметеоритном происхождении железа кинжалов из погребений Аладжа-Хю-

---

* Издано в: Славянское и балканское языкознание. Проблемы языковых контактов. АН СССР. Ин-т славяноведения и балканистики. М.: Наука, 1983. С. 53—61.

[1] *Н. Я. Марр.* О религиозных верованиях абхазов // Христианский Восток. Т. IV. СПб., 1915. С. 113—140; перепечатано: *Н. Я. Марр.* О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938. С. 98—125. Из объяснений Марра (подтвержденных в настоящее время хаттским материалом), содержащихся в этой статье (см. вторую из названных публикаций, с. 120—125), стоит выделить этимологию сванского названия ‘дуба, дубовой рощи’ с суф. *-ra* (абхазского типа) из западнокавказской формы, родственной адыгейск. *жиг-ей* ‘дуб’, *жиг* ‘дерево’, что согласуется с хат. *ziḫer* ‘дерево для строительства, лес’.

юк (начало III тыс. до н. э. по Мелаарту [2]), обычно соотносимых со временем хаттского владычества, и лингвистических сведений о хаттском названии железа *ḫa-wa-lki* ‘из железа’. Проникновение и распространение этого последнего в различные языки Евразии относится примерно к тому же времени (конец II — начало I тыс. до н. э., иногда и раньше), которым датируется и распространение знаний о плавке и ковке железа (и стали) у соответствующих народов, постепенно перенимавших это новое достижение у хаттов, а потом и хеттов — наследников их духовной и материальной культуры [3]. Из числа недавно полученных особенно наглядных подтверждений синхронности диффузии технологии изготовления железа (и стали) и его названия следует обратить особое внимание на восточноазиатский ареал, где отражение и в тибето-китайском (др.-кит. **thiet* < < **ʔek*, тибет. *lčags*, диалект. *ɻ(ç)tçak* [4], яо *lhiak*, мяо *lh’ɔu*), и в неродственном ему тайском (*lek*) форм типа **khlek* ‘железо’ [5] свидетельствует о раннем распространении миграционного термина типа хат.

---

[2] *J. Mellaart.* Egyptian and Near Eastern chronology: a dilemma? // Antiquity. 1979. V. 53. № 207. P. 12—14, 18.

[3] *В. В. Иванов.* Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики // Историко-филологический журнал АН Арм. ССР. 1976. № 4 (75). С. 74—75; *Он же.* К истории древних названий металлов в южнобалканском, малоазийском и средиземноморском ареалах // Славянское и балканское языкознание. Актичная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977. С. 23—24; *Он же.* Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 26—29; *Он же.* О происхождении некоторых балтийских названий металлов // Baltistica. 1977. XIII (1). P. 223—231; *Он же.* О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам // Лингвистический сборник АН Груз. ССР. Тбилиси, 1979. С. 111—117; *Он же.* Славянские названия металлов и проблемы восстановления ранних этапов истории металлургии у славян // Сов. славяноведение. 1979. № 5. С. 82—95; *Он же.* Железо // Всеобщая история химии. Возникновение и развитие химии с древнейших времен до XVII века. М., 1980. С. 61—71.

[4] *R. K. Sprigg.* The Golor dialect and written Tibetan pasttense verb forms // Bulletin of the school of Oriental and African research. 1979. V. XLII. Pt. 1. P. 58.

[5] *Chang Kun.* Sino-Tibetan ‘Iron’: **q^hleks* // Journal of the American Oriental Society. 1972. V. XVII. P. 430—446. Хотя некоторые из названных языков (в частности, тибето-бирманские, мяо-яо и др.) могут быть в конечном счете родственны северокавказским, тем не менее не только в тайском (куда слово могло попасть из тибето-китайского), но и во всех других этих языках скорее вероятно древнее общее заимствование по семантическим причинам (допустить, что слово обозначало в древности метеоритное железо, нет оснований). Относительно слов со вторым элементом *-l-* типа тибет. *kluṅ*, таи *khl’χŋ* ‘канал’, заимствованных из австро-азиатского, см.: *J. Norman, Mei Tsu-lin.* The Austro-asiatics in Ancient South China // Monumenta Serica. November 1978. V. XXXII (1976). P. 282.

(*ḫa-wa-*)*lki*, которое может датироваться достаточно ранним периодом. С этим согласуются новейшие археологические данные, по которым железный век в Восточной Азии сильно отодвигается назад: плавка железа осуществлялась еще около 1400 г. до н. э.[6] (дата, близкая к той, на которую указывают и собственно лингвистические данные).

Другим примером, показывающим, насколько хорошо данные металлографического и археологического анализа согласуются со сведениями, почерпнутыми из древнемалоазиатских письменных источников, может быть связь железоделательного производства с получением железных шлаков при выплавке меди. Этот последний факт, известный в археологии древней Малой Азии[7] и Закавказья[8], не был учтен историками. Поэтому, например, исследователь староассирийских торговых колоний рубежа III и II тыс. до н. э. (времени конца хаттско-хеттского симбиоза) удивлялся пожеланию автора письма получить «медь, которая не содержит гематит» (URUDU *ŠA ŠA-AD-WA-NA-AM LA Ú-KÀ-LÙ*), что «указывает на удивительный факт: железо было шлаком при изготовлении меди»[9]. Но для тех, кто знает указанные выводы археологов, ничего удивительного в этом нет.

Хотя хатты и были изобретателями сознательно направленной (а не случайной) выплавки железа и стали, тем не менее почти до конца Хеттского царства железо оставалось предметом роскоши. Из многочисленных топоров, найденных в Центральной Анатолии, только один, относящийся уже к 13 в. до н. э., сделан из железа (найден в нижней части столицы хеттов — Хаттусаса и принадлежит к широко распространенному типу IV[10], что подтверждает неуникальность этого изделия).

Примерно к тому же времени относятся и первые свидетельства выплавки стали и ее закалки (с целью получения твердого металла) в Эгейском мире (на Кипре, в области, за обладание которой боролись последние хеттские ца-

---

[6] Early South East Asia, Essays in archaeology, history and historical geography / Ed. by R. B. Smith, W. Watson. N. Y.; Kua la Lumpur; Oxford University Press, 1979.

[7] *M. J. Mellink.* Archaeology in Asia Minor // American Journal of Archaeology. 1974. V. XLII. № 2. P. 115.

[8] *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970. С. 132. Табл. 11. Строка 27.

[9] *M. T. Larsen.* The Old-Assyrian city-states and its colonies. Copenhagen, 1976. P. 91—92.

[10] *R. M. Boehmer.* Die Kleinfunde vom Boğazköy. Berlin, 1972. S. 138. № 1255. Taf. 14; *H. Erkanal.* Die Axte und Beile des 2. Jahrstausends in Zentralanatolien // Prähistorische Bronzefunde. Abteilung IX. Bd. 8. München, 1977. S. 6. Taf. 3—27. Из свидетельств хеттских письменных источников, описывающих (как и хаттские ритуалы) изделия из железа, стоит отметить текст KUB II 2 II 9, где говорится о железном ярме на паре быков из железа.

ри), где наиболее ранние свидетельства появления железа датируются концом XIII—XII в. до н. э.[11] След знакомства с подобными приемами специалисты по истории металлургии усматривают в гомеровском тексте, относящемся к ослеплению Полифема[12].

Греки, к этому периоду уже познакомившиеся с малоазиатской техникой изготовления железа и стали, еще долгое время сохраняли память не только о восточном происхождении этой техники, но и о народе — халибах (*χάλιβες*, 'железоделателях', самое имя которых, говорящее о характере их металлургических открытий[13], отражается в названиях мест вплоть до византийского времени и даже, возможно, в современной топонимике Малой Азии[14]).

2. Хат. *ḫa-p-rašš-* 'леопард, барс'; греч. гомер. *πάρδαλις*, *παρδαλέη*, *πόρδαλις*. Если сравнение греч. *χάλυβες* : хат. *ḫa-wa-lki* может быть соотнесено с археологическими данными, касающимися III и II тыс. до н. э., то при сопоставлении хат. *ḫa-p-rašš-un* 'леопарда, леопардово' (ср. хет. *paršana-*) и заимствованного (как и фонетически сходные др.-инд. *pṛd-aku*, афг. *pṛāng*, согд. *pwrδvk* 'леопард, пантера', перс. *palang* при зап.-ир. *pārs- ~ fārs-* и сарыкол. *pis*) либо из хаттского, либо из языка, близкого к хаттскому, греч. гомер. *πόρδαλις* (*πάρδαλις*), *πάρδος* 'леопард, барс' оказывается возможным сближение лингвистических фактов с гораздо более древними археологическими, восходящими к традиции Чатал-Хююка и Хаджилара (VII—VI тыс. до н. э.)[15]. У Гомера это слово используется в перечислениях, где речь идет либо о божестве, в качестве одного из грозных воплощений принимающего образ леопарда

---

[11] *E. Tholander.* Evidence of the use of carburized steel and quench-hardening in the late Bronze age Cyprus // Opuscula Atheniensia. 1971. V. 10, 3. P. 18—22; *R. Pleiner.* Technology of three Assyrian iron artifacts from Khorsabad // Journal of Near Eastern Studies. 1979. V. 38. P. 97. № 12; *H.-G. Buchholz.* Vassos Karageorghüs. Excavations at Kition // Gnomon. 1979. Bd. 51. H. 7. S. 675.

[12] *J. E. Curtis, T. S. Wheeler, J. D. Muhly, K. Maddin.* Neo-Assyrian iron working technology. Proceedings of the American Philosophical society. 1979. V. 123. № 6. P. 381.

[13] *X. de Planhol.* Geographica pontica. II. Les Khalybes: nom du peuple ou qualificatif professionnel? // Journal asiatique. 1963. T. CCLI. № 3—4. P. 298—309.

[14] *T. Y. Cannody.* Remarques sur la toponymie anatolienne actuelle // Orbis. T. XXVII. 1978. № l. P. 109. N. 1.

[15] *В. В. Иванов.* Разыскания в области анатолийского языкознания // Этимология 1976. М., 1978. С. 153—158; *Он же.* Чатал-Гююк и Балканы. Проблемы этнических связей и культурных контактов // Balcanica. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 21—22; *Он же.* Анатолийские языки // Древние языки М. Азии. М., 1980. С. 135; *Е. В. Антонова.* О характере религиозных представлений неолитических обитателей Анатолии // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. М., 1979. С. 22, 23, 26, 31.

вслед за образом льва (*δ* 457), либо о хищниках — *δώων παρδαλίων δε λύκων* (N 103) — ‘шакалах, пантерах и волках’, которые угрожают лесным травоядным животным. Но наибольший интерес представляют два тождественных по функции употребления греч. *παρδαλέη* ‘барсовая шкура’ в «Илиаде» как обозначения атрибута сражающегося героя-троянца (Александра) в начале 3-й песни (Г 17) и ахейца Менелая в начале 10 песни (К 29). Это использование названия ‘барсовой шкуры’ заставляет обратиться, с одной стороны, к изображениям мужчин в таких шкурах на фреске начала VI тыс. до н. э. из Чатал-Хююка, с другой, к кавказским традициям, прежде всего к той, которая представлена в поэтической обработке Руставели. О. М. Фрейденберг писала о герое грузинского эпоса, как бы предвосхищая недавние выводы Р. О. Якобсона и К. Леви-Стросса о двойственности роли мифологического гонимого гонителя: «за ним гонятся и его ищут, но сам он, в барсовой шкуре, одновременно и барс, как лев-Геракл в львиной шкуре»[16]. Груз. *ṭqaw* ‘шкура, кожа’, выступающее в названии поэмы «Vepxis ṭqaosani», и родственные ему мегрело-чанские слова имеют соответствия в качестве ареального термина как в общеиндоевропейском **twek-* (что может объясняться очень древними контактами[17]), так и специально в греческом (куда слово в другой форме **kowo-s* было заимствовано, очевидно, из западно-картвельского[18]). Но не исключено, что наиболее ранняя форма того же слова (позднее проникшего как в индоевропейские диалекты, так и в картвельские, откуда потом в греческий) представлена в таких северо(-восточно)кавказских языках, как нахские: чечен. *цIока* ‘шкура’ при *цIоькъан цIока* ‘барсова шкура’, где, возможно, древняя этимологическая фигура или анаграмма: *цIокъ* (иначе *цIокъберг*) ‘барс’, *цIокъберган* (*цIоькъан*) ‘барсовый’. Для северо-западнокавказских языков характерно общее слово в значении ‘шкура’, ‘кожа, кора’: адыгейск. *шъо* (староадыгейск. *сюё*[19]), кабард. *фэ*, убых. *c°á* (*tə́t-c°a* ‘внешний вид человека’), абхаз. *а-цəа* (*ауас-цəа* ‘овечья шкура’, *абжьас-цəа* ‘тигровая или барсовая[20]

---

[16] *О. М. Фрейденберг.* Поэтика сюжета и жанра. Л., 1936. С. 261. Ср. так же: *Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Т. II. Тбилиси, 1984.

[17] *В. В. Иванов.* О некоторых переднеазиатских параллелях к картвельским лексемам. С. 121—122 (см. ниже в этом томе).

[18] *Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов.* Картвело-«догреческие» заимствования и проблема мифа об аргонавтах // Balcano-balto-slavica. Симпозиум по структуре текста. М. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1979. С. 21—22.

[19] *Л. Люлье.* Словарь русско-черкесский или адыгский. Одесса, 1846. С. 240.

[20] На последнее значение (делающее возможным хотя бы весьма гипотетическое сближение с абхаз. *абжьас* ‘тигр, барс’ и хат. *ḫa-p-rašš-*) автору любезно указал Ш. Д. Инал-ипа, чья помощь была очень важной и при разборе значений других абхазских слов.

шкура'), абхаз. *чва*. Фонетический облик западнокавказского слова позволяет сближать его с восточнокавказским и вместе с тем предположить, что если и.-е. **t^{w}ek-* могло быть заимствовано из формы с конечным **k-* типа чечен. *цIок-*, то анлаут индоевропейского (но не картвельского, существенно преобразовавшегося по сравнению с исходным) слова близок к общезападнокавказскому. Адыгские языки позднее заменили древнее название тигра, родственное абхаз. *абжьас* (и возможно хат. *ḫa-prašš-*), тюркским заимствованием: староадыгейск. *каплан* 'тигр' [21], кабард. *къаплъэныфэ* 'тигровая шкура'. Но исходное сочетание с семантикой грузин. *vepxis ṭqaosani*, чечен. *цIоькъан цIока*, абхаз. *абжьасцæа*, по-видимому, можно считать характерным для всего кавказского ареала. В отличие от большинства живых кавказских языков греческий гомеровский сохраняет в этом значении производное (на *-l*, ср. хатт. *-el*?) от имени барса, заимствованого из хеттского, а не соответствующее наименование 'шкура', в греческом имеющее две разные по хронологии формы — общеиндоевропейскую **twek-* > греч. *σάκος* 'щит' < 'кожаный щит' (ср. хет. *twekk-* 'тело', др.-инд. *tvac-* 'кожа, шкура') и более позднюю, заимствованную в Колхиде (микенск. греч. *ko-wo* 'руно' = **kowos* < **ṭqow-*), но в обоих случаях достаточно далекую от исходного значения.

3. Хат. *šebšeb* 'обувь' : греч. *σύκχοι*. Хат. *šebšeb* 'обувь' (в сочетании *li-e-še-ib-še-ib* 'его обувь', соответствующем идеограмме KUŠ E.SIR$^{ḪI.A}$ 'обувь' в билингве Bo2030 [22]) представляет собой редупликацию, структурно напоминающую не только абхаз. *a-qanqan* 'род обуви' [23], но и убых. *bž'ałabž'a* 'зимняя обувь' от *bž'a* 'зима' [24]. Исходный корень, лежащий в основе этой редупликации, тождествен первой морфеме, предположительно выделяемой (в соответствии с гипотезой Н. Ф. Яковлева об односложности на определенном хронологическом уровне исходных черкесских корней) в адыгейск. (зап.-черкес.) *цуакъэ* < *ć°a-q̇e* 'чувяки, обувь' (старо-адыгейск. *цюа̂кё* 'башмак' [25]), кабард. *вакъэ* < *va-q̇e*.

В таком случае фонетическое и графическое соответствие хат. *šeb*(*-šeb*): адыгейск. *ć°*(*a*)-, кабард. *va-* полностью аналогично соотношению хат. (*i*)*zzibina* 'кислый' (в той же билингве *li-e-iz-iz-zi-bi-i-na* соответствует аккад. *IM-ZU*

---

[21] *Л. Люлье.* Указ. соч. С. 213.

[22] *H.-S. Schuster.* Die hattisch-hethitischen Bilinguen. 1. Einleitung. Texte und Kommentar. T. 1 // Documenta et monumenta Orientis Antiqui. V. septimum decimum. Leiden, 1974. S. 70—71, 115.

[23] *В. Г. Ардзинба.* Некоторые сходные структурные признаки хаттского и абхазо-адыгского языков // Переднеазиатский сборник. III. М., 1979. С. 34.

[24] *H. Fogt.* Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963. P. 93 (морфема № 180).

[25] *Л. Люльс.* Указ. соч. С. 3.

‘кислый’ [26]) и адыгейск. (*гъэ-*)*шIуэIуэн* ‘квасить’, кабард. *фIэIу* ‘кислый’, абхаз. *а-цэ-цы* ‘кислый’ (с возможной албанской параллелью), *арцра* ‘квасить’ (к фонетическому соответствию ср. также хатт. *izzi* ‘хороший, благой’: адыгейск. *фIы* ‘добрый’, кабард. *шIу* ‘благой’)); хат. (*ka-*) *štib* ‘дверь’: абхаз. *а-шэ*; хат. *kaška-štipa* ‘порог двери’ (к первой части ср. хет. *aška* ‘ворота’, заимствованное из хаттского и удостоверяющее префиксальный характер *k-*): абхаз. бзыб. *асха́-мвш* ‘порог двери’. Следовательно, в клинописи, служившей для передачи хаттского языка, написание *-(i)b* могло передавать либо отдельную губную фонему, либо признак огубленности, как в хат. *šeb-* согласно предлагаемой адыгской его этимологии.

Греч. *σύκχοι · ὑποδήματα Φρύγια* ‘башмаки фригийские’ (иногда переводится ‘сандалии’ [27]) содержит указание на Фригию, т. е. на область древнего распространения хаттского, а позднее хеттского (только потом, после падения Хеттского царства, фригийского) языка. В этой области имелась особая обувь, по-хеттски называвшаяся ^{KUŠ}.SIR *ḫattilēs* ‘хаттская обувь’ [28], где идеограмма совпадает с той, которой по-хеттски переводится хат. *šebšeb*, а прилагательное *hattili-* (в форме мн. ч.) — с хет. *ḫattili* ‘по-хаттски, на хаттском языке’ [29]. Этот необычный вид обуви (сохранившийся в адыгской традиции, откуда и рус. *чувяки*, *чевяки*) в греческом назывался либо *σύκχος*, мн. ч. *σύκχοι*, либо переиначенными формами *συκχάς*, *σύγχις*, объясняемыми позднейшим влиянием народной этимологии; отсюда и лат. *soccus* ‘мягкая обувь’ (уже у Плавта). Само же изначальное греческое название обоснованно признается связанным с приведенными адыгскими словами, в частности, с пракабардин. **ź°eq̇e-*, имеющим и восточнокавказские соответствия [30], ср. каратин. *цIцIункIа* ‘носок обуви’ [31], с аффрикатой того же типа, что и в восточнокавказских соответствиях приведенного выше хатт. *-zzibina* ‘кислый’: авар. *ҫәеḳав* ‘кислый’ [32], хат. *b-iz-zi* ‘хороший’; авар. *baҫ-ine* ‘чистый’: гунзиб. *b-a^{n}cәка* ‘очистить’ с таким же классным показателем *в-* [33], как в хат. *b-izzi*; хат. *ka-štib*

---

[26] *H.-S. Schuster.* Op. cit. S. 70—71, 115.

[27] *В. П. Нерознак.* Палеобалканские языки. М., 1978. С. 153.

[28] *H. Otten.* Fußbekleidung bei den Hethitern // Reallexikon der Assyriologie. Lief. 3. Berlin, 1959. S. 125.

[29] *В. В. Иванов.* Заметки по сравнительно-исторической индоевропейской поэтике // To Honor R. Jacobson. The Hague; Paris, 1967. P. 979.

[30] *J. Knobloch.* Ein kaukasisches Lehnwort in den klassischen Sprachen // Die Sprache. 1958. Bd. IV. S. 198—200.

[31] Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971. С. 214.

[32] *Т. Е. Гудава.* Историко-сравнительный анализ консонантизма дидойских языков. Тбилиси, 1979. С. 159—160.

[33] Там же. С. 162.

'дверь': авар. *пи-сәа*[34]. Данный факт показывает, что такие более поздние обозначения, как «фригийский», могли скрывать в себе в действительности ссылки не только на хеттскую традицию (ср. предысторию Кибелы-Кубабы), но и на ей предшествовавшую хаттскую, в лексическом отношении обнаруживающую значительную близость к адыгской. Этим же объясняется и отмеченный еще А. Тромбетти[35] факт отдельных лексических совпадений у хаттского и лидийского языка (наиболее непосредственно из всех позднеанатолийских продолжающего собственно хеттскую традицию).

4. Обозначения Страха и Ужаса. В некоторых случаях хаттские термины, имеющие соответствия в северо-западнокавказских языках, не заимствовались, а переводились греками. В таких случаях, где непосредственный источник заимствования менее очевиден, вероятен и хеттский язык как промежуточный (как это возможно и по отношению к перенятию в греческом эпосе различения «языка богов» и «языка людей», известного по хаттско-хеттским билингвам, а также и применительно к возможному заимствованию имени хаттского и хеттского бога Телепину — греческого Телефа; в сванский обряд имя *Telepia* могло проникнуть и из северо-западнокавказского). Так давно уже замеченное[36] сходство пары божеств *Δεῖμος τε Φόβος τε* ('Страх и Ужас') у Гомера в «Илиаде» (где они упомянуты и в описании щита Агамемнона, Λ 36—37, и как слуги и возницы бога, связываемого с малоазиатским кругом Ареса, Δ 440, O 119) с хеттскими аналогичными божествами *Naḫšarateš* (мн. ч.) 'Страхи' и *Weritemaš* (мн. ч.) 'Ужасы' объясняется воздействием хаттской традиции, где в той же функции выступают *tauwa$_a$ tup/wii* 'страх и ужас'[37]. Различие между конструкцией (*uduwaa*) *tauwa$_a$ tupi ta-ḫ-kuwa-t* 'охватил его Страх, охватил его Ужас' в повествовательной начальной части мифа о Луне, упавшей с неба, и *ša-ḫ-kuwa-t* (с теми же существительными) в

[34] Там же. С. 161—162.

[35] См.: *J. Knobloch.* Op. cit. S. 199. Anm. 2 (с дальнейшей литературой). Должен заметить, что существенная роль Тромбетти как первооткрывателя и в других областях подчеркивалась В. М. Иллич-Свитычем.

[36] *J. Friedrich.* «Angst» und «Schrecken» als niedrige Gottheiten bei Griechen und Hethitern // Archiv für Orientsforschung. 1944. Bd. 14.

[37] *Вяч. Вс. Иванов.* Гомер. греч. *Δεῖμος τε Φόβος τε* : хатт. *tauu̯a$_a$ tup/u̯i$_i$* хетт. naḫšaratt-u̯eritema // Античная балканистика 3. Языковые данные и этнокультурный контекст Средиземноморья. М., 1978. С. 23—25; *Он же.* Чатал-Гююк и Балканы. С. 15—18; *J. Puhvel.* Devatā-dvandva in Hittite, Greek, and Latin // American Journal of Philology. 1978. P. 396—405 (ссылка на более раннюю работу Фридриха здесь отсутствует); Ibid. P. 397, см. об использовании в «Теогонии» Гесиода также в связи с Аресом и в «Щите Геракла», сопоставимом с гомеровским щитом Агамемнона.

части, где о тех же событиях рассказывает богиня Каттах-Цифури (хат. *Kattaḫ-Zifuri* ‘Царица Ц.’), объясняется, очевидно, тем, что глагол *-kuwa-* (тождественный убых. *q°’a-* ‘хватать, брать’) во втором случае употреблен в прямой речи богини, которая (как следует из продолжения мифа) ведает Страхом и Ужасом (подобно Афродите, приносящей соответствующие греческие мифологические символы Аресу в «Теогонии» Гесиода, 933—934; малоазиатское происхождение эпизода не вызывает сомнений). В таком случае хат. *šaḫ-kuwa-t* имеет ту же префиксальную структуру, что и убых. *a-s-q°’a-n* ‘я его беру’ [38], *aṡa-a-q°’á-n* ‘я его держу’ [39]. Предлагаемое истолкование, позволяющее прибавить к ранее выявленным хаттским префиксам (2 л. ед. ч. *u-*, 1 л. мн. ч. *t-*), которые совпадают с адыгскими (и в целом северокавказскими), еще и префикс 1 л. ед. ч. *s-*(**đ-*), в отношении семантики опирается на тождество описания лунного затмения посредством хат. *-kuwa-* в этом мифе и солнечного затмения посредством убых. *q°’a-* в сочетании *ándγa q°aq’á* ‘он схватил солнце’ = ‘произошло затмение солнца’ [40], где и первое слово — название ‘солнца’ *ndγá*, как и его адыгские (староадыгейск. *ттого* [41], *тыгъэ*, кабард. *дыгъэ*) и восточнокавказские (и дальнейшие енисейские) соответствия со значениями ‘день, солнце’, находят точное соответствие в хат. *i̯aḫ* ‘солнечный блеск’. Иногда встречающееся использование формы с классным показателем хат. *wa watu-u-bi* в значении обоих хеттских и хаттских слов [42] объясняется тем, что префикс *wa-* обозначает и собирательность, и именной класс персонифицируемого отвлеченного понятия, как в хат. ^{D}*Wa-sul* ‘Изобилие’. Хат. *tauwa$_a$ tupi* точно соответствует кабард. *щтэIэ-щтаблагъэ* ‘робость’, *щтэIэ-щтаблэ* ‘робкий’, староадыгейск. *щтауə̂*, *щтапхе* ‘боязливый’, *щтѐ* ‘испуг’ [43].

5. Хат. *tuḫ-* : греч. *θεός* ‘бог’. Многократно предлагавшееся и вновь отвергавшееся (как и некоторые другие сближения, теперь оправдываемые в свете открывшейся исторической перспективы) сопоставление греч. *θεός* ‘бог’, не имеющего удовлетворительной индоевропейской этимологии, с адыг. *тхьэ-* ‘бог’ подтверждается двумя группами фактов. Во-первых, внутри самого адыгского рядом ученых (по-видимому, независимо друг от друга) [44] выявле-

---

[38] *H. Vogt.* Op. cit. P. 170. N 1503 (*-t* соответствует абхазскому финитному *-m*).
[39] Там же. С. 176. № 1606.
[40] Там же. С. 170.
[41] *Л. Люлье.* Указ. соч. С. 199.
[42] *H.-S. Schuster.* Op. cit. S. 99.
[43] *Л. Люлье.* Указ. соч. С. 10, 84 и др.
[44] *К. С. Шакрыл.* Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми, 1971. С. 84; *J. Knobloch.* Probleme der Nordkaukaschen Etymologie // Zeitschrift für Mundartforschung. Beihefte. Neue Folge. № 4 (Verhandlungen des Zweitcn Internationalen Dialektolo-

на связь с адыг. *тхьэ-* ‘бог’ таких производных от него, как кабард. *тхьэмадэ* ‘старейший’ (с дальнейшими переосмыслениями). Во-вторых, в хат. *wa-tuḫ-kante-n* ‘царевича’ удается выявить точно такое же древнее словосложение, где за классным показателем *wa-* (напоминающим принадлежность родственного второму элементу словосложения чеченск. *кIант* ‘парень’ к *в-*: *кIант вахара* ‘Парень пошел’) следует наименование ‘царя — бога — старейшего’ *tuḫ-* и общесеверокавказское название ‘парня, маленького’ (кабард. *кIантIэ-* ‘маленький’, абзах. *кьантапыр* ‘мальчишка’). Особенно характерно чечен. *паччахьан-кIант* ‘царевич’ с более поздней заменой первого элемента заимствованием, но ср. кабард. *пащ-тыхь* ‘король, царь’, первый элемент которого иногда возводится к древнему обозначению ‘феодального князя’. Из хат. *wa-tuḫ-kante-n* следует, что хат. *tuḫ-* имело значения, достаточно близкие как к адыг. *тхьэ-*, так и к греч. *θεός*. Существенно и то, что данное сближение ставится в ряд других аналогичных сближений типа греч. *ψυχή*, адыг. *псы*, греческого названия Ахеронта и адыг. Ахэрэта (реки мертвых) и т. п.

В настоящей статье ввиду ее предельной краткости оставлены в стороне много раз обсуждавшиеся темы (Телепинус — Телеф, язык богов) и рассмотрены лишь некоторые вопросы, показывающие, как много нового для исследования предыстории греческого языка и культуры, а также и для уточнения того, что греки имели в виду под терминами типа «фригийский», может дать дальнейшее сравнительное исследование хаттского языка.

1983

Постскриптум

Об этимологии чеченского названия ‘шкуры’ см.: *S. Nikolaev, S. Starostin.* A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow, 1994. P. 358, 1091—1092; о чеч. *ҫоλ* ‘снежный леопард’ < *‘пантера’ см.: Ibid. P. 228—229. О северокавказских словах со значениями ‘кваситься’, ‘кислый’ см.: Ibid. P. 521. О названии ‘двери’ (примеч. 35) ср.: Ibid. P. 218. К убыхскому глаголу со значением ‘брать, держать’ см.: Ibid. P. 646.

---

gen-kongresses) / Hrsg. von K. E. Schmitt. Bd. 2. Wiesbaden; Steiner, 1968. S. 466 (там же дальнейшая литература). В последней статье Кноблоха отчетливо сформулирован подтверждаемый хаттским материалом принцип сведения всего исконного словаря к сочетаниям примерно 80 исходных односложных морфем, продолжающий идеи Яковлева (к которым близок и Кейперс).

ХУРРИТСКИЕ И ХАТТСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ*

1. Хурр. *p/wandi* ‘правый’ : *šapḫali* ‘левый’. Хурр. *p/wandi*, *p/wanda-n(n)i* ‘правый’ [1] (форма с суффигированным артиклем *-ni*) родственно урарт. *anda-ni* [2] и ахвах. *гьанцIилIлI*, чамал. *гьансI-сIucIcIалIлI*, багул. *гьаншIел*, андийск. *гьанчIчIил*, лакск. *урчIа-*, лезг. *ерчIи*, табас. арчул. агул. *гIулджан-*, рутул. *гьарчаь-д* ‘правый’, арчин. *оIрчIу-ши* ‘направо’, удин. *ача*, чечен. *аътту* [3] из о.-вост.-кавк. **(ʔ)Vnźźʼ-* (здесь и далее общевосточнокавказские реконструкции даются согласно С. А. Старостину, которому автор приносит благодарность за ознакомление с результатами его работы). Начальное *w-* в *w-anda-ni*, если оно не объясняется фонетически, можно сравнить со структурно схожим префиксом в убых. *wa-żqʼoːmə* ‘справа’ : *żqʼá* ‘правый’. Значительно более сложную проблему представляет хурр. *šapḫali* ‘левый’, представленное в нескольких формах, часть которых можно считать результатом позднейшего уподобления *p/wandi*, с которым оно часто соотносится в текстах: *šapḫal-di*, *šapḫadi*, также *šawulda-* [4]. Урарт. *šalmatḫi* ‘левый’, сопоставляемое с хурритским словом [5], скорее напоминает последние его (уже преобразованные) формы и в то же время несет следы уподобления семитским формам типа ак-

---

* Издано: Этимология 1981. М.: Наука, 1983, с. 140—151.

[1] *E. Laroche.* Glossaire de la langue hourrite. Deuxième partie // RHA. 1977.

[2] *M. Salvini.* Einige neue urartäisch-hurritische Worigleichungen II // Orientalia. 1970. Nova Series. V. 39. Fasc. 3. S. 409.

[3] *Е. А. Бокарев.* Смычногортанные аффрикаты прадагестанского языка (опыт реконструкции) // ВЯ. 1958. № 4. С. 8; *Он же.* Введение в сравнительно-историческое изучение дагестанских языков. Махачкала, 1966. С. 73; *Б. К. Гигинейшвили.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977. С. 108.

[4] *E. Laroche.* Glossaire… 2. P. 214.

[5] *M. Salvini.* Op. cit. S. 409—411.

кад. *šumēlu* ‘левый’, ср. сокотри *s^{h}imḫal* ‘левый’ и другие семитские прилагательные [6], по фонемному составу близкие к хурр. *šapḫali*. Но для последнего слова обнаруживаются весьма примечательные параллели в лув. *ipala/ i-* ‘левый’ (ср. *ipal-ati* ‘левизна’) [7]. Как показывает сравнение с тох. А *śālyi* ‘левый’, *śālyās* ‘слева’, В *śwālyai* ‘слева’ [8] (при тох. А *pāci*, В *āpat* ‘справа’, быть может сопоставимом с хурр. *pand-*), лув. *ipala/ i-* утратило в начале и.-е. *$\hat{g}^h$ согласно общему правилу, действовавшему в лувийском [9]. Иначе говоря, лувийское и тохарские слова восходят к общей форме типа *$\hat{g}^h$(ē)b^h-ĕ/ŏl- / *$\hat{g}^h$(ĕ)b^h-ē/ōl- с развитием *-*bh*- > **p*- > *-*w*- и упрощением начальной группы в тохарском. Хурр. *šapḫal-i*, по-видимому, является древним заимствованием из того же индоевропейского источника, но испытавшего спирантизацию *$\hat{g}^h$ по типу языков *satəm*; вокализм говорил бы в пользу языка типа индоиранского; если маньч. *ǯebele* ‘правый’ [10] связано (при полярном изменении значения) с той же основой, то речь идет об очень широко распространенном миграционном термине. Следует отметить, что в северокавказских языках родственные слова со значением ‘левый’ пока не обнаружены. Замена слова с этим значением иноязычным заимствованием — явление, типологически достаточно часто встречающееся (ср. заимствование баскского слова в иберо-романские языки [11] и т. п.).

2. Хурр. *ti/ella* ‘бык’. Установление значения ‘бык’ для хурр. *tilla* (в частности, по отношению к двум быкам бога Грозы Тешшуба, хетт. *ti-el-la* с детерминативом GUD ‘бык’, ср. также на звание горы *še-e-nu-ti-el-la* ‘два быка’ [12]) имеет значительный интерес для исследования миграционных названий

---

[6] *C. Brockelmann.* Semitische Reimwortbildungen // Paideuma. 1967.

[7] *E. Laroche.* Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959. P. 51—52; *P. Meriggi.* Schizzo grammaticale dell anatolico (Atti della Accademia Nazionale dei lincei. Serie VIII. V. XXIV. f. 3. Anno CCCLXXVII). Roma, 1980. P. 292. § 55. — Ср. также хетт. GUB-*la*- ‘левый’, где в качестве фонетического комплемента после идеограммы представлен сходный суффикс.

[8] *B. Čop.* Indogermanica minora. I. Sur les langues anatoliennes (Slovenska Akademija znanosti in umetnostci. Razred za filološke in literarne vede. Razprave, VII), ср. рецензию на эту книгу: *В. В. Иванов* // ИАН СССР. Сер. лит. и яз. 1974. Т. XXXIII. 2. С. 172.

[9] *V. V. Ivanov.* On the reflex of the Indo-European voiced palatal aspirate in Luwian // Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kuryłowicz. Wrocław, 1965. P. 131—134.

[10] Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1. Л., 1975. С. 280.

[11] Ср.: *Y. Malkiel.* Semantic universals, lexical polarization, taboo. The Romance domain of «left» and «right» revisited // Festschrift for O. Szemerényi on the occasion of his 65th birthday. Amsterdam, 1979.

[12] *V. Haas, H. J. Thiel.* Ein Beitrag zum Hurritischen Wörterbuch // Ugarit-Forschungen. Bd. 11. Neukirchen; Vluyn, 1979. S. 346.

домашних животных. Представляется вероятным, что с тем же термином соотносится слово, общее для славянского (о.-слав. **telę* [13], основа на *-t-*, др.-рус. *теля* ‘теленок’, укр. *теля*, польск. *ciele*, чеш. *tele*, с.-хорв. *mèле*, болг. *телé* и т. п.) и балтийского (лит. *tẽlias*, лтш. *teļš*, *telens*, прус. *klente* ‘бык’ [14] с характерным для прусского развитием **tl- > kl-*, ср. *clocis* [*klokis*] ‘медведь’: лит. *lokỹs*, лтш. *lâcis* при архаическом западнобалтийском топониме *Tlokun-pelk* ‘медвежье болото’ [15]). Суффиксация объединяет прус. *klente* < **tlent-* с о.-слав. **tel-ę(t)-*; при этом представляется вероятным, что суффикс **-ent-* до включения в семантическое поле обозначений детенышей животных первоначально мог сохранять то архаическое значение показателя деятеля, которое достаточно явно свидетельствуется германскими фактами (ср. *-nd-* < **-nt-* как суффикс деятеля) и на основании анатолийских и других данных возводится к общеиндоевропейскому (активное причастие на **-nt-*, анатолийские активные именные формы на *-nt-*).

3. Хурр. *šawali* ‘год’. Хурр. *šawali* ‘год’ (соответствует шумер. MU. KAM ‘год’ в словаре из Рас Шамры), им. п. мн. ч. *šawalla*, род. п. *šawallaši*, дат. п. *šawallaše* [16], представляет собой точное соответствие этр. *avil* ‘год’, лемнос. *aviś* ‘год’ при допущении соответствия хурр. *š* : этр. *ø*, подтверждаемого (не для начальной, как в первом случае, а для интервокальной позиции) и в случае хурр. *ašte/i* [17] : этр. *puia* ‘жена’, для которого, кроме соответствий в нахском (ингуш. *истu* ‘женщины’, собират. бацб. *пстIин*) [18], обнаруживается параллель в хатт. *zzuwa-* ‘жена’, кабард. *фыз*, адыгейск. *шъвы(зы)*, убых. *s°ə́-*, тогда как для первого слова, кроме нахских [19] (чечен., бацб. *шо*) и дагестанских [20] параллелей (цахур. *сен*, арчин. *сан*, удин. *усен*), позволивших восста-

---

[13] *О. Н. Трубачев.* Славянские названия домашних животных. М., 1960. С. 44. — Другую версию о.-слав. **telę* < **ɥet-el-* от названия года см.: *Machek*[2]. С. 638 — *Примеч. ред.*

[14] *J. Endzelīns.* Senprūšu valoda. Rīgā, 1943. P. 195; *Idem.* Darbu izlase, II, 2 daļa. Rīgā, 1980. P. 149.

[15] *Z. Zinkevičius.* Lietuvių kalbos istorinė gramatika. I. Vilnius, 1980. P. 146. § 214. — Изменение этого же типа характерно для лехитского и северо-западно-великорусского, что могло бы объясняться и балтийским субстратом или ранними контактами с балтийскими диалектами этого ареала. Предположение о заимствовании прусского слова из славянского исключается по семантическим и фонетическим причинам.

[16] *E. Laroche.* Glossaire… 2. P. 62.

[17] *E. Laroche.* Glossaire de la langue hourrite. Première partie (A—L) // RHA. 1976. T. XXXIV.

[18] *И. М. Дьяконов.* Хуррито-урартский и восточнокавказские языки // Древний Восток, 3. Ереван, 1978. С. 31.

[19] Там же. С. 33.

[20] *Б. К. Гигинейшвили.* Указ. соч. С. 135; Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков. М., 1971. С. 182—183.

новить о.-вост.-кавк. **ś(ū)nV* ‘год’, можно указать убых. *š°á* ‘год’ и производное *γą́.ṡ.s°ala* ‘третий год’, ‘двумя годами позднее’ [21], где *-s°ala* прямо соотносимо с хурр. *šawal-* : этр. *avil*. Предполагаемое этими соответствиями хурро-этрусское языковое родство подкрепляется и рядом других сближений; хурр. *ki-g* ‘три’ : этр. *ci* ‘три’ (по финикийско-этрусской билингве) при бацб. *кхо*, чечен., ингуш. *кхоъ* [22], о.-вост.-кавк. *ǩelb* ‘три’, убых. *ša* (<**ǩ-* [23]) и т. п.; хурр. *-aḫḫi* в производных от названий мест типа *lul-aḫḫi* (с вероятным широким кругом северокавказских соответствий, обсуждавшимся еще Трубецким); этр. *-aχ* в аналогичных производных типа *Rum-aχ*. Некоторые из наиболее очевидных грамматических сопоставлений объединяют между собой этрусский и северо-западнокавказские языки. Это относится, в частности, к именной классификации. Собирательный суффикс мн. ч. *-χva* в этр. *pulum-χva* ‘звезды’ (в финикийско-этрусской билингве), *fler-χva* ‘плоды’ выполняет ту же функцию, что и соответствующий ему суффикс класса вещей абхаз. *-қуа* в *ашықус-қуа* ‘годы’, *хут#а-қуа* ‘доли’, *ашәыр-қуа* ‘плоды’ и т. п.

4. Хурр. *dagi* ‘красивый’. Очевидная параллель к хурр. *dagi* ‘красивый’ обнаруживается в адыгейск., кабард. *дахэ* ‘красивый’, ср. адыгейск. *Цумпэ Іэрамэхэр дахэх* ‘Гроздья клубники красивы’, хурр. *Inu-me ušḫuni šiḫala ḫišma tagi-ma kiraši-ma* ‘как серебро чисто, блестяще, красиво и прочно’ [24], KUB XXIX 8 IV 27. Представляется возможным сопоставить и соответствующие имена женских персонажей: хурр. *Da-a-ki* ‘Прекрасная’ (атрибут богини Хебат), адыгейск. *Дахэ* ‘Красавица’ (женское имя).

5. Хатт. *-zip-* ‘маленький, младший’. Несмотря на то, что (или, вернее, благодаря тому, что) билингва KUB XXVIII 6 с самого начала изучения хаттского языка была использована Э. Форрером, из нее до сих пор не извлечены некоторые наиболее очевидные слова, проясняющие и этимологические связи хаттской лексики. Во времена Форрера знания хеттского словаря были недостаточны, оттого и некоторые хаттские слова остались непереведенными. В частности, в строках I 15а—15в, 16а—16в до настоящего времени не было выявлено соответствие хатт. *pa-zi-ip-lu a-li-nu-en*, хетт. *am-mi-an-za-ma-kán* DUMU-aš ‘маленький же сын’ (в хатт. *al-inu-en* выделяется притяжательное *l-*

---

[21] *G. Dumezil.* Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. III. Nouvelles études oubykh (Travaux et mémoires de l’Institut d’ethnologie. LXXI). Paris, 1965. P. 242.

[22] *И. М. Дьяконов.* Указ. соч. С. 32.

[23] *С. А. Старостин.* Реконструкция праабхазо-адыгской системы согласных // Конференция «Проблемы реконструкции». М., 1978. С. 99.

[24] *E. Laroche.* Glossaire… 2. P. 249.

'его', предшествующее *inu* 'сын'), хатт. *Zi-pi-iš zi-pi-nu*, хетт. *am-mi-an-za* DUMU-aš 'маленький сын' (в хаттском словосложении *zip-inu* 'маленький сын' *inu* предшествует основа *zip-* 'маленький'), к форме *inu* 'сын', ср. трижды повторяющееся в той же билингве (Vs. 20a—b, Rs. Ia—b, 3a—b) соответствие хатт. $^{D}Wú_{ú}$-*ru-kat-ta-i-nu*, хетт. DUMU-*aš* ^{D}*za-ba*$_4$-*ba*$_4$-*aš* 'сын бога Забаба' (хатт. 'царь страны', имя Забаба известно в III тыс. до н. э. в культурном ареале Эблы). Наиболее близкую параллель представляет убых. *ċ'a : p'q''a* 'молодой', ср. *cacá*, *ċ'aśə́* с тем же значением, адыгейск. *цIыкIу*, абхаз. *аицбы* при сложении *аҧа-еицбы* 'младший сын'; менее ясны возможности сравнения с восточно-кавказскими терминами типа арчин. *ч'eln* 'люлька', *ч'elna ло* 'младенец' (ср. к семантике убых. *c°a : pá* 'люлька').

6. Хатт. *zuḫ-* 'одежда'. В той же хаттско-хеттской билингве KUB XXVIII 6 I 12a—b—13a—b удается выявить следующую последовательность, точно совпадающую в обеих версиях: хатт. *wa$_a$-aḫ-ku-un wú$_ú$-ru-še-mu ta-az-zi-ya-aḫ-du ta-zu-u-ḫa-aš-ti*, хетт. ^{URU}TÚL-*na-aš* ^{D}UTU-[*u*]*š nu* [^{D}*m*]*i-iš-ri-*[*wa-an-*⟨...⟩] TÚG-*ZU še-ir ka-a-ri-aš?-ḫ*[*a-aš*] 'Солнечная богиня города Аринны сверху покрыта своей блестящей одеждой'. Как и в предыдущем случае, понимание текста становится возможным благодаря выяснению значений хеттских слов, первым исследователям билингвы неизвестных. Хетт. *mišriwant-* 'блестящий' точно соответствует корню *yaḫ-* 'блеск', известному из других билингв, а в данном случае выступающему с префиксами *ta-* и *zi-* и падежным показателем *-du*, ср. *ka-iyaḫ-du* 'с неба' в билингве о боге Луны, упавшем с неба[25]; *kašbaru-yaḫ* 'лучезарный' в качестве хаттского эквивалента хетт. *lalukkima-* 'светозарный' по отношению к божеству Солнца[26] в контексте, близком к разбираемому. Конструкция *šer kariyari* в хеттском означает 'покрыт(а) сверху' (медиопассив); производное *kariyašḫa-* в контексте, где речь идет о попытке богини Иштар соблазнить чудовище Улликумми[27], может иметь значение 'покрытие, одежда'; слово употреблено и в молитве KUB XIV 7 IV 5, 7, обращенной к той самой Солнечной богине Аринне[28] (хатт. *Wurušemu*), которая описывается и в разбираемом месте хаттско-хеттской билингвы. Шумерограмма TÚG 'одежда' в сочетании с этой глагольной формой соответствует хатт. *ta-zuḫ-asti*, где префикс *ta-* аналогичен первому префиксу в хатт. *ta-zi-*

---

[25] *В. В. Иванов.* Славянский, балтийский и раннебалканский глагол // Индоевропейские истоки. М., 1981. С. 227, там же см. об этимологии.

[26] *В. В. Иванов.* К архаичным формулам в хеттских гимнах // AO. 1978. V. 46. № 1. С. 71.

[27] *H. Otten.* Mythen vom Gotte Kumarbi. Neue Fragmente. Berlin, 1950. S. 21—22. Anm. 2.

[28] *В. В. Иванов.* Вурусему // Мифы народов мира. Т. 1. М., 1980.

yaḫ-du, а основа *zuḫ-* в значении ‘одежда’ известна из строительного ритуала KUB II 2+, где она имеет то же шумерское соответствие (TÚG$^{ḪI.A}$ ‘одежды’). Возможные соответствия можно было бы видеть в праадыг. **š^{h}ake* ‘платье, одежда’, адыгейск. *щыгъын* ‘одежда’ (но ср. также убых. *ža-γ-* ‘одеться’), о.-вост.-кавк. **čoqqajV* ‘одежда’. При наличии нескольких параллельных начальных фонем в словах этой семантики (возможно, и несводимых друг к другу) в северо-западнокавказском точный выбор одного из них затрудняется многозначностью возможных интерпретаций хатт. *z-* в анлауте, хотя наиболее вероятно соответствие хатт. *zuḫ* : адыгейск. *щыгъын*.

7. Хатт. *ḫawit* ‘быть как яблоня’. Другой хаттско-хеттской билингвой, данные которой ранее недостаточно использовались из-за невыясненности значений хеттских слов, является текст KUB XXVIII 1 Rs. IV (где хаттская и хеттские части, соответствующие друг другу, чередуются небольшими группами фраз в отличие от разбиравшейся выше билингвы, в которой каждой хаттской строке слева соответствует хеттская справа). Особый интерес представляет глагольная форма хатт. *ta-a-ḫa-a-ú-e-it* (последний знак по графическим причинам размещен в конце строки вертикально, а не горизонтально), переводимая хетт. *na-aš ša-am-ma-al-li-ya-zi* ‘и он становится как яблоня, приносящая яблоки’ (IV 35—37). Это значение в ритуале магии уподобления можно предположить благодаря выявлению связи данной глагольной формы с именной *šamalluwa-nt-* [29], для которой достоверно установлено значение ‘яблоко’ [30]. Эта интерпретация подтверждается соответствием хатт. *ḫa-a-u-it-pa* (в дубликате B параллельная форма *a-an-ḫa-ú-*[*i*]*t-pa*), хетт. *ša-am-ma-al-eš-zi-ma-aš* ‘делается яблоне подобным же он’ в строках IV 25—26 того же текста, где в хеттской части стоит идеограмма ḪASḪUR ‘яблоня, яблоко’ непосредственно за приведенной формулой, включающей глагольную форму *šamaleszi* ‘он делается подобным яблоне’ от основы *šamal-*, общей с глаголом *šamaliyazi* ‘становится как яблоко’ и с самим названием яблока *šamluwa-nt-*, где таким образом в самом хеттском языке удается выделить суффикс, в чем состоит исключительное значение излагаемых фактов для этимологии индоевропейского названия яблока. Что же касается хатт. *-ḫáwit* (с грамматическим показателем объекта *a-* и превербом *-n-* в форме *a-n-ḫawit*), *ta-ḫawit* (с префиксом *ta-*, ср. выше об этом префиксе в других формах), их семантиче-

---

[29] *N. Oettinger.* Die Stammbildung des hethitischen Verbums (Erlanger Beiträge zur Sprach- und Kunstwissenschaft. Bd. 64). Nürnberg, 1979. S. 245 (значение не указано, намечена только связь форм).

[30] *В. В. Иванов.* Разыскания в области анатолийского языкознания // Этимология 1976. М., 1978. С. 160—161.

ская интерпретация как ‘быть подобным яблоне, приносящей яблоки’ может быть поддержана и вычленением префикса *-ḫa-* (ср. обычное *-ḫa-* как именной и глагольный префикс), благодаря чему *-ḫa-wit* оказывается сопоставимым с хатт. [*š*]*a-a-wa-at*(*-ma*) ‘яблоня’, соответствующим идеограмме ḪASḪUR в билингве KUB XXVIII 6 Vs. 10a—b; обломки того же слова можно предположить в хатт. *-ti-i*, соответствующем хетт. ^{GIŠ}ḪASḪUR в поврежденной билингве KUB XXVIII Vs. 2a—b, где следующая хеттская строка 3b содержит форму ^{GIŠ}*ša-ma-lu-ú-*[*wa*] ‘яблоко, яблоня’, тогда как остаток последнего знака *-ḫu* хаттской строки 3a позволяет только предполагать возможность наличия суффиксального показателя, присоединенного к хаттской основе *-wat-* / *-wit-* ‘яблоко, яблоня’, ‘быть подобным яблоку’; вероятно сопоставление с такими формами, восходящими к общедагестанскому, как авар. *weč* ‘яблоко’, лакск. *hiwč*, табас. *weč*, хиналуг. *meč*[31], но при этом возможно, что сопоставление с хаттским потребует внесения исправлений в предлагавшиеся ранее реконструкции.

8. Хатт. *wašḫab-ma* ‘богами’. Хаттский текст ритуала KUB II 2+ начинается фразой, позволяющей определить его мифологический фон: *wa$_a$-aš-ḫa-ab-ma eš-wu$_u$-ur aš-ka-aḫ-ḫi-ir šu-ú-wa$_a$*. Согласно хеттскому переводу фраза означает: DINGIR^{MEŠ} KUR^{MEŠ} *ma-ni-ya-aḫ-ḫi-ir da-a-ir-ma-at* ‘Боги страны роздали для управления, и это (или эти) они установили’. Первая конструкция содержит хаттское название бога в форме с классным показателем *wa-* (писавшимся посредством особого знака «полуалфавитного» типа[32], встречающегося только в хаттских и хурритских, но не в хеттских текстах богазкёйского архива и означающего, скорее всего, спирант типа /*v*/). Этот показатель мог, как и в ряде восточно-кавказских языков, означать ед. ч. I класса и мн. ч. того же класса. В данной фразе согласно хеттскому переводу его надо понимать во второй функции. Наличие соответствия хатт. *wašḫab* в абхазо-адыгских языках (адыгейск. *уашхъо* ‘небесный свод’, кабард. *уащхъуэ* ‘вышина неба, небесная синева’, убых. *wašx^{o}a* ‘гром и молния, бог’, в том числе в архаических заклятиях, находящих параллель и в абхазо-абазинском: абхаз. *Уашхо* и т. п.) обратило на себя внимание еще на первых порах изучения хаттского языка и тем не менее было позднее отвергнуто по существу только из-за наличия народной этимологии у соответствующего адыгейского слова[33] (ср. *уашъор шхъуантIэ* ‘небо голубое’, но это прилагательное в адыг-

---

[31] *Б. К. Гигинейшвили.* Указ. соч. С. 72, 91.

[32] Знак представляет собой сочетание обозначения *w* (непосредственно предшествующего и по форме, и по функции соответствующей «букве» угаритского клинописного алфавита) с последующим проясняющим знаком для гласного *a*.

[33] *А. Камменхубер.* Хаттский язык // Древние языки Малой Азии. М., 1980. С. 36 (там же история вопроса изучения связей хаттского с северо-западнокавказским). —

ском означало ‘зеленый, серый’: *шхъонтIагъ* ‘зеленый, серый’, *шхъонтIашъу* ‘зеленоватый, сероватый’, кабард. *шхъуэ* ‘серый, стальной’, *шхъуантIэ* ‘зеленый’). Наличие префикса *wa-* в хаттском слове не только не противоречит хаттской этимологии, а позволяет ее поддержать, т. к. дает возможность установить гипотетическую связь приведенных абхазо-адыгских названий ‘неба’, ‘бога’ и хатт. *wa-šḫab/w* с праадыгским **ṣx̌ᵒa* ‘волшебство’ [34] (адыгейск. *ушъухьаныгъ* ‘волшебство, колдовство’, *ушъухьэ* ‘волшебный’, *ушхъухьан* ‘колдовать’, *шхъо епхын* ‘отравить’, кабард. *шхъуэ* ‘отрава, яд’, ср. убых. (из адыгейск. [35]) *šxᵒawə́* ‘колдовство’, *šxᵒax-* ‘околдовывать’ : *asšxᵒáxən* ‘я его околдовываю’). Хатт. *-ab/w-* может соответствовать убых. *-aw-* и лабиализации в праадыгском. Восстанавливаемое на основе этих соответствий абхаз.-адыг. **šx-* [36] сопоставимо с хатт. *eš-tan* ‘Бог солнечного неба’ (сложное слово?) и с вост.-кавк. **(h)Vs-* (цезск., хварш., гинух. *as* ‘туча, туман, дождь, небо’, бежт., гунзиб. *has*, хурр. *eše*, урарт. *ešə* ‘небо’ [37]) и кетск. *eş* ‘небо, бог’ (котт. *êş* ‘небо, бог’), *êsxai* ‘облако’ (объяснение из сложения с названием горного хребта является народной этимологией). Значение последнего енисейского слова заставляет допустить и древность ст.-адыгейск. *схыIе* ‘град’, *вуôшхе* ‘дождь’ [38], адыгейск. *ощхы* ‘дождь’, кабард. *уэ-шх* ‘дождь’, убых. *-šˊχ* в *tᵒá-šˊχ* ‘град’, где в первой части возможно соответствие хатт. *tu-mil/n* ‘град’ (деление предлагается на основе этой этимологии и наличия морфы *-mil-* в имени бога Грозы *Ḫaša-mil-*).

Название *wa-šḫab* ‘боги’ засвидетельствовано в нескольких падежных формах, в частности, в форме *ḫa-wa-šḫaw-i* ‘среди богов’ (ср. о *ḫa-* выше: *ḫa-wit*), в текстах, обозначающих наименование на языке богов (хетт. DINGIR^{MEŠ}*-naš ištarna*, ср. точное типологическое соответствие в айн. *камуj-amma* ‘среди богов’ в контексте, где речь идет о языке богов). В разбираемом хаттском тексте строительного обряда использована форма *wa-šḫab-ma*, играющая роль эргатива, непосредственно сопоставимого с адыгским эргати-

---

За той гиперкритической точкой зрения, которую вслед за Деетерсом принимала А. Камменхубер, последовали Г. А. Климов и А. К. Шагиров (в его этимологическом словаре адыгских языков, там же см. библиографию спорных этимологий адыгских слов, которая здесь опущена для экономии места).

[34] *A. H. Kuipers.* A dictionary of Proto-Circassian roots. Lisse (Netherlands): The Peter de Ridder Press, 1975. № 76.

[35] *G. Dumézil.* Op. cit. P. 244.

[36] К соответствиям и реконструкции здесь и далее см.: *С. А. Старостин.* Указ. соч. С. 96—101.

[37] *И. М. Дьяконов.* Указ. соч. С. 31 (соответствие 10).

[38] *Л. Люлье.* Словарь русско-черкесский или адыгский. Одесса, 1846. С. 47 (помета ст.-адыгейск. в тексте далее отсылает к этому источнику).

вом на *-м* в сочетаниях типа адыгейск. *тхьэм ыIуаъэр* ‘бог сказал’ (= ’богом сказано’)[39]. Однако нельзя исключить того, что адыгский эргатив на *-м*[40] и хаттские формы на *-ma* не исходно родственны друг другу именно как падежные, а возникли в результате параллельного развития однотипных сочетаний с постпозитивным указательным местоимением типа кабард. *мы/о*, адыгейск. *мы*.

Наличие такого указательного местоимения в хаттском доказывается билингвой-заклятием, в которой хатт. [*i*]-*ma-le-n zar-du* переведено хетт. *kel* UDU-*un* ZI.ŠU[41] ‘(этой овцы) мясо’. В этом сочетании хатт. *le* ‘мясо’ (с окончанием объекта *-n*, ср. убых *-n* и следы падежа на *-n* в абхазо-абазинском и падеж на *-n* в восточнокавказском) соответствует адыгейск. *лы* ‘мясо’, кабард. *лы* (сван. *le/aγw-* ‘мясо’ — древнее заимствование из производной основы типа адыгейск. *лыгъо* в *лыгъо-лыбжь* ‘мясные блюда’, *лыгъ-эъугъ* ‘сушеное мясо’, кабард. *лыгъэгъуа*, ср. также чечен. *лахьа* ‘мясозаготовки’, *лахьа-нан* ‘мясной’ и т. п.), убых. *γ́a*, абхаз. *жэы* (при латеральном геминированном абруптивном аффрикативном и префиксе *r-* в дагестанском: авар. диал. *ри-тлIъи*, андийск. *рикьи*, цезск. *релI*, лакск. *дикI*, лезг. *йак*, удин. *экъ*, хиналуг. *лыкк*). Хатт. *zar-* ‘овца’ (с суффиксом род. пад. *-du*, ср. выше о *-yah-du*, параллели обнаруживаются в восточнокавказском, енисейском и других родственных языках) принадлежит к группе слов, имеющих наиболее четкие

---

[39] *Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхамар.* Грамматика адыгейского литературного языка. М.; Л., 1951. С. 452.

[40] Грузинский повествовательный падеж на *-ma*, охарактеризованный еще Ф. Мюллером как «определенный номинатив» (ср.: *Г. А. Климов, М. Е. Алексеев.* Типология кавказских языков. М., 1980. С. 101 и сл.), может восходить к ностратическому показателю определенности **-m(a)*, в части западноностратических языков (в частности, в семитском) получившему именно значение определенного надежа (в том числе именительного: семит. **-um*, и.-е. им.-вин. п. ср. р. **-om*): *В. В. Иванов.* Сравнительно-исторический анализ категории определенности-неопределенности в славянских, балтийских и древнебалканских языках в свете индоевропеистики и ностратики // Категория определенности-неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 11—18. В этом случае прямой связи с северо-западнокавказскими и хаттскими формами ожидать нельзя. Сван. *-ет* как падежный показатель, аналогичный груз. *-ma(n)*, может либо иметь общее с ним происхождение (и в таком случае возводится к той же ностратической праформе, ср. сван. *eǯn-ет* ‘он’ и груз. диал. *e-ma-* при монг. *i-ma-da* ‘ему’ и *-m-* в косвенных падежах индоевропейских местоимений), либо быть одним из ранних результатов свано-абхазо-адыгского языкового контакта (не исключено и то, что унаследованное **-m* в сванском могло видоизмениться под влиянием сходной функции адыг. **-m*).

[41] *E. Laroche.* Une conjuration bilingue hatti-hittite // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. November. 1950. Bd. I. H. 2. P. 175.

соответствия в нахском: чечен. *уъстагI(ий)* ‘овца’ (при согласовании по III классу: *уъстаг бахара* ‘овца пошла’) фонетически соотносится с хатт. *zar-* ‘овца’ с префиксом III класса *wa$_a$* *wa$_a$-za-ri-el*[42] и абхаз. (*а-*)*уаса* ‘овца’ (ср. отражение древнего классного показателя в абхаз. *у-* в *уашхъо* согласно изложенному выше) точно так же, как чечен. *стаг* ‘человек’ (согласование по I классу: *стаг вахара* ‘человек пошел’, *в-оккха стаг* ‘большой-старый человек’) — с хатт. *zari* ‘человек, люди’ с префиксом (ед. и мн. ч.) I класса *wa$_a$-zari* (ср., в частности, *wa$_a$-zari-un* ‘человечества’ в том же контексте, что и *wa$_a$-šḫaw-un* ‘богов’), ср. арчин. *bo-šor* ‘мужи’ (I класс). Выделение классного показателя **b-* в дагестанском названии ‘овцы’, сопоставимом с хатт. *wa$_a$-zar*, допускал еще Н. С. Трубецкой: «aŋ Plur. *ruc̣u* (wo *-r* das Klassenelement der “Genus plurale” ist) “Schafe” ∽ bag. *bec̣ur*, tindi *boc̣ar*, čam. *boc̣aλdã* (wo *b-* das Klassenelement des “Genus singulare neutrum” ist) “Schaf”»[43]. Сходство начального и конечного элементов лезг., хиналуг. *вукьар*, агул. *укьар*, крыз. *викьер*, будух. *викьер* ‘овца’ с разбираемыми словами представляется весьма вероятным. Для восстановления исходного фонетического облика слова значительный интерес может представлять древнее армянское заимствование *wočxar* овца (где анлаут указывает на связь с северокавказским) при груз. *cxwar*, мегрел. *šxur*, чан. (*m*)*čxir*, *mcxur-*, *mškur-* (разнообразие рефлексов может говорить о заимствовании). Сочетание *ma-le-* в приведенной билингве тождественно адыгейск. *мɔ̀ лы-р* ‘вот то мясо’, *мы̀ лы-р* ‘это мясо’[44]. Указательное местоимение *мы/о-* в адыгском имеет соответствия в восточнокавказском и хурритском (*ma* ‘ille’ по Ларошу)[45]. При положении этого элемента в постпозиции образуется (как в адыгском и хаттском, так и в восточнокавказском) эргатив. В качестве типологической параллели можно напомнить давно намеченную Шухардтом[46] интерпретацию индоевропейского «эргативного» («активного») падежа на **-s* (позднее ставшего именительным падежом единственного числа и родительным падежом в тематическом типе

---

[42] *А. Камменхубер.* Указ. соч. С. 59, 84.

[43] *N. Trubetzkoy.* Studien auf dem Gebiete der vergleichenden Lautlehre der nordkaukasischen Sprachen // Caucasica. 1926. Fasc. 3. S. 21.

[44] Ср. об ударении: *Н. Ф. Яковлев, Д. Ашхамаф.* Указ. соч. С. 290.

[45] Фонетически сходный элемент есть и в картвельском, но он может иметь ностратическую этимологию: *В. М. Иллич-Свитыч.* Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь (*l—ʒ́*). М., 1976. С. 70. В конечном счете именно местоименные элементы могут иметь наибольшую древность, допускающую сравнение праязыков макросемей, типа ностратической и северо-кавказской, но этот глоттогонический аспект в настоящее время предпочтительно еще не рассматривать до завершения предварительной работы над реконструкцией отдельных праязыков.

[46] *Г. Шухардт.* Избранные статьи по языкознанию. М., 1950. С. 252.

*-*o*-). Еще Шухардт обратил внимание на то, что активный падеж указывает на нечто новое (в том же смысле, в каком о «новом» — реме говорят в лингвистике текста и в теории актуального членения) и поэтому может иметь при себе местоимение (тип *Der Váter-er ruft*). Соответственно индоевропейский активный падеж на *-*o-s* может быть возведен к указательному местоимению *-*s*(*o*), хеттское *-aš*. Правильность такой интерпретации подтверждается типологическим сопоставлением с северо-западнокавказским, где эргативный падеж на **m* в адыгском (как и родственные формы эргатива на *-m* в восточнокавказском) бесспорно восходит к сочетанию основы с постпозитивным указательным местоимением **mə* / **ma*. В настоящее время это представляется возможным благодаря сравнению современных адыгских языков с родственным им хатти, где представлены и формы с постпозитивным *-ma* после имени в функции эргатива: *u̯a*$_a$*-aš-ḫa-ab-ma* 'seitens der Götter' «tritt in die Rolle eines Agens»[47], и формы с препозитивным указательным местоимением типа (*i*)*-ma-al-li-en* 'ему, для него (*i*-, северо-западнокавказский префикс объекта) это мясо'. Если в адыгском и хаттском новое (рема) выражено не препозицией *-*m*- в эргативной конструкции, а глаголом (без локальных превербов), то обычна конструкция с препозитивным *m*(*e*)- (явно того же местоименного происхождения[48]): зап.-черкес. *ṡ*^{o}*əzər me-tḥač''e* 'женщина моет', хатт. *titaḫ-zilat ma-zilat*[49] 'Великий престол (хатт. *zilat*, ср. этр. *zilaθ*) стоит'. Типологическое сопоставление с такими северо-западнокавказскими (и родственными хаттскими) конструкциями позволяет считать, что индоевропейские конструкции типа **so* + глагол (безударный) были их типологическим аналогом в такой же мере, как и конструкции с эргативом на *s* в индоевропейском были типологической параллелью адыгским и хаттским эргативным конструкциям.

Иначе говоря, с точки зрения соотношения темы и ремы (данного и нового) положение указательного местоименного элемента можно описать следующим образом. Если выделяется в качестве нового эргативная конструкция имени, то за именем следует (диахронически) указательное местоимение: *wašḫab-ma*; позднее из такой конструкции возникает эргативный падеж. Не представляется возможным определить в точности, были ли хаттские формы

[47] *H.-S. Schuster*. Die ḫattisch-hethitische Bilinguen. T. I. Leiden, 1974. S. 106. § 1, 4, 732; к сожалению, автор не обратил внимания на роль *-ma* в этой конструкции.

[48] *G. Dumézil*. Le verbe oubykh. Études descriptives et comparatives // Mémoires de l'Academie des inscriptions et belles-lettres. Nouvelle serie. T. I. Paris, 1975.

[49] Текст согласно копии разбираемого ритуала (Шустером не учтенной) KBo XIX 162 (936/Z) Vs. 5—6 *te-et-ta*[*ḫ-zi-la-at*]*ma-zi-la-a-at*, реконструкция согласно *V. Haas*. [Рец. на кн.] *H.-S. Schuster*. Die ḫattisch-hethitischen Bilingueu // Wiener Zeitschrilt fur die Kunle des Morgenlandes. Bd. 68. Wien, 1976. S. 206.

на *-ma* (особенно часто встречающиеся в текстах без хеттских переводов, где интерпретация затруднена) уже падежными формами (как адыгские) или еще сочетаниями с постпозитивным местоименным элементом. Косвенным аргументом в пользу первого истолкования можно было бы считать эргативообразное использование форм на **-nt-* в хеттском, в чем можно было бы видеть след древнего хаттского субстрата. Если в качестве нового — ремы в неэргативной конструкции выделяется не имя, а глагол, то ему предшествует тот же местоименный элемент: адыгейск. *ма-джэ* ‘кричит’ (вторичность залоговых употреблений этого префикса была предположена еще Н. Ф. Яковлевым).

С эргативной конструкцией в данном хаттском предложении связана глагольная форма *aš-ka-aḫ-ḫi-ir*. Гипотеза о соотнесении хаттского именно с (прото)адыгским, соответствующая приведенным соображениям об эргативе (и возможно объясняемая не столько специальными диалектными связями адыгского с хаттским, сколько архаичностью обеих этих ветвей северо-западнокавказского, ср. приведенные выше формы с сохранением латеральности начального хатт. *le-*, адыгейск. *лы-* ‘мясо’ и т. п.), позволяет предположить, что хатт. *-ḫḫi-* (при обычном для хетт. и хатт. графики употреблении *-i-* для гласного переднего ряда типа [*e*] закрытого) функционально соответствует адыгейск. *-хэ-* как суффиксальному показателю мн. ч. объекта 3 л. в глаголе. В таком случае и конечное *-r* легко было бы интерпретировать по аналогии с адыгскими формами, имеющими этот конечный суффикс. Корнем следует признать *-ka-*, имеющее точное соответствие в убых. *-ḳa-* ‘давать’ при мн. ч. объекта. Начальное *-a-* в *a-š-ka-ḫḫi-r* следует, судя по роли начального *a-* в абхазо-адыгских глагольных формах, признать возможным показателем объекта (тогда отличие от современного адыгского состояло бы в одновременном выражении объекта в префиксе *-a-* и числа объекта в суффиксе *-ḫi-*). Наиболее спорной остается интерпретация *-š-* в этой форме. Судя по другим хаттским формам, соотнесение с глагольными корнями, предполагавшее бы сочетание корней или деривационных морфем (ср. убых. *š′-* ‘делить’ с последующим *-ḳa-* как суффиксом и т. п.), не кажется вероятным. Очень гадательно можно было бы предположить на основании функции **s-* как префикса 1 л. ед. ч. в абхазо-адыгском отнесение *š-* к 1 л. (царя), что соответствовало бы текстам хеттских молитв и обрядов, где царь в аналогичных случаях говорит о себе в 1 л. (ср. 1 л. мн. ч. в хеттском пересказе аналогичной хаттской глагольной формы).

Представляется вероятным, что *-s-* в *a-š-ka-ḫḫi-r* должно быть соотнесено с (*e*)*š-* в объекте *eš-wur* в анализируемой эргативной конструкции. В хаттском основой существительного является *-wur* ‘страна, земля’, соотносимое с хурр. *ḫaw*(*u*)*ri* ‘земля’ [50] и, по-видимому, восходящее к обще«северо»кавказскому [51]

---

[50] *V. Haas.* Op. cit. S. 203.

лексическому слою в хаттском и хурритском. Однако остается не вполне ясным, насколько этот термин сохранился в современных западно-кавказских языках (фонетически сравнение с протоадыгским **xak'ºə* ‘страна, область’ остается весьма проблематичным, т. к. неясна судьба **-k'º-* при хатт. *-w-*), как и в языках восточнокавказских (ср., однако, арчин. *xlor* ‘селение’ при соответствиях со значениями ‘село, поле’ в дагестанских).

1983

Постскриптум

Дальнейшее уточнение хаттских этимологий: *Вяч. Вс. Иванов*. Об отношении хаттского языка к северо-западнокавказским. Древняя Анатолия. М., 1985. С. 26—59.

Распределение значений в тохарских прилагательных со значением ‘левый’ и ‘правый’, возможно, обратное по сравнению с тем, которое ранее принималось.

Фонетическое соответствие хурритскому сочетанию *-nd-* в северокавказском подробно разобрано в статье: *Ivanov V. V.* Hurrian *endan* “King” and the origin of Hurrian *-nd-* (nasal + dental stop) // История и языки Древнего Востока. Памяти И. М. Дьяконова. Orientalia. СПб., 2002. С. 92—101.

Значение ‘левый’ и ‘правый’ в тохарском по Винтеру распределены обратным образом, что исключает возможность сравнения с лувийским, но при этом делает возможным сопоставление с маньчжурским словом.

Для этимологии 3 может представить интерес предложенное в последнее время сопоставление и.-е. **tel-* как название ‘молодого животного’ с картвельским названием ‘поросенка’ (см. постскриптум с последней статье настоящего тома).

Хурр. *eše* и его урартское соответствие имеют значение ‘земля’, соответственно значению ‘небо’ (*С. А. Старостин.* Труды по языкознанию. М., 2007. С. 631, 13, там же об этимологии).

---

[51] Условность термина «северо»кавказский применительно к хаттскому (распространенному в III тыс. до н. э. в северной части Малой Азии) и хурритскому, уже на рубеже III и II тыс. до н. э. (если не много ранее) взаимодействовавшему с лувийским на юго-востоке и юго-западе Малой Азии, а также и применительно к этрусскому (см. выше) представляется очевидной, тем более что еще Услар предположил южный путь миграции носителей абхазо-адыгских языков (согласующийся и с бытующими у них до сих пор преданиями).

УРАРТСК. *MARI*, ХУРРИТСК. *MARIANNE*, ХАЙАССК. *MARIJA-**

В изданном И. М. Дьяконовым урартском тексте, перечисляющем состав людей царского хозяйства, упомянуто 1113 людей *mari*: I LIM I ME XIII ^{LÚ}*ma-re-ji*[1]. И. М. Дьяконов в своем переводе текста предложил перевод ‘знатных’[2], основываясь на сопоставлении с хурритским *marianne*, обычно переводившимся ‘знатный’, и на том, что урартский список людей царского храмового хозяйства начинается с людей *mari*[3]. Соответственно урартское прилагательное $^{[L]Û}$*ma-ri-ḫe* в другом, сильно поврежденном урартском тексте И. М. Дьяконовым интерпретировалось как притяжательное прилагательное к ^{LÚ}*mari* ‘знатный’[4]. Гипотеза И. М. Дьяконова о связи урарт. *mari* с хуррит. *marianne* представляется исключительно плодотворной. Но для более узкого определения вероятного значения *mari* собственно в урартском следует обратить внимание на соотношения терминов внутри упомянутого документа, перечисляющего людей царского хозяйства. В этом тексте вначале следуют одна за другой две наиболее многочисленные категории перечисляемых людей — 1113 людей *mari* и 3784 евнуха, за которыми следуют другие категории лиц — обычные воины и рабочие[5]. Противопоставление людей *mari* ‘знат-

---

* Издано: Переднеазиатский сборник III. М., 1978. С. 101—112.

[1] *И. М. Дьяконов.* Урартские письма и документы. М., 1963. С. 39. № 12, стк. 9; написание *ma-re*-GI толкуется как *ma-re*-(*j*)*i*.

[2] Там же. Ср. : *I. M. Diakonoff.* Die Arier im Vorderen Orient: Ende eines Mythos // Orientalia. Vol. 41. Fasc. 1. 1972. S. 115.

[3] *И. М. Дьяконов.* Урартские письма и документы. С. 81, 89; ср.: *Г. А. Меликишвили.* Урартские клинообразные надписи // ВДИ. 1971. № 3. С. 231; № 4. С. 286.

[4] *И. М. Дьяконов.* Урартские письма и документы. С. 85.

[5] Там же. С. 39, 81. Общесоциологический интерес в этом случае, как и в других типологически с ним сходных в странах Древнего Востока и Мусульманского Восто-

ных' и евнухов едва ли семантически можно считать понятным, тогда как оппозиция типа 'молодой мужчина (из знатных) в возрасте после совершеннолетия' — 'евнух' кажется вполне оправданной. Если верно предположенное И. М. Дьяконовым определение одной из двух подгрупп внутри урартских *mari — tardašḫe* (значение неясно) и *kirine* (по И. М. Дьяконову, 'чашники', 'чашеносцы', ср. урартск. *kiri* 'чаша', гетерограмму SIL. ŠU. DU_6, шумерск. *sagi* 'чашеносец' = 'приближенный', 'личный слуга' [6]), то значение 'молодой человек' во всяком случае не исключает значения 'чашеносец' у подгруппы группы (знатных) молодых людей.

Это же значение '(знатный) молодой мужчина' кажется подходящим и для истолкования до сих пор остающегося неясным термина *Marja-*, встречающегося с детерминативом мужского собственного имени в государственном договоре между хеттским царем Суппилулиумасом и правителем Хайасы Хуккана. Как уже отмечалось в научной литературе, в этом государственном договоре имя ^{I}*Marja-* встречается в трех его разделах (всего четыре раза). Первый раз оно упомянуто в повествовании о *Marja*, сочиненном в духе характерного еще для более ранней хеттской литературы (в частности, для древнехеттской дворцовой хроники или «книги анекдотов») назидательного рассказа о покаранном придворном:

nu-za ki-i *ŠA* É.GAL^{LIM} [*A.*]*WA.AT* SAL me-ik-ki a-ru-ma-uš-g[(a-aḫ-ḫu-ut)] ^{I}Ma-ri-ja-aš ku-iš e-eš-ta na-aš-ku-e-da-ni u-d[a-ni-i še-ir BA.UG_6 *Ú.UL* SAL. SUḪUR.LAL i-ja-at-ta-at a-pa-a-ša-an-kán an-da a-uš-zi *A.BI* ^{d}UTU^{ŠI}-ma-kán im-ma ^{GIŠ}AB-az ar-ḫa a-uš-zi na-an-kán *IṢ.BAT* zi-ik-wa-kán a-pu-u-un an-da ku-wa-at a-uš-ta na-aš a-pi-e-da-ni ud-da-ni-i še-ir BA.UG_6, nu ku-e-da-ni ud-da-ni-ja še-ir an-tu-uḫ-ša-aš ḫar-ak-ta nu-za zi-ik-ka [me-ik-ki uš-ga-aḫ-ḫu-ut] 'и ради своей пользы будь в высшей степени осмотрителен ⟨во всех случаях, подобных⟩

ка (ср. число евнухов при дворе, доходившее до 14 тыс.: *А. Мец.* Мусульманский Ренессанс. М., 1973. С. 129), могло бы представить возможное объяснение значительного относительного числа евнухов (3784 из общего числа 5507 человек, названных в документе), что едва ли выводится только из сакрального характера популяции при храме; возможны и косвенно действующие (хотя бы и через сакральные ограничения) факторы демографического характера, искусственно сдерживавшие рост населения (ср. роль демографических факторов в тех кризисах голода, которыми в большей степени определился крах Хеттского царства, и т. п.).

[6] *И. М. Дьяконов.* Урартские письма и документы. С. 81 и примеч. 134; *Г. А. Меликишвили.* Урартские клинообразные надписи // ВДИ. 1971. № 4. С. 286 (под вопросом). Ввиду того, что контекст, в котором употребляется урартское *mariaḫini*, гипотетически сближаемое с человеком *mari*, если не с *mari* «укрепление» (*Н. В. Арутюнян.* Новые урартские надписи Кармир-Блура. Ереван, 1966. С. 100), остается неясным (см.: Там же. С. 24, 39, 41; *Г. А. Меликишвили.* Там же. С. 267—268, 286), приходится оставить это свидетельство без рассмотрения.

этому рассказу о дворцовой женщине. Кто был [1]*Marijaš*, который погиб из-за следующего дела? Разве не проходила мимо иеродула? А он на нее заглядел-ся. Отец же Солнца (царя, т. е. Суппилулиумаса. — *В. И.*) выглянул как раз из окна ⟨и увидел это⟩. И он его схватил⟨, сказав:⟩ «Почему, мол, ты на нее по-смотрел?» И тот погиб из-за этого дела. ⟨Так⟩ ты будь [очень осмотрителен] относительно дела, из-за которого погиб человек' (KBo V 59,III 51— 58[7]). Существенными представляются два обстоятельства. Во-первых, в конце приведенного отрывка хет. *antuḫšaš* 'человек' является соответствием того слова — быть может, нарицательного, а не собственного имени существи-тельного, которое на языке Хайасы могло звучать *Marijaš* (если знак детер-минатива мужского собственного имени употреблен здесь и в других цити-руемых ниже местах не в совсем обычном смысле). Во-вторых, этот отрывок следует за разделом[8], в котором излагаются запреты каких бы то ни было по-сягательств правителя Хайасы в отношении женщин из Хаттусаса. В таком же контексте употреблено имя существительное [1]*Marijaš* в следующем разде-ле договора: *A.NA*. [1]Ma-ri-ja-kán DUMU. SAL.*KA* ar-ḫa da-a na-an ŠEŠ-ni pa-a-i (III, 65—66) 'и возьми свою дочь прочь от [1]*Marija-* и отдай ее брату'[9]. Един-ственное естественное толкование этого места возможно в случае, если [1]*Mari-jaš* здесь — передача хайасского нарицательного, означающего 'молодой чело-век такого класса, в брак с членами которого могли вступать дочери правителя'. Из этого же государственного договора видно, что в Хайасе практиковался брак между братьями и сестрами внутри царского рода[10], что соответствует кровосмесительным бракам, обнаруживаемым в качестве предельной формы эндогамии высшего социального ранга (при эндогамии других рангов) в та-ких обществах, как древнеегипетское, где «фараон считался законным обла-дателем престола только в том случае, если он был женат на той царевне или царице, которая являлась представительницей древней линии цариц-наслед-ниц. Преимущественное же право на брак с такой наследницей (а следова-

---

[7] Цитируется по изданию: *J. Friedrich.* Hethitische Keilschrift-Lesebuch. T. I. Hei-delberg, I960, S. 17.

[8] Этот раздел здесь опущен, так как он дан в русском переводе в кн.: *И. М. Дья-конов.* Предыстория армянского народа. Ереван, 1968. С. 91. См. также немецкий пе-ревод: *J. Friedrich.* Staatsverträge des Hatti Reiches. T. 2 // MVAG. 34. 1. 1930. S. 103 und volgende (ср. в комментарии к переводу Фридриха существенные замечания о термине *Marija-*).

[9] Таково буквальное толкование текста; о других возможных интерпретациях ср.: *И. М. Дьяконов.* Предыстория армянского народа. С. 92.

[10] Новейший перевод соответствующих мест договора см.: *E. von Schuler.* Die Kaškäer. Ein Beitrag zur Ethnographie des alten Kleinasien. Berlin, 1965 (Ergänzungbände zur «Zeitschrift für Assyriologie». N. F. 3).

тельно, на обладание престолом в будущем) из всех сыновей царя в первую очередь имел сын главной жены-наследницы, который женился, таким образом, на своей единокровной и единоутробной сестре» [11]. Точно таким же образом объясняется аналогичное установление в древнем Перу, культура которого «с полным правом может быть сопоставлена с обществами Древнего Востока, в особенности с Древним Царством Египта» [12]: когда «возникло стремление задержать должность правящего инки в пределах одной фратрии (Ханан), инки ввели обычай брака с собственной сестрой и таким образом закрепили должность за своей фратрией и своими сыновьями» [13]. Так же и на Гавайях кровосмесительные браки (pi'o), в частности браки брата и сестры [14] у высшей знати, служили для повышения ранга первенца [15]. Во всех этих случаях и других, им подобных, кровосмесительный брак при наличии социальных рангов служит пределом изоляции высшего ранга [16]. Давно уже высказывалась мысль о том, что позднейшая кара — смертная казнь за такой брак у хеттов в Новом царстве — позволяет предположить его наличие в древности [17]. Действительно, в среднехеттскую эпоху царица Асмуникал была одно-

---

[11] *М. Э. Матье.* Из истории семьи и рода в древнем Египте // ВДИ. 1954. № 3. С. 56. Ср. об аналогичном обычае в древней Мономотапе: *Л. А. Фадеев.* Мономотапа. Древняя африканская цивилизация в междуречье Замбези — Лимпопо // Африканский этнографический сборник. IV. История, этнография, языкознание. М.; Л., 1962. С. 79. Из других африканских параллелей можно указать также на инцест разнополых близнецов, носивших царские имена, у куаньямо амбо: *E. M. Loeb.* The Twin Cult in the Old and New World // Miscellanea Paul Rivet Octogenario Dicata, XXXI Congreso International de Americanistas. I. México, 1958. P. 162.

[12] *А. М. Золотарев.* Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 186.

[13] Там же. С. 192.

[14] The legend and myth of Hawaii by his Hawaiian majesty Kalakaua / Ed. by R. M. Daggett. New York, 1888. P. 53; *A. Fornander.* An account of the Polynesian race. Vol. 2. London, 1880. P. 113, 126—127, 310; Kelepino's traditions of Hawaii / Ed. by M. W. Beckwith // Bishop Museum Bulletin. 95. Honolulu, 1932. P. 10—13, 124—128, 130—143, 195—198; *M. W. Beckwith.* Hawaiian mythology. New Haven, 1940. P. 376—378; *D. Male.* Hawaiian antiquities. 2 ed. Honolulu, 1951. P. 54—55; *M. Kamakau.* Ka Po'e Kahiko, The people of old. Honolulu, 1964. P. 7—8.

[15] *W. Davenport.* The «Hawaiian cultural revolution», some political and economic considerations // American anthropologist. Vol. 71. 1969. № 1. P. 7. Известия этого же характера, сообщаемые в старояпонских источниках, в последнее время оживленно обсуждаются в японоведческой литературе.

[16] См. об этом в связи с кандийским царством на Цейлоне, где в поздний период отмечался такой обычай: *N. Yalman.* Under the Bo Tree. Berkeley; Los Angeles, 1967. P. 349—350.

[17] *Г. Капанцян.* Историко-лингвистические работы. Ереван, 1956. С. 118. Там же см. о древнеармянской параллели к царским кровосмесительным бракам; сопостав-

временно и сестрой, и женой царя [18]. Возможно, именно наличием в древности подобного установления объясняется то, что в цитированном государственном договоре хеттская сторона отчетливо формулирует само это установление у правителя Хайасы и его невозможность у хеттов (II 28—34); *A.NA* KUR^{URU} Ḫa-at-ti-ma-kán ša-a-ak-la-iš du-uk-ka-ri ŠEŠ-*ŠU* NÍN-*ZU* ^{SAL}a-a-an-ni-in-ni-ja-mi-in *Ú.UL* da-a-i *Ú.UL*-at a-a-ra ku-iš-ma-at i-e-zi a-pi-ni-iš-šu-u-ḫ [a-an-na ut-tar na-aš ^{URU}Ḫa-at-tu-ši *Ú.UL* ḫu-u-iš-šu-u-iz-zi a-ki-pa [nu-uš-ša-an] šu-me-in-za-an KUR-e dam-pu-u-pí ku-it an-da-at za[-lu-ga-nu-]an-ta ŠEŠ-*SU*-za NÍN-*ŠU* ^{SAL}a-an-an-ni-in-ni-ja-mi-in da-aš-kán-zi ^{URU}Ḫa-at-tu-ši-ma-at *Ú.UL* a-a-ra ‘для страны хеттов обычай важен: брат сестру свою (или) двоюродную сестру не берет ⟨в жены⟩. Это не соответствует правильному закону [19]. Кто же это сде-

---

ление с Хайасой, однако, в данном случае остается чисто типологическим, так как в каждом из указанных обществ предполагается определенный уровень социальной организации, который едва ли выводим из культурной или этнической преемственности (возможной по отношению к Хайасе и Армении). Ср., однако, об ареале распространения подобных браков вокруг Малой Азии в связи с проблемой их наличия у хеттов: *Г. И. Довгяло.* К истории возникновения государства. Минск, 1968. С. 140—141, там же более ранняя литература; ср. о древнехеттском периоде также: *В. В. Иванов.* Интерпретация древнехеттского фрагмента 2 Bo TU 10β // IV сессия по древнему Востоку. М., 1968. С. 71—72; *O. R. Gurney.* Anatolia c. 1750—1600 B. C. // The Cambridge Ancient History. 3 ed. Vol. II. Pt. I. Cambridge, 1973. P. 236—237, 667—668 (со ссылкой на работу Г. И. Довгяло).

[18] *A. Kammenhuber.* Die Sprachstufen des Hethitischen // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. 83. H. 2. Göttingen, 1969. S. 262.

[19] Хет. *ara* родственно др.-инд. *ari-*, *ṛ-* (**er-*), в частности в *ṛ-ta* с тем же значением, что и *ara*, ср. подробно об этом корне: *В. В. Иванов.* Разыскания в области анатолийского языкознания. 2 // Этимология 1971. М., 1973; *Он же.* Происхождение семантического поля славянских слов, обозначающих дар и обмен // Славянское и балканское языкознание. Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975. Этот же термин по отношению к кровосмесительному браку братьев и сестер употреблен в древнехеттской повести о тридцати близнецах — сыновьях царицы Канеса (-Несы). Повесть может отражать общеиндоевропейский близнечный миф об инцесте близнецов (брата и сестры в индоиранской традиции, трех братьев-близнецов и сестры в древнеирландской традиции, см.: *G. Dumézil.* Mythe et épopée. Types épiques indo-européens: un héros, un sorcier, un roi. Paris, 1971. P. 346 et suiv.). В ней рассказывается, как тридцать братьев, брошенных после рождения в горшках в реку (архаический обычай расправы с близнецами, ср.: *А. М. Золотарев.* Родовой строй и первобытная мифология, ср. мотив сына, брошенного в море, известный из античной литературы), вернулись в родной город, но мать их не узнала и дала им в жены тридцать их сестер. Последний из братьев сказал: «Не будем мы брать в жены своих сестер. Вы не совершите такого проступка. Это не по нашему закону (ara)», см.: *H. Otten.* Eine althethitische Erzählung um die Stadt Zalpa // Studien zu der Boğazköy-Texten. 17. Wiesbaden, 1973. В хеттском мифе, как и в преданиях и сказках многих других народов,

лает, подобное дело ⟨сотворит⟩ [20], тот в городе Хаттусасе не живет, его убивают. А ваша страна грубая. В ней обычно, что брат себе ⟨в жены⟩ сестру свою ⟨или⟩ двоюродную сестру берет. В городе же Хаттусасе это не соответствует правильному закону'. Ссылка на эти различия в законах Хайасы и Хаттусаса повторяется и в разделе, следующем за приведенным рассказом о гибели ^{I}*Marijaš* и предшествующем цитированному месту о передаче (дочери правителя) от ^{I}*Marijaš* к ее брату. Во всем контексте договора речь может идти о разрешении специфичных для Хайасы браков между братом и сестрой, но не между дочерью правителя и ^{I}*Marijaš*.

Для разъяснения значения последнего слова существенны и два других его упоминания в последнем разделе цитируемого текста. В отношении будущего времени хеттский царь дает обещание защищать 'вас, людей Хайасы, человека ^{I}*Marija-* и свойственников страны Хайасы' (IV 26—27): šu-me-eš LÚ^{MEŠ} ^{URU}Ḫa-ja-ša ^{I}Ma-ri-ja-an LU^{MEŠ} ga-e-ni-eš ŠA KUR URU Ḫa-ja-ša. Поскольку *gaena-* [21] означает свойственников-родственников по браку, естественно предположить, что между людьми Хайасы и всеми их свойственниками находится название потенциального мужа дочери — ближайшего родственника по браку. Это же предположение может быть использовано и для объяснения заключительных строк договора (IV 41—43): nu-uš-ša-an ara-mu-uk A.*NA* LÚ KUR ^{URU}Ḫa-ja-ša ^{I}Ma-ri-ja ^{URU}Ḫa-ja-ša-ja i-da-lu *Ú.UL* tág-ga-aš-ḫi 'и я не причиню зла человеку страны Хайасы и ⟨человеку⟩ ^{I}Marija города Хайасы' [22]. Как отметил И. М. Дьяконов, из текста с очевидностью вытекает,

---

младший (хет. *apezzijaš* «последний» = «младший») брат в отличие от старших (хет. *ḫantezzijaš* 'первый' = 'старший') играет роль героя, учреждающего социальный порядок. Наиболее близкой типологической аналогией является роль То Кабинана в меланезийском мифе; этот культурный герой во втором поколении вводит запрет на кровосмесительные браки между братьями и сестрами, которые в первом поколении осуществлялись после того, как мифологическая героиня родила культурных героев и первых женщин, см.: *Е. М. Мелетинский.* Герой волшебной сказки. М., 1958. С. 70 и сл.

[20] Эта часть текста опущена в указанных выше переводах И. Фридриха и И. М. Дьяконова, между тем — это отдельное предложение (именное), начинающееся энклитическим союзом *-a*: *apiniššuwan-a uttar* 'и подобное дело'.

[21] Хеттское *gaena-*, быть может, родственно лат. *gener* 'зять' с таким же *-n-* < **-m-*, ср. отсутствие конечного *-r* в авест. *zāmaoya*, афг. *zum* 'зять' при авест. *zāmātar*, др.-инд. *jamatar*; *E. Benveniste.* Vocabulaire des institutions indo-européenes. I: Economie, parenté, société. Paris, 1969. P. 256 (*Э. Бенвенист.* Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995. С. 175) (судя по греч. *γαμβρός*, прямо связано с корнем **gm̥ə* в названии 'брака', хотя вокализм, как и в хеттском *gaena-*, вызывает трудности).

[22] По близкому пути в интерпретации текста шел И. М. Дьяконов, но он считал это собственное имя принадлежностью соправителя Хайасы, который позднее стал правителем Хайасы, см.: *И. М. Дьяконов.* Предыстория армянского народа. С. 92, примеч. 43.

что ^{I}*Marijaš*, «по-видимому, рассматривается как возглавляющий свойственников Хайасы» [23]. А поскольку вместе с тем ^{I}*Marijaš* относится в одном и том же тексте к нескольким денотатам — к различным лицам и употребляется, следовательно, в обобщенном смысле, то естественно предположение, согласно которому речь идет о наименовании целого класса отличных от сиблингов родственников (высшего социального ранга) по браку, т. е. брачного класса, на представителях которого могли жениться дочери правителя (хотя предпочтение отдавалось их собственным братьям по отмеченной закономерности). Иначе говоря, при браках дочерей правителя Хайасы выбор мог делаться между братьями и людьми категории *Marija-*.

Выведенное из всех словоупотреблений в рассмотренном тексте предполагаемое значение хайасского собственного имени *Marija* согласуется и с предположенным выше употреблением *mari-* в урартском тексте.

Урартское слово обоснованно сближалось И. М. Дьяконовым с хурритск. *marjanni* = *mari-anne*, мн. ч. *mari-anna* (форма с суффигированным артиклем *-nni*, аккадизированное *-nnu* в *marjannu*), которое выступает в различных источниках [24] (из Египта, архивов Богазкея = Хаттусаса, Угарита, Алалаха) в качестве обозначения социального класса. На основании некоторых косвенных данных для этого слова принималось значение ʻвоины-колесничиеʼ, предполагавшееся и для его употреблений в угаритских текстах, но позднее для текстов из Угарита было определено более общее значение одного из высших социальных классов, представители которого получали от царя землю (а из царских конюшен и складов коней, повозки, оружие) и не включались в число общинников, а должны были нести службу, соответствующую их должности «при царе» (угаритск. *bnš mlk*, аккадск. *a:ad šarri*) [25].

Как и по отношению к другим обществам, где имеется система иерархических социальных рангов, представители которых получают земельные дарения в обмен на несение службы [26], название конкретного ранга может быть

Другое же упоминание Мариаса он считал относящимся к его родичу, см.: Там же. С. 91, примеч. 41. Последняя фраза может быть понята и как трехчленная, если сочетание ^{URU}*Ḫajaša* (за которым следует энклитический союз *-ja* ʻиʼ) не считать атрибутом к ^{I}*Marijaš*: ʻчеловеку страны Хайасы, человеку ^{I}*Marija-* и городу Хайасаʼ, но это менее вероятно.

[23] Там же. С. 92.

[24] *R. T. O'Callaghan.* New light on the *maryannu* as «chariot-warrior» // Jahrbuch für kleinasiatische Forschung. Bd. I. H. 3. Heidelberg, 1951. S. 309—324 (там же вся предшествующая литература). Следует отметить, что в ряде приводимых им текстов отмечается значительное число людей marryannu (на что обратил внимание еще Олбрайт), что могло бы представить интерес и для объяснения урартского контекста.

[25] *I. M. Diakonoff.* Die Arier im Vorderen Orient. S. 114, примеч. 91.

[26] К типологии таких систем ср.: *В. В. Иванов.* Бинарные структуры в семиотических системах // Системные исследования 1972. М., 1972. С. 229; ср. подход, исполь-

лишь символически связано с выполнением соответствующих ритуальных и социальных функций. До того как А. Камменхубер пришла к крайнему скепсису в своих работах о месопотамском арийском [27], она предполагала для слова *marjannu* первоначальное значение ‘колесничий’ и расширительное употребление типа образного использования нем. *Ritter*, рус. *рыцарь* [28], ср. также употребление латинских производных от *equus* типа *equitus*, *equitas* и т. п. [29] В дальнейшем А. Камменхубер и И. М. Дьяконов поставили под сомнение арийское происхождение этого слова, хотя ввиду наличия ярких индоиранских параллелей И. М. Дьяконов не исключает возможности значительно более древних «бореальных» (ностратических) связей [30] (сообщение в

зующий идеи Мосса, по отношению к Шумеру в недавних лекциях: *J. Bottéro.* Antiquités assyro-babyloniennes // Ecole pratique des Hautes Etudes. IVe section. Annuaire 1970—1971. Paris, 1971. P. 88—89 et suiv.; обобщение работ по проблеме собственности на землю на древнем Востоке см.: *И. М. Дьяконов.* Рабы, илоты и крепостные в ранней древности // ВДИ. 1973. № 4 (126), там же литература вопроса; ср.: *I. J. Gelb.* From Freedom to Slavery // Gesellschaftsklassen im Alten Zweistromland und in den angrenzenden Gebieten — XVIII. Rencontre assyriologique internationale. München, 29. Juni bis 3 Juli 1970 (Bayerische Akademie der Wissenschaften, philosophisch-historische Klasse, Abhandlungen, N. F. H. 75. Veröffentlichungen der Komission zur Erschließung von Keilschrifttexten. Serie A/6, Stück). München, 1970. S. 90. Ср. о дарении земли и рангах: *М. В. Крюков.* Социальная дифференциация в древнем Китае (Опыт сравнительно-исторической характеристики) // Разложение родового строя и формирование классового общества. М., 1968; *A. M. Hocart.* The Northern States of Fiji. London, 1952, особенно p. 240, 248 (там же соответствующие схемы, аналогичные тем, которые разобраны в других указанных работах).

[27] *A. Kammenhuber.* Die Arier im Vorderen Orient. Heidelberg, 1968. S. 211—232. Ср. сочувственную развернутую статью-рецензию: *И. М. Дьяконов.* Арийцы на Ближнем Востоке — конец мифа // ВДИ. 1970. № 4. С. 58—59; *I. M. Diakonoff.* Die Arier im Vorderen Orient. S. 114—115. См. дальнейшую литературу вопроса: *A. Kammenhuber.* Die Arier im Vorderen Orient und die historischen Wohnsitze der Hurriter // Orientalia. Vol. 46. Fasc. 1. 1977. S. 129—143.

[28] *A. Kammenhuber.* Hippologia hethitica. Wiesbaden, 1961. P. 16. О толковании слова ср. также: *И. М. Дьяконов.* Предыстория армянского народа. С. 68. Пользуюсь случаем принести благодарность И. М. Дьяконову за любезно высказанные в письме советы по этому вопросу и ряду других, затрагиваемых в настоящей статье.

[29] См. об этих латинских социальных терминах и их италийских соответствиях: *В. В. Иванов.* Заметки о типологическом и сравнительно-историческом исследовании римской и индоевропейской мифологии // Труды по знаковым системам. IV. Тарту, 1969.

[30] Связь этого хайасского имени (сопоставленного им с урартским) с индоевропейскими терминами предположил Г. Б. Джаукян, см.: *Г. Б. Джаукян.* Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ереван, 1964. С. 35—37, где в связи с этим упомянуто и арм. *mari* ‘самка’, лат. *marī-tus* ‘женатый’ (возводится к **mari-to-* ‘имеющий невесту’, см.: *C. Watkins.* Indo-European roots // The American Heritage dic-

письме к автору от 21 мая 1972 г.). Однако образование от хурритского термина *marjanni* хурритского *marijannardi* ‘знать, рыцарство’ [31], ‘высший социальный ранг’ ничего не говорит против индоиранского его происхождения, так как это хурритское производное явно вторично: это видно уже из того, что оно образовано от формы имени с суффигированным артиклем. Но несомненна достаточная древность такого существительного, от которого могло образоваться это производное. Что же касается рассмотренных выше значений хурритского, урартского и хайасского терминов, они хорошо согласуются с древнейшими употреблениями ведийского *márya-*.

Др.-инд. *márya-* в наиболее архаических текстах выступает в качестве социального термина, обозначающего ‘молодого человека’ [32], ср. в «Ригведе» значение ‘жених, молодой супруг’ [33], в позднейшем санскрите значение ‘юноша в расцвете сил, любимый жених’. Ритуальное значение ведийского *márya-* как термина, употребляемого, когда речь идет ‘о мужчинах, объединенных для совершения жертвоприношения’ [34], делает вероятным предположение, что *márya-* означало первоначально ‘юношу, прошедшего инициацию и вступившего в мужской союз’. В свете работ Викандера о древнеиндийском и древнеарийском мужском союзе, развитых в недавних исследованиях Ж. Дюмезиля [35], проясняется и первоначальное значение *márya-*. Исходное значение названия мужского возрастного социального класса кажется весьма правдоподобным для общегреческо-арийского диалектного термина, так как др.-греч. *μεῖϱαξ*, *μειϱάκιον*, родственное др.-инд. *marya-ka* ‘человечек’ (ср. также тип уменьшительных на *-k* в армянском), относилось первоначально преимущественно к юношам от 14 до 20 лет (другие употребления *μεῖϱαξ* выводятся из характерной для многих языков мира типологической универсалии, согласно

---

tionary of the English language. New York, 1971. P. 1527). Но Г. Б. Джаукян оставил без рассмотрения контексты, в которых употребляются эти хайасские и урартские имена, поэтому и проблема их связи с древнеиндийским словом осталась нераскрытой.

[31] *E. Laroche.* Fragment hourrite provenant de Mari // Revue d’assyriologie. LI. 1957. P. 105 et suiv. Ср. об этом слове: *В. В. Иванов.* О языковой принадлежности арийских элементов в ближневосточных текстах 2-го тысячелетия до н. э. // Языки Индии, Пакистана, Непала и Цейлона: Материалы научной конференции 18—20 января 1965 г. М., 1968.

[32] *L. Renou.* Etudes védiques et paniniéennes. X. P. 10, 64 (2); IV. P. 49; *A. Minard.* [Рец. на кн.:] *L. Renou* // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. T. 59. Fasc. 2. 1964. P. 55.

[33] *H. Grassmann.* Wörterbuch zum Rig-Veda. Leipzig, 1873. S. 1010 (значение 4).

[34] Там же. Значение 3.

[35] См. о пионерском значении исследования Викандера, намного опередившего свое время (книга шведского ученого вышла 30 лет назад): *G. Dumézil.* Heur et malheur du guerrier. Paris, 1969. Préface.

которой значение уменьшительности связывается со значением женского класса существ [36]). Сам по себе этот временной отрезок, обнаруживаемый в первоначальном уменьшительном производном, может быть несколько более приближен к младшему возрасту, но связь с понятием возрастного мужского класса представляется весьма возможной. С др.-инд. *maryaká* сопоставлялось также и афганск. *mrayáy* (м. р.) ‘раб’, ‘невольник’, семантически точно соответствующее йидга *mari* ‘раб, невольник’; оба эти слова подтверждали бы возможность развития значений в сторону обозначения социального класса (низшего в обоих восточноиранских языках, что представляет интерес и для окончательного истолкования значения урартского термина в тексте, где перечисляются люди царского хозяйства); афг. *mrayáy* ‘раб, невольник’ (муж. р.) возводится к иран. **marya-ká-* [37], этимологически тождественному др.-инд. *maryaká-* ‘самец’ (от разобранного выше *márya-*); предполагается тождество афганского акцентного типа B с окситонезой в древнеиндийском [38].

В пользу предложенной интерпретации предыстории ведийского *márya-* говорит и предполагаемое Дюмезилем сближение этого слова и родственного ему авест. *mairya-* в качестве обозначений ‘лишнего’ (готового к переселению) молодого человека с ведийским именем *Marút-*, обозначавшим «военных сотоварищей Индры, мифологический “Männerbund” (мужской союз) ведийских гимнов» [39]; для рассматриваемого круга вопросов особенно существенно то, что уже около XVII в. до н. э. это имя засвидетельствовано в касситском (*Maruttaš* [40], *Murutaš*, *Marattaš*), чем доказывается его наличие в еще более древнем месопотамском (индо)арийском. Как отмечает Дюмезиль [41], этот же суффикс *-ut* представлен и в некоторых других ведийских производных, но не древнее ведийского, чем удостоверяется индоарийский характер термина.

Любопытную параллель к вероятному перенятию индоиранского marya- в хурритский, урартский и хайасский (если этот последний был отличен от двух предшествующих) представляет позднейшее заимствование этого же

---

[36] *В. В. Иванов.* Семантическая категория малости-величины в некоторых языках Африки и типологические параллели в других языках мира // Проблемы африканского языкознания. М., 1972. С. 52, 59—60, 71—72, 86.

[37] *G. Morgenstierne.* An etymological vocabulary of Pashto. Oslo, 1927. S. v. *mrayáy*.

[38] *В. А. Дыбо.* Афганское ударение и его значение для индоевропейской и балто-славянской акцентологии // Балто-славянские исследования. М., 1974. С. 93, 105.

[39] *G. Dumézil.* La religion romaine archaïque. Paris, 1966. P. 214.

[40] *G. Dumezil.* Dieux cassites et dieux védiques à propos d’un bronze du Louristan // Revue hittite et asiatique. Fasc. 52. P. 18 et suiv. Ср. : *I. M. Diakonoff.* Die Arier im Vorderen Orient. S. 98.

[41] *G. Dumézil.* La religion romaine archaïque. P. 215.

слова в финно-волжский язык древнего племени, известного в древнерусских текстах под именем меря и отождествляемого Фасмером вслед за Кастреном с современными марийцами [42]. Название этого племени, видимо, разъясняется не с помощью самодийской основы (ненецк. *mar'* 'самец северного оленя') [43], которая связана с рассматриваемой индоиранской согласно ностратической гипотезе [44]. Самодийское и марийское слова семантически и формально слишком разобщены, чтобы было возможным возведение их к одному прау-ральскому источнику.

Марийское луговое *mari˙*, горное *ma·rə* 'муж, мужчина, мариец' было признано заимствованием из арийских языков еще в основополагающем тру-

---

[42] *M. Vasmer.* Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. III. Merja und Tscheremisen // SPAW. 1935. Признавая индоиранское происхождение имен *меря* и *марий*, А. И. Попов отказывался, однако, от отождествления народов меря и марийцев: *А. И. Попов.* Названия народов СССР. Введение в этнонимику. Л., 1973. С. 106. Следует, однако, заметить, что А. И. Попов слишком увлекся поисками этнонимов, связанных с иранск. (точнее индоиранск.) *mar-*; упоминаемое им на с. 103, примеч. 70, название киммерийцев — основных врагов лидийцев — прямых наследников хеттской языковой традиции — скорее можно сравнить с хет. *gimra* 'степь', ср.: *V. V. Ivanov.* On the reflex of the Indo-European Voiced Palatal Aspirate in Luwian // Symbolae linguisticae in honorem Georgii Kurylowicz. Wrocław, 1965. P. 132; см. о хет. *gimra* и лув. *immar* также: *B. Čop.* Indogermanica minora. I. Sur les langues anatoliennes // Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Razprave, VIII. Ljubljana, 1971. См. также рецензию автора (Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т. 33. Вып. 2. 1974. С. 172).

[43] Эта этимология была предложена еще Сетэлэ и принималась Фасмером, см. *М. Фасмер.* Этимологический словарь русского языка. Т. II. М., 1967. С. 606. Относительно ненецкого («юракского») слова ср. уже: *M. A. Castrèn.* Wörterverzeichnisse aus den samojedischen Sprachen. SPb., 1855. S. 40, 463 (*mar'* 'wildes Renntiermännchen').

[44] Это соответствие — ненецк. *mar'* < **mar(j)ʌ* 'самец дикого оленя', индоевр. **mer-i̯o-* 'молодой мужчина' — указывается вместе с тунг. *miarä-* 'выходить замуж', дравид. **mar̲ʌ*/*marʌ* (вариант с вторичным *r̲*), картв. *māra* 'мужчина' (сван. *māre*), семито-хамит. *m(j)r* 'мужчина, детеныш мужского пола' в качестве отражений ностратического названия 'юноши': *В. М. Иллич-Свитыч.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков (индоевропейский, алтайский, уральский, дравидский, картвельский, семито-хамитский) // Этимология 1965. М., 1967. С. 373; *Он же.* Опыт сравнения ностратических языков // Славянское языкознание. М., 1968. С. 416, табл. 7; *Он же.* Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. С. 21, см. там же, с. IV, в предисловии В. А. Дыбо о характере *r̲* в этом слове в дравидском; [Т. II]. М., 1976. С. 39—41. Если принять допущение И. М. Дьяконова об исходной «бореальной» (ностратической) связи хурритско-урартского (и хайасского) термина с индоиранским, то отношение между ними должно войти в круг всех указанных ностратических параллелей.

де Якобсона[45]. Леви, неоднократно отмечавший важность этого заимствования, свидетельствующего о большем влиянии, чем обычно культурное[46], обратил внимание на наличие чередований в этой основе: дат. *mar-lan*, эссив *mar-la* ‘по-марийски’[47], *ma˙rla* в недавно записанном акцентуированном горно-марийском тексте[48]. Эта особенность, видимо, отражает историю слова, как и конечное ударение в луговом марийском *mari˙*, характерное для ряда заимствований (в частности, тюркских)[49], при обычном для заимствованных слов ударении на пенультиму в горном марийском *ma˙rə*[50]. Если, действительно, характер ударения этого слова еще позволяет его отделять от других исконно уральских слов марийского языка, то это позволяет дать относительную хронологию заимствования.

Как и урартское *mari* и хайасское *¹Marija-*, марийское заимствование сохранило связь со специфическим для древнеиндоиранского значением ‘мужчина, муж’. В то же время превращение этого слова в этноним в марийском напоминает то семантическое развитие, которое, видимо, имело место в языке Хайасы, чем и объясняется использование хеттского клинописного детерминатива мужского собственного имени перед *¹Marijaš* в рассмотренном договоре.

Вся совокупность рассмотренных слов предстает по-новому в свете открытий, сделанных в цитированных выше работах И. М. Дьяконова.

1978

---

[45] *H. Jacobson.* Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922. S. 245. См. также: *A. J. Joki.* Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen (Suom.-ugr. seurantoim., 151). Helsinki, 1973.

[46] *E. Lewy.* Kleine Schriften. Berlin, 1961. S. 374 (впервые напечатано в 1936 г.), ср. s. 411.

[47] Ibid. S. 371. Anm. 2.

[48] *Е. И. Коведяева.* Проблемы акцентуации марийского языка. М., 1970. С. 82, ср. там же на с. 16 об отмеченном Рамстедтом явлении утраты основного ударения в *marla˙n* в горно-марийском.

[49] Там же. С. 54.

[50] Там же. С. 81. Утверждение иранского (а не индоиранского) источника для этого слова едва ли здесь правомерно. Согласно исследованиям Е. А. Хелимского, мар. *mari* ‘мариец’ произносится с конечным акутом (повышением тона в ударном слоге).

О НЕКОТОРЫХ ПЕРЕДНЕАЗИАТСКИХ ПАРАЛЛЕЛЯХ К КАРТВЕЛЬСКИМ ЛЕКСЕМАМ*

1. Груз. *rḳina* ‘железо’, мегр. (*r*)*ḳina*- : хетт. (хурр.) *ḫawarkina*-, хатти *ḫapalki*- ‘железо’

Груз. *rḳina* ‘железо’, мегр. (*r*)*ḳina* (с проблематичным чанским соответствием) [1] было сопоставлено Г. А. Меликишвили с хетт. *kuwan*-(*na*) [2], но это последнее (как и родственное лув. *kuwanzu*-, прилагат. *kuwanzana*/*i*- = ‘медный’) имеет значение ‘медь’ и ‘драгоценный камень’ (второе, в частности, в хеттском переложении хурритской поэмы «Песнь об Улликумми») при возможном происхождении из шум. KUG. AN ‘металл (цвета?) неба’; из хетто-лувийских языков заимствовано мик. греч. *ku-wa-no* ‘стекло(м) синего цвета’ [3], греч. гом. *χύανος*. Выведение *rḳina* ‘железо’ из *kuwan*- ‘медь’ наталкива-

---

* Издано в: Лингвистический сборник. Тбилиси: Мецниереба, 1979, с. 111—129.

[1] *Г. А. Климов.* Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964. С. 156—157 (в дальнейшем страницы этого словаря указываются в тексте в скобках после сокращения К.).

[2] *Г. А. Меликишвили.* О некоторых наименованиях металлов в древневосточных и кавказских языках // Вестник древней истории. 1968. № 4. С. 125.

[3] *R. Halleux.* Lapis-lazuli, azurite ou pate de verre? A propos de *kuwano* et *kuwanoko* dans les tablettes myceniennes // Studi micenei ed egeo-anatolici. Fasc. 9 (Incunabula Greaca. V. XXXIX). Roma, 1969. P. 47—65; *Idem.* [Рец. на кн.] *J. D. Muhly*. Copper and tin. The distribution of mineral resources and the nature of the metal trade in the Bronze Age // Journal of Economic and Social History of the Orient. V. XVII. 1974. Pt. 1. P. 103. *Более подробно об истории всей группы слов, связанных с хетт. kuwan, греч. χύανος,* см.: *В. В. Иванов.* Проблемы истории металлов на Древнем Востоке в свете данных лингвистики (в дальнейшем сокращенно Металлы I) // Историко-филологический журнал. 1976. № 4 (75). Ереван. С. 74—75; *Он же.* К истории древних названий ме-

ется на семантические и фонетические трудности (при объяснении анлаута и при истолковании корневого гласного *i*).

Значительно более простым представляется объяснение грузинозанской основы при ее отождествлении с основой малоазиатского названия города, известного из хеттских источников в форме *Ḫawarkina* (KBo II 4 rev. IV 36; Ḫat. III 9) с вариантом (видимо, фонетическим, объясняемым характерным для хурритского чередованием *r*/*l*[4]) *Ḫawalkina*[5] от хатти *ḫapalki* (фонетически [*xaw*/ *flki*-] 'железо' (к семантике названия ср. зап. груз. *Sarḳin-et-i* в Раче и т. п.). Заимствование названия железа именно из хатти представляется вероятным потому, что древняя область обитания носителей этого языка совпадает с наиболее ранним очагом металлургии железа, начавшейся в Малой Азии не позднее 2100 г. до н. э. и через тысячу лет оттуда распространившейся по Евразии[6]. Этот факт, недавно установленный

таллов в южнобалканском, малоазийском и средиземноморском ареалах (в дальнейшем сокращенно Металлы II) // Славянское и балканское языкознание. Античная балканистика и сравнительная грамматика. М., 1977. С. 23—24; *Он же.* Древние культурные и языковые связи южнобалканского, эгейского и малоазийского (анатолийского) ареалов // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 26—29; *V. I. Abaev.* Contribution à l'histoire des mots. 2. Le deuxième metal i.-e. // Melanges linguistiques offerts à Emile Benveniste (Collection Linguistique publiée par la Société de Linguistique de Paris. LXX). Louvain, 1975. В греческом *χύανος* получает позднее и значение 'сталь', но это происходит в период, более поздний, чем начало металлургии железа в Грузии (ср. ниже), что говорит против обсуждаемой этимологии.

[4] *H. H. Hoffner.* A Hittite text in epic style about merchants // Journal of Cuneiform Studies (сокращенно JCS). V. XXII. 1968. № 2. P. 42; *V. Haas.* Der Kult von Nerik. Ein Beitrag zur hethitischen Religionsgeschichte (Studia Pohl. Dissertationes scientificae de rebus Orientis Antiqui). Roma, 1970. S. 293, 309.

[5] Как указал автору И. М. Дьяконов, суффикс мн. ч. *-na* обычен в хурритских топонимах, о хурритском посредничестве может свидетельствовать и самое чередование *r*/*l*, см. о нем в хурритском: *I. M. Diakonoff.* Hurrisch und Urartäisch // Münchener Studien zur Sprachwissenschaft. Beiheft 6. Neue Folge. München, 1971. S. 55. ср. s. 59 о хурритском прилагательном **ḫabalgine* (**ḫawalginne?*), которое (по мысли И. М. Дьяконова) могло бы лежать и в основе приводимого топонима, см.: Металлы I. С. 80. Примеч. 50. Пользуюсь случаем выразить благодарность И. М. Дьяконову, прочитавшему статью в рукописи и сделавшему ряд ценных замечаний.

[6] См, подробно: Металлы I. С. 76—84; Металлы II. С. 8—21 (там же литература вопроса). Следует подчеркнуть, что исследование ранних этапов истории металлургии железа представляет особый интерес в настоящее время, когда на новом уровне энергетических возможностей (при использовании электрических печей и атомных реакторов, ср.: *R. S. Barnes.* The role of nuclear steelmaking // Ironmaking and Steelmaking. V. 2. 1975. № 4. P. 271—278) и с применением руд высокого качества осуществляется возврат к методам прямого восстановления железа из железной руды:

археологами, согласуется с результатами исследования хеттских и хаттских текстов [7].

Культовая значимость железа в ритуальной традиции хатти выделяет эту последнюю (и отчасти продолжающую ее хеттскую) из числа других древневосточных и сближает ее с такими позднейшими кавказскими, как нартовская абхазская, где героя Саскрыкву бог-кузнец кует из железа (как царя в хеттском ритуале KUB XXIX 1 III 52—53); текст нартовского эпоса, как и описания абхазских обрядов, изобилует упоминаниями железных обрядовых предметов [8]. Из этого следует, что именно в традиции хатти отсутствовала та аксиологическая преграда для осознанного использования железа как ценимого металла (а не только как шлака, получаемого в качестве отходов при производстве других металлов — бронзы или меди [9] или ке-

---

J. R. Miller. The direct reduction of iron ore // Scientific American. V. 235. July, 1976. № 1. P. 68—81.

[7] Ср., в частности, надпись Аниттаса: *E. Neu.* Der Anitta — Text // Studien zu den Boğazköy-Texten (сокращенно StBoT). Heft 18. Wiesbaden, 1974. S. 14, 15, 36, 75. См. о хеттских ритуалах: *A. Kammenhuber.* Orakelpraxis, Träume und Vorzeichenschau bei den Hethitern (Texte der Hethiter. Heft 7). Heidelberg, 1976. S. 96; *Она же.* Historisch-geographische Nachrichten aus der althurrischen Überlieferung, dem Altelamischen und den Inschriften der Könige von Akkad für die Zeit vor dem Einfall der Gutäer (ca. 2200/2136) // Wirtschaft und Gesellschaft im Alten Vorderasien. Budapest, 1976. S. 170, 171. Другие данные и литературу вопроса см.: Металлы I. С. 78—79, Металлы II. С. 10—13.

[8] *И. А. Анджинджал.* Из этнографии Абхазии. Сухуми, 1969. С. 234—275, ср. там же, с. 234—244, о семиликости божества кузнецов Шашвы (и семи- или четырехчленности соответствующих обрядов), в чем можно видеть типологическое подтверждение аналогичному объяснению символики восьми железных предметов (хат. *amputtu*, ср. аккад. *amūtu* 'железная крица'?) в культовом тексте хатти: *E. Laroche.* Hattic deities and their epithets // JCS. V. I. 1947. № 3. P. 190, 197, 198, 201, 203, 205.

Сравнение языковой абхазско-адыгской традиции с хатти приобретает особенно серьезный характер благодаря обнаружению в последнем языке местоименной и глагольной морфемы 2 л. ед. ч. *и-* (*H. S. Schuster.* Die hattisch-hethitischen Bilinguen. I. Einleitung. Texte und Kommentar. Leiden, 1974. S. 91, 96, 143, 146), что подтверждает ранее высказанную догадку: *И. М. Дьяконов.* Языки Древней Передней Азии. М., 1967. С. 175. Ср.: *И. М. Дунаевская.* О структурном сходстве хаттского языка с языками северо-западного Кавказа // Исследования по истории культуры народов Востока. Сборник в честь акад. И. А. Орбели. 1960. С. 73 и сл.

[9] *T. A. Wertime.* Pyrotechnology; man's first industrial uses of fire // American Scientist. V. 61. 1973. № 6. В недавно найденной древней медеплавильной печи (ок. XVIII в. до н. э.) из Аладжа Хююк обнаружено значительное количество железа в качестве шлака; *M. I. Mellink.* Archaeology in Asia Minor // American Journal of Archaeology. V. 72. 1974. № 2. P. 115; Ср. отчасти сходные данные: *К. Х. Кушнарева, Т. Н. Чубинишвили.* Древние культуры Южного Кавказа (V—III тыс. до н. э.). Л., 1970. С. 132, табл. II, строка 27 (много меди и железа в остатках металла в тигле по данным спектрально-химического анализа).

рамики), которая задержала начало металлургии железа в других областях [10].

Вывод о распространении металлургии железа из области культуры хатти подтверждается тем, что хат. *ḫapalki* ‘железо’ было заимствовано не только в хеттский язык и в хурритский [11] (ср. в богазкёйских текстах такие показательные примеры, как É *ḫabalki* ‘дом железа’ в ритуале Иштар, KUB, XXIX 73, 12; 76, 3), но и через хурритское посредство в западные (левантийские) диалекты аккадского, где оно выступает в хурритизованной форме *ḫabalginnu* [12], практически совпадающей с приведенной формой топонима *Ḫawalkina*: по гипотезе И. М. Дьяконова для хурритской формы названия железа возможно чтение [*ḫawalgi*], в таком случае аккад. *ḫabalginnu*, *ḫabalkīnu* можно объяснить из хур. **ḫawalgine* (прилагательное) или из аналогичной хурритской формы существительного с определенным постпозитивным артиклем. Наблюдающийся, по-видимому, в аккадском слове переход *-w-* > *-b-* возможен после утери аккад. *-w-*, ср. ассир. *abātu* < *awātum* ‘слово’.

Формы типа хур. **ḫawalgine*, аккад. *ḫabalkīnu* и малоазиатского топонима *Ḫawalkina* достаточно близки к грузино-занскому названию железа. Но в этом последнем, как и в связываемых с ним, но не имеющих суффикса *-n-* арм. *erkat'* [13] (к суффиксу *-at'* ср. др.-арм. *arṣat'* ‘серебро’ при лат. *argentum*, др.-ирл. *argat*, авест. *arəzata-*, др.-инд. *rajata*, греч. *ἄργυρος* с многочисленными параллелями в кавказских языках типа основы косвенных падежей в аг. *arsur-*, таб.

---

[10] *A. L. Kroeber.* Anthropology. Rev. ed. New York, 1948. P. 726—727.

Ценностный сдвиг в понимании железа не как шлака, а как полезного металла аналогичен превращению сорняка в культурный злак (процесс, роль которого, в частности, на примере ржи была установлена акад. Н. И. Вавиловым), ср. к другим параллелям из истории науки и техники: Металлы II. С. 4, 5, примеч. 2, ср. также фонологизацию варианта фонемы (и канонизацию низшего жанра в истории литературы), представляющую собой аксиологически сходное явление.

[11] *I. M. Diakonoff.* Op. cit. S. 79; *E. Laroche.* Etudes hourrites // Revue d’assyriologie et d’archéologie orientale (сокращенно RA). V. LXVII. № 2. 1973. P. 130. К числу хурритских слов, общих с хатти, при надлежит также хур. *kate* ‘зерно’, хатти *kait* ‘зерно’, ср. лик. *xada-wãti* ‘богатый зерном’, топоним *Κάδρεμα* (вероятное хурритское заимствование в ликийском), см. в настоящем томе выше.

[12] The Assyrian Dictionary. Ḫ. Chicago, 1956. P. 3a; I/J. 1960. P. 321b; Ṣ. 1962. P. 203e (s. v. *ṣippatu*); *W. von Soden.* Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1959. S. 301b.

[13] Сближение хетт. *ḫapalki-* с арм. *erkat'* в недавнее время независимо от автора было предположено также в статье: *A. Ancillotti.* Un antico nome del ferro nel Vicino Oriente // Acme. V. 28. 1975. 1—2. P. 27—48. Но предложенное там же сравнение с этими словами и названия орудия или оружия (др.-инд. *parśu-*, мик. *pa-ra-ku-*) остается по семантическим причинам сомнительным.

arsr ‘серебро’ [14], албан. (*h*)*ekur* ‘железо’ [15] (с диссимиляцией *-kur* < **-urk*?) и дагестанских терминах типа табас. *rukl* ‘железо’, лезг. *rakl*), отражен вариант этого миграционного слова с *-r-*, как в топониме *Ḫawarkina* (а не с *-l-* типа *ḫapalki*).

Представляется, что если чередование *r*/*l* может объясняться хурритским посредничеством, то особенности анлаута (отсутствие *ḫ-* и *-w-*, ср., однако, возможный след начального **u* при метатезе в алб. *ekur*, табас. *rukl*) могли бы объясняться и структурой самих исходных форм хатти. Хатти *-ḫa-* в *ḫa-p*/*walki-an* ‘(из) железа’ может быть префиксом, что подтверждается параллелизмом с такими формами, как известные из билингв и параллельных текстов на хеттском и хатти *ḫa-p*/*wi-wuna-n* ‘среди людей’ (= ‘на языке людей’), *ḫa-prašš-un*, ‘леопардово, как у леопарда’ (где членение подтверждается тождеством *-prašš-* с основой хетт. *parš-ana-* ‘леопард’, перс. *pārs* ~ *fārs* ‘пантера, барс’, сарык. *pis* ‘барс, леопард’ [16]) и в особенности *ḫa-wa-šḫap* ‘среди богов’, допускающее и вычленение *-wa-* как второго префикса в *ḫa-wa-lki*(*-an*) [17]. В таком случае в грузино-занском могла быть отражена основа, остающаяся после вычленения этих префиксов (если не предположить фонетического перекодирования в промежуточном источнике заимствования).

Значительный интерес представляет наличие в сванском другого слова в значении ‘железо’: сван. *berež* ‘железо’, род. п. *berža* [18], заимствованное из другого переднеазиатского источника, ср. заимствованные в семитские языки аккад. *parzillu* ‘железо’ (> арам. *parzäl*), др.-евр. *barzäl*, угар. *brśl*, ю.-ар. *przn*, манд. *parzla* при возможных связях с лат. *ferrum*, греч. *βίρρη* «*πυράγρα, οἱ δέ δρέπανον*» [19] и др.

---

[14] *Б. К. Гигинейшвили.* Сравнительная фонетика дагестанских языков. Тбилиси, 1977. С. 90—91, ср.: Там же. С. 26, 28. Предшествующую литературу см.: Металлы I. С. 73. При соответствии дагест. **c* и.-е. **ĝ* в этом слове дагест. *ç̌* (с озвончением в *ǯ*) отвечает и.-е. **ḱ* в дарг. *muçur*, арч. *moç̌or* ‘борода’ (*Б. К. Гигинейшвили.* Указ. соч. С. 135): др.-инд. *śmaśru*. Оба слова заимствованы из индоевропейского диалекта satəm-ного типа.

[15] *V. Pisani.* Lexikalische Beziehungen des Albanischen zu den anderen indogermanischen Sprachen // *V. Pisani.* Saggi di linguistica storica. Torino, 1959. P. 120.

[16] См. об этой этимологии и ее культурно-исторической значимости: *В. В. Иванов.* Миҕрационные термины в языках Евразии. Конференция «Ностратические языки и ностратическое языкознание». М., 1977. С. 67, ср. о названии железа: Там же. С. 68.

[17] Ср. Металлы I. С. 80. См. также выше в статье о хаттском.

[18] Ср.: *K. H. Schmidt.* Studien zur Rekonstruktion des Lautstandes der südkaukasischen Grundsprache. Wiesbaden, 1962. S. 24. К ритуальному использованию сван. *berež* ср.: *И. Нижарадзе.* Сванетские тексты // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 31. Тифлис, 1902. С. 60 (поверье № 52).

[19] *G. A. Alessio.* Le lingue indoeuropee nell’ ambiente mediterraneo. Bari, 1955. P. 534. § 69; *E. J. Furnée.* Die wichtigsten konsonantischen Erscheinungen des Vorgriechischen. The Hague; Paris, 1972. S. 65, 232, 251, 252, 355; Металлы I. С. 81.

Расхождение между сванским, объединяемым с семитскими и некоторыми другими средиземноморскими миграционными терминами, и грузино-занским, в который другой термин проникает из хаттско-хурритского (по-видимому, малоазиатского) ареала, представляет значительный интерес ввиду датировки начала металлургии железа в Западной Грузии около XII в. до н. э.[20] Грузинский и занский объединяются и такими металлургическими терминами, как **kwṛdemḷ* ‘наковальня’ (груз. *grdeml-*, др.-груз. *kwirdeml-*, мегр. *kulamur*, *kulamor*[21], возможно, древнее иранское заимствование; ср. к первой части **kwṛ* перс. *kūra* ‘кузнечный горн, кузница, очаг’, арм. *k'rak* < **k'urak* ‘огонь’ и т. д.; к *-d* ср., быть может, аналогичный суффикс в сходной звуковой форме в осет. *kₒyrd* || *kurd* ‘кузнец’, ср. ст.-слав. *кръчии*, др.-рус. *корчий* ‘кузнец’[22] (хотя хронология озвончения *-d-* в осетинском может и воспрепятствовать сближению с грузино-занским).

2. Груз. *seri*, *seroba* ‘вечеря’, мегр. *seri* ‘ночь’ : хуррит. *Šerri-*

Картвельское (или, во всяком случае, грузино-занское) название ‘ночи, вечера’ **ser-*, отраженное в др.-груз. *seri* ‘ужин’ < ‘вечер’ *ser-oba* ‘вечеря’, мегр. *seri* ‘ночь’ < **sari* (ср. мегр. *o-sar-e* ‘ночная рубаха’[23]), представляет собой один из примеров соответствия грузинского свистящего занскому свистящему, согласующегося с общей закономерностью, сформулированной

---

[20] *D. H. Khakhutaishvili.* A contribution of the Kartvelian tribes to the mastery of iron metallurgy in the Ancient Near East // Wirtschaft und Gesellschaft im Alten Vorderasien. Budapest, 1976. P. 337—348.

[21] *Г. А. Климов.* Дополнения к этимологическому словарю картвельских языков // Этимология 1971. М., 1973. С. 364 (ср. к проблеме хуррито-картвельских сопоставлений, важной для *rḳina*: Там же. С. 360).

[22] *В. И. Абаев.* Историко-этимологический словарь осетинского языка (сокращенно ИЭС). Т. I. А—К’. М.; Л., 1958. С. 610; *Он же.* Из истории слов. Древнерусское *кърчий* кузнец и топоним *Керчь* // Вопросы языкознания. 1959. № 1. С. 97. Ср. относительно возможной связи с той же индоевропейской основой слав. **kovarь* ‘кузнец’: *В. В. Иванов, В. Н. Топоров.* Этимологическое исследование семантически ограниченных групп лексики в связи с проблемой реконструкции славянских текстов // Славянское языкознание. VII Международный съезд славистов. М., 1973. С. 156—157.

[23] Мегрельская форма *seri* объясняется развитием **a* > *e* благодаря умлауту, сходному со сванским: *Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани.* Система сонантов и аблаут в картвельских языках. Типология общекартвельской структуры (на груз. яз.). Тбилиси, 1965. С. 164—165. Неосновательно допущение заимствования из ясно не этимологизируемого лат. *serum* (*Г. В. Рогава.* Греческо-латинская древняя лексика в картвельских языках // Античные византийские и местные традиции в странах Восточного Средиземноморья (сокращенно АТ). Тбилиси, 1975. С. 23).

Г. И. Мачавариани [24]. Эту грузино-занскую (или общекартвельскую, если отсутствие ее в сванском объясняется утратой) основу можно отождествить с хурритским *Šerri-*, названием мифологического быка бога Грозы [25]. У этого бога — хурритского Тешуба — два быка, носящих соответственно имена *Ḫurri-* и *Šerri-*, которые обычно вслед за фон Бранденштейном истолковывались как названия Дня и Ночи [26]. С этим истолкованием значения всей пары можно согласиться, но не кажется оправданным при этом отождествление именно быка *Šerri* с Днем, а *Ḫurri* — с Ночью, основанное только на парализме в хурритском тексте ритуала омовения рта (хуррит. *idgaḫi-*, *itkalzi-*, хетт. *aiš šuppiyaḫuwar*, аккад. *mêš pî*, KUB XXVII 23 II 6—7, 9—10) выражений *šinta* [ ] *šera* и *šintatai šijai* ‘семь [27] вод’, но первое выражение с равным успехом может означать и ‘семь дней’ и ‘семь ночей’ [28]. При втором переводе

---

[24] См. об этом слове: *Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани.* Указ. соч. С. 132. Ср.: *Г. И. Мачавариани.* О трех рядах сибилянтных спирантов и аффрикат в картвельских языках // XXV Международный конгресс востоковедов. Доклады делегации СССР. М., 1960; *Он же.* Общекартвельская консонантная система (на груз. яз.). Тбилиси, 1965. С. 24 и сл., § 8.

[25] Ср.: *В. В. Иванов.* Хеттский язык (сокращенно ХЯ). М., 1963. С. 30. Предлагая это сближение, автор сохранял принимаемое по традиции значение хур. *šeri-*, что не является обязательным.

[26] *G. G. von Brandenstein.* Hethitische Götter nach Bildbeschreibungen in Keilschrifttexten (Mit. d. Vorderasia—Ägypt. Gesel. 46, 2). Leipzig, 1943. S. 71. Fn. I; *E. Laroche.* Recherches sur les noms des dieux hittites. Paris, 1947. P. 49. 59; *Idem.* Le panthéon de Yazihkaya // JCS. V. VI. 1952. № 3. P. 120, n. 47 (К общей интерпретации этих изображений Язылыкайя ср.: *Idem.* Les dieux de Yazihkaya // Revue hittite et asianique (сокращенно RHA). T. XXVII. 1959; *H. G. Güterbock.* Yazilikaya: à propos a new interpretation // Journal of Near Eastern Studies (сокращенно JNES). V. 34. 1975. № 4. В хеттско-хурритской песне об Улликумми имя второго быка — Tella).

[27] Хур. *šinta* = *sinta* (*šitta*) ‘7’ связано с *šin* = *šīn* ‘2’ (см.: *A. Götze.* Рец. на KBo X // JCS. V. XVI. 1962. № 1. P. 28, n. 9, там же о возможной связи и с хурритским термином гаданий *šentahiš*. KI GUB, ср. о последнем: *E. Laroche.* Sur le vocabulaire de l’haruspicine hittite // RA. 1970. № 2. P. 28, см. также примеч. 4 о *sitta* ‘7’), что, очевидно, свидетельствует об обозначении числительных в хурритском по аддитивному принципу (7 = 5 + 2), аналогичному шумерскому (*u-mun* < *i-min* ‘7’ при *min* ‘2’, *А. П. Рифтин.* Система шумерских числительных // Языковедные проблемы по числительным. Л., 1927. С. 183), ср. к типологии: *A. F. Majewicz.* Some observations concerning various structures of cardinal numbers and the possibility of their classification (I) // Lingua Poznaniensis. XIX. 1976. P. 97—98; *В. В. Иванов.* К типологии числительных первого десятка в языках Евразии // Сб. статей по типологии восточных языков памяти проф. А. А. Холодовича. Л., 1977.

[28] Типологически сходную сакральную роль числа 7 в связи с омовением можно видеть в хеттском тексте, включающем хурритские сакральные термины и описывающем лечение царя Мурсилиса II, который семь дней совершал омовение в чис-

хуррит. *šer-* ‘ночь’ оказывается точным соответствием грузино-зан. **ser-* ‘ночь’, а также нахс. *seri*, *sayr*(*o*) ‘вечер’, в связи со сравнением с которым И. М. Дьяконов также давно предположил значение ‘вечер’ для хур. *seri* [29] (тогда как для *ḫurri-* им предположено значение ‘утро, восток’, соответственно люди, называемые прилагательным *ḫurroḫe* [30], — ‘восточные’, отсюда этноним хурритов).

3. Груз. *ṗir-* ‘рот’, мегр. *ṗiž-*, чан. *ṗiž-*, ‘рот’, сван. *ṗil-* ‘губа’ : хет. *puri* ‘губы’, хуррит. *puri*

Общекартвельское обозначение ‘рта, губ’, отраженное в груз. *ṗir-* ‘рот, лицо, край’, мегр. *ṗiž-* [31], чан. *ṗiž-* ‘рот’, сван. *ṗil-* ‘губа’ [32], лашх. диал. *bil-* — с вторичным озвончением древнего абруптива (К. С. 153—154), было уже ранее сопоставлено автором с хет. *puri* ‘губы’ [33]. Следует отметить, во-первых,

---

той воде, а ночью исполнял обряд воздержания, ср. об этом тексте и ритуалах замещения царя, во многом ему аналогичных: *В. В. Иванов.* Из заметок о строении и функциях карнавального образа // Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973. С. 43—44); *Он же.* Из семиотических комментариев к клинописным хеттским текстам // Philologia Orientalis IV. In memoriam acad. G. V. Tsereteli. Tbilisi, 1976. P. 130—132. Названия ‘ночи’ — ‘дня’ и ‘воды’ часто сочетаются в хеттских и хурритских ритуалах, ср., в частности, хуррит. *šin*(*i*)*a-i šinta t-a-i šey*(*a*)*a-i* буквально ‘по отношению ко второму (*šini*) (дню), по отношению к воде (*šeya*), которая была в семеричном количестве’ (пояснительная конструкция), чему в параллельном хеттском тексте соответствует предложение со значением ‘когда на второй день приносят семь вод’ (ср. выше о связи 2—7); Das Churritologische Archiv. Berlin, 1975.

[29] *I. M. Diakonoff.* Op. cit. S. 166—167. В дагестанском в том же значении представлена другая основа: ав. *rel’eda* ‘вечер’, анд. *rel’o* ‘ночь’ (*Б. К. Гигинейшвили.* Указ. соч. С. 68).

[30] *I. M. Diakonoff.* Op. cit. S. 11 ff.

[31] К мегр. **piǹž-* В. А. Абаев (ИЭС. I. С. 497) склонен возводить и ареальные формы типа осет. *fynz* ‘нос’, груз. *p’inčvi*, арм. *p’inǰ* ‘ноздря’, абх. *a-pənc’a*, убых. *fac’á* ‘нос’ (см. о последнем слове: *H. Vogt.* Dictionnaire de la langue oubykh. Oslo, 1963. P. 117. № 622), считая созвучие со словами других иранских языков случайным.

[32] *Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани.* Указ. соч. С. 14, 85; см. о чередовании **ṗir-* : **ṗr-*: Там же. С. 311. К исконности **-r* см.: Там же. С. 331; *Г. В. Рогава.* Из области звукосоответствий в картвельских языках (на груз. яз.) // Вопросы структуры картвельских языков. I. Тбилиси, 1959. С. 277—280. О семантике сванского слова (мн. ч. *ṗilar* ‘уста, губы’, ед. ч. *ṗil* ‘губа’, ‘край, берег, конец’), см.: *Н. Марр.* Извлечение из сванско-русского словаря. П., 1922. С. 27.

[33] ХЯ. С. 209.

полное семантическое совпадение хеттской основы со сванской [34]. Во-вторых, значительный интерес представляет наличие слова, передаваемого в клинописи точно так же, как хеттское название ‘губ’, в хурритском [35]. Для семантики хуррит. *pu-u-ri* особенно существенно употребление его в ритуале омовения рта (10-я табличка, KUB XXIX 8 III 54), а также во фрагменте этого ритуала в сочетании *pu-u-ri-ip-pa-aš* ‘мои губы’ (KUB XXXII 7 II 9) = [*pur-if(f)-az̄*] в транскрипции И. М. Дьяконова [36]. Если бы верным оказалось предположение о заимствовании этого слова из хурритского в хеттский, то можно было бы поставить вопрос о вычленении в исходной хурритской форме суффикса *-ri-*, который выделяется в таких хурритских именах существительных, как *šau-ri* ‘оружие’ [37] (урарт. *šuri*, арм. *sur* ‘меч’ [38]), ср. также из названий частей тела хурррит. *ukri-*, урарт. *kuri-* ‘нога’(?). Невыясненность отношений хурро-урартского и картвельских языков делает преждевременным установление того, является ли хуррит. *puri* (как и *Šerri*) источником древнего заимствования или же можно думать о следах далеких родственных связей [39].

---

[34] Сходство конкретной семантики сванского *pil* с хеттским заставляет усомниться в целесообразности допущения абстрактных пространственных значений (‘край’, см. выше о значении ед. ч. в сванском), которые для праформы этого слова принимались не только для общекартвельского (К. С. 153), но и для ностратического: *В. М. Иллич-Свитыч.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков // Этимология 1965. М., 1967. С. 345.

[35] Отмечено уже в статье: *J. Friedrich.* Zum hethitischen Lexikon // JCS. V. I. 1947. № 4. S. 288 (о хеттском слове см.: Ibid. S. 286—290); из хеттских примеров, Фридриху оставшихся неясными, следует отметить отрывок из магического ритуала богу Грозы, KUB XXX III 68 III 17 (см.: *E. Laroche.* Textes mythologiques hittites en transcription (сокращенно TM) 1 partie // RHA. T. XXIII. Fasc. 77. 1965. P. 129, ср. параллели к этому месту в архаических стихах богу Пирве: Ibid. P. 174, строки 8—9). Для фонетического сопоставления существенными могут быть чередования написанной одной и той же формы с *i* и *u* в хурритском.

[36] *И. М. Дьяконов.* Указ. соч. С. 144; *I. M. Diakonoff.* Op. cit. S. 109. Предлагаемое сближение с картвельским согласуется с интерпретацией хуррит. *p* как абруптива (*p̓*).

[37] *V. Haas, C. Wilhelm.* Zum hurritischen Lexikon. I // Orientalia. n. s. V. 41. 1972. Fasc. I. S. 4—5. Fn. 7. К обсуждаемому там же сближению с *Sau-ška* (Иштар вооруженной), см. об этой последней: *E. Laroche.* Études de linguistique anatolienne. III. Bilingues hourro-hittites // RHA. T. XXVIII. 1970. P. 61.

[38] См.: *И. М. Дьяконов.* Указ. соч. С. 135; ср. альтернативнее объяснение из индоевропейского: *V. Bănăteanu.* Problema lexicului urartie din limba armenă // Studii Și cercetări linguistice. An. XIII. 1962. № 2. P. 268—269; *I. M. Diakonoff.* Op. cit. S. 85 (ср. о хур. *ugri* / *ukri* : Ibid. S. 56).

[39] И. М. Дьяконов в этой связи обратил внимание автора на нахские формы: чеч. *balda*, инг. *bord* (с неясным. *b-*: классный показатель?).

4. Груз. *ṭqav-* ʻшкура', ʻкожа', мегр. *ṭqeb-*, чан. *ṭ(ḳ)eb-* : хетт. *twekk-* ʻтело', ʻтуловище', др.-инд. *tvac-* ʻшкура', ʻкожа'

Грузино-занская основа **ṭqaw-*, отраженная в груз. *ṭqav-* ʻшкура', ʻкожа', мегр. *ṭqeb-* ʻшкура', *ṭqab-arua* ʻсдирать шкуру', чан. *ṭ(ḳ)eb-* ʻшкура' (К. С. 183—184), представляется исторически тождественной хетт. *twekk-* ʻтело', ʻтуловище' (логограмма NI. TE, акк. *ramānu* [40]; ср. также активную форму др.-хетт. *twekkant-* ʻкорпорация' в законах, § 49). По своей семантике это грузино-занское слово тождественно, однако, не хеттскому слову, а этимологически с ним связанному др.-инд. *tvac-* ʻшкура', ʻкожа', ср. греч. *σάκος*, ʻщит' (из *ʻкожаный щит'), что согласуется с принятым в индоевропеистике и хеттологии допущением первоначального значения именно в древнеиндийском слове [41]. Картвельское заимствование может восходить к эпохе, когда это значение сохранялось еще и в анатолийском, или к еще более древнему периоду, которым датируются связи, объясняемые либо как древние индоевропейские заимствования в картвельском [42], либо как общеностратическое наследие (но в других подгруппах ностратической семьи соответствия не обнаружены). И в картвельском, и в индоевропейском представлены специфические комплексы в анлауте [43] — с различным размещением признака лабиальности — в начале слова в индоевропейском [44], в конце — в картвельском, что можно было бы объяснить «преодолением» чуждого комплекса при заимствовании.

---

[40] *A. Kammenhuber.* Die hethitischen Vorstellungen von Seele und Leib, Herz und Leibesinnerem, Kopf und Person // ZA. NF. Bd. 22. 1964. S. 153, 158—160, 167, 188—191; ZA. NF. Bd. 23. 1965. S. 184—222.

[41] *R. Gusmani.* Il lessico ittito (Collana di studi classici. 5). Napoli, 1968. P. 50; там же (n. 42) литература вопроса.

[42] *Т. В. Гамкрелидзе.* Современная диахроническая лингвистика и картвельские языки // Вопросы языкознания. 1971. № 3. С. 37.

[43] Ср. о *ṭq* — в картвельском слове: *Т. В. Гамкрелидзе, Т. И. Мачавариани.* Указ. соч. С. 282, ср. о вокализме там же, с. 305, 169, 170, о *-w-* || *-b-* с. 111, примеч. 4.

Маловероятно отражение в слове более широкого миграционного термина, но ср. др.-кит. **khwak* : тиб. *skog, skok* ʻшкура': *И. И. Пейрос, С. А. Старостин.* О генетическом сравнении китайского и тибетского языков (Фонетические соответствия) // Ранняя этническая история народов Восточной Азии. М., 1977. С. 213.

[44] Индоевропейское сочетание может восходить к древней лабиализованной фонеме $*t^{\circ} = *t^{w}$, ср. *Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Тбилиси, 1984.

5. Груз. *uc̣q-* ‘ведать’, мегр. *orc̣q-* ‘видеть’, чан. *oc̣(k̦)-* ‘смотреть’ : хет. и *ušk-* ‘смотреть, видеть’

Грузино-занская основа, реконструируемая на основе др.-груз. *uc̣q-* ‘ведать’ (*šen uc̣q̇i* ‘ты ведаешь’, масдар *uc̣q̇eba*), мегр. *orc̣q-* (с вторичным *r*) ‘видеть’, чан. *oc̣(k̦)* (с не вполне ясной огласовкой и развитием *c̣q* > *c̣k̦*, см. К. С. 186) — представляется сходной с хетт. *ušk-* ‘видеть’ — древним глаголом (от *au-*, *u-* ‘видеть’) с суффиксом **-sk̂-*, архаизм которого предполагается на основании этимологического сопоставления с др.-инд. *ucchati* ‘пылает, загорается’ (о заре), авест. (*vī-*)*usaiti* ‘светает’ и другими родственными словами [45]. При спорности некоторых деталей реконструкции в картвельском семантическое и фонетическое сходство основ несомненно, хотя при допущении анатолийского заимствования отражение *-šk-* в *-c̣q-* может вызвать сомнения (хотя об особом характере **-s-* перед палатальным **-k̂-* может говорить др.-инд. *-ccha-*).

6. Внутренняя форма груз. *sa-smen-eli* ‘ухо’ : хетт. *ištamana* ‘ухо’ и сван. *šdim* ‘ухо’

Груз. *sa-smen-eli* ‘ухо’ понимается как ‘орудие слуха’ [46] и образовано от общекартвельской основы **sm-in* ‘слушать’ : груз. *sm-in-*, *sm-en-*, мегр. *sim-in-*, чан. *sim-in*, *sib-in*, сван. *sm-in-* (К. С. 164—165), в свою очередь, производной по отношению к общекартв. **sm-* ‘слышать(ся)’ : груз. *m-e-sm-i-s*, мегр.-чан. *m-a-sim-e-(n)*, сван. *m-e-sm-i* ‘слышу’. Точно такую же внутреннюю форму имеет хетт. *ištam-(a/i)na-* ‘ухо’, соотносящееся с глаголом *ištam-aš* ‘слышать’ (ср. также неясную по структуре и значению форму *ištama-ḫura* ‘серьга’ (?)); суффикс *-s-* в хеттском глаголе представляется неотделимым от такого же суффикса в общеиндоевропейской основе **k̂leu-s-* ‘слушать’ : тох. A *klyos-* ‘слышать’, тох. B *kluays*, вед. *sruṣ-* < и.-е. **k̂leu-s-* [47]. В тохарском с этим гла-

---

[45] *В. В. Иванов.* Общеиндоевропейская, праславянская и анатолийская языковые системы (сокращенно Системы). М., 1965. С. 154—155.

[46] Ср.: *Н. Я. Марр.* К вопросу о положении абхазского языка среди яфетических // *Н. Я. Марр.* О языке и истории абхазов. М.; Л., 1938. С. 25 (по поводу абхаз. *алымхӀа* ‘ухо’, выводимого Марром из сванского, см. о связи с адыг. *тхьакӀум* ‘ухо’: *К. С. Шакрыл.* Очерки по абхазско-адыгским языкам. Сухуми, 1971. С. 78). Из интуитивных прозрений Марра, представляющих интерес в связи с обнаружением хетто- (и шире индоевропейско-) картвельских параллелей, особенно любопытно восстановление им (Там же. С. 37) на основе груз. *sisxl-* ‘кровь’ и т. п. (К. С. 87) названия ‘крови’ в нередуплицированной форме, практически совпадающей с хетт. *ešḫar* ‘кровь’ (неверна лишь реконструкция **-ir-* и гипотеза о вхождении его в корень).

[47] См. об общеиндоевропейской праформе: *C. Watkins.* Indogermanische Grammatik. Bd. III. Formenlehre. T. I. Geschichte der indogermanischen Verbalflexion. Heidelberg, 1969. S. 190, 182.

голом на *-s* соотносится образованное от того же корня название уха, к которому может присоединяться суффикс двойственного (парного) числа *-n*: тох. А *klots*, дв. ч. *klośäm*, В *klauts*, дв. ч. *klautsane*, что аналогично ситуации в хеттском при различии корня (от того же общеиндоевропейского корня, что и в тохарском, названия уха засвидетельствованы в др.-ирл. *clúas*, ср.-валл. *clust*, др.-исл. *hlust*[48], др.-инд. *śrotra*). Это позволяет думать, что в хеттском основа *ištam-* вытеснила индоевропейскую основу **k̂leu-*, войдя в те же словообразовательные структуры. Этот процесс осуществился в общеанатолийском, если, как предположил Боссерт, хетт. *ištamana-* соответствует лув. *tumman-* 'ухо' (?), *tumma*(*n*)*taimmiš* 'слышимый' (?), *tummantiya-* 'послушание'(?)[49].

Для основы хетт. *ištam-* до настоящего времени единственно реальной параллелью было егип. *śḏm-* 'слышать'[50]. Но при неясности связей Египта с Малой Азией в дописьменную эпоху развития хеттского языка (в пользу которых, однако, могут говорить данные истории культуры, удостоверяющие наличие таких связей на рубеже III и II тысячелетий до н. э.[51]) наряду с возможным (но необязательным) объяснением хетт. *ištama-* из егип. *šḏm* следует учитывать и другое вероятное истолкование хеттской основы как заим-

---

[48] См. об этих формах в связи с семантической типологией хетт. *ištamaš-*, *ištamana-*: *C. Watkins.* Indo-European origins of the Celtic verb. Dublin, 1962. P. 83—84; *В. В. Иванов.* Системы. С. 167; *A. J. Van Windekens.* Le tokharien confronté avec les autres langues indo-européennes. V. I. La phonétique et le vocabulaire (Travaux publiés par le Centre International de Dialectologie Générale de l'Université Catholique Néerlandaise de Louvain. Fasc. 14). Louvain, 1976. P. 221. Ср. также о лат. *aus-cultare*: *В. Н. Топоров.* Прусский язык. Словарь А—Д. М., 1975. С. 168.

[49] *E. Laroche.* Dictionnaire de la langue louvite. Paris, 1959. P. 99. Соответствия в анлауте между хеттским и лувийским типологически сходны с соответствием сван. *št* грузино-занскому *t*.

[50] Впервые указано вместе с другими хетто-египетскими сближениями в ст.: *E. Forrer.* Stratification des langues et des peuples dans le Proche-Orient préhistorique // Journal asiatique. V. 207. 1930. P. 243, ср. p. 227—252; ср.: *В. В. Иванов.* О возможном отражении одного миграционного термина в хауса (хауса *birni* 'город') // Языки Африки. М., 1966.

[51] *J. V. Canby.* The Walters Gallery Cappadocian tablets and the Sphynx in Anatolia in the second millennium B. C. // JNES. V. 34. 1975. № 4. P. 236, 246. В той же связи следует отметить возможность объяснения хеттского написания *Ḫatti* посредством логограммы KÚ. BABBAR (ср. о хронологии написания: *C. Kühne, H. Otten.* Der Saušgamuva-Vertrag (Eine Untersuchung zu Sprache und Graphik) // StBo I. Heft 16. Wiesbaden, 1971. S. 33—36) из егип. *ḥḏ* 'серебро': Металлы I. С. 72, примеч. 15. Относительно давно отмеченных связей египетской и анатолийской (хетто-лувийской) иероглифики см.: *B. Rosenkranz.* Nicht alphabetische Schriften der antiken Welt. Köln, 1975. S. 8, 55.

ствованной из семитской формы корня *šm'* (ср. аккад. *šemû'* < **samā'um*) с инфиксальным *-t-*, в частности, в аккадском перфекте на *-ta-* (и других многочисленных префиксальных образованиях типов *Gt*, *Dt*, *Št*) и в соответствующих формах в языке Эблы второй половины III тысячелетия до н. э., ср. в собственных именах *Ištama-Malik* (*Jištama-Malik*) при угарит. *Aštamešarri* [52] и т. п.

Вместе с тем разительным представляется совпадение основы хетт. *ištamana-* 'ухо' с картвельским названием **s̨tim*, восстановленным на основании сванского *šdim-* 'ухо' [53], ср. также и сопоставляемое в последнее время с тем же словом (в другой огласовке) грузино-занское название 'изголовья' — груз. *sa-stun-al-* 'изголовье', др.-груз. *stunit* 'у изголовья', *sastunlad* 'изголовьем', ср. мегр. *ortumel*, чан. *omtunal* (ср. К. С. 170), к семантике ср. рус. *подушка* и т. п.

При несомненности связей хеттской, афразийских (семитских и египетской) и картвельских форм историческая интерпретация этих связей остается дискуссионной.

---

[52] *I. J. Gelb.* Thoughts about Ibla: A preliminary evaluation. March, 1977 // Syro-Mesopotamian studies. V. I, issue I. March 1977. P. 22 (тип. Gt), ср. p. 18 о форме *Iš-ma-Il/Jišma'-'Il/* 'Бог услышал меня', аккад. (*jišma'*) и т. п. О связи Эблы с Малой Азией (ср.: Ibid. P. 15) свидетельствуют как факты истории культуры (*P. Matthiae.* Ebla nel periodo delle dinastie amorree e della dinastia di Akkad. Scoperte archeologiche recenti a Tell Mardikh // Orientalia. n. s. V. 44. 1975. F. 3. P. 348 ff.), так и упоминания Эблы в древнехеттских (KUB XL 4 II 6) и древнехурритских текстах (KUB XLIV 84 Vs. 15) из Богазкея. Вокруг (полумифологической) истории Эблы разворачивается действие хурритско-хеттской билингвы, датируемой первой половиной второго тысячелетия до н. э. В основе фабулы билингвы — отказ одного из главных людей Эблы совершить обряд отпущения на волю раба. См. *E. Neu.* Das hurrische Epos der Freilassury. I. Untersuchungen zu einem hurrisch-hethitischen Textensemble aus Hattuša. Studien zu den Boğazköy-Texten. Wiesbaden, 1996.

[53] Ср.: *Т. В. Гамкрелидзе, Г. И. Мачавариани.* Указ. соч. С. 14. О развитии **s̨t* — сван. *šd* см.: *Г. И. Мачавариани.* Общекартвельская консонантная система. С. 95. § 27. Предлагаемые сопоставления с хеттским (а возможно, и с афразийскими языками: семитским и египетским) исключают гипотезу о связи сван. *šdim* с названием головы и его гипотетическими производными (сван. *šdul* 'глазок', *šda* 'колос', *šdik* 'зубок', ср. попытку связать между собой все эти слова: *Х. Фенрик.* Об одной картвельской этимологии // Этимология 1973. М., 1975. С. 174), к которым относили и название изголовья (К. С. 170) в других картвельских языках, в последнее время сопоставляемое со сванским именем уха, ср.: *Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов.* Указ. соч.

Там же см. о возможном сопоставлении со второй частью упомянутого хетт. *ištama-ḫura* картв. **qur-* 'ухо' (К. С. 213, 214), для которого ранее предлагались и ностратические параллели (и.-е. **k̂leu-* 'слышать', ностр. **qul-*): *В. М. Иллич-Свитыч.* Опыт сравнения ностратических языков. М., 1971. С. 18.

7. К семантическим типологическим параллелям: название ‘выдры’ — ‘собаки воды’

Наличие семантических параллелей таким архаическим образованиям, как груз. *ɣwtisšvili* ‘дитя бога’ (*ɣmerti*), в древних неиндоевропейских языках Малой Азии, в частности хатти, было отмечено еще В. В. Бардавелидзе [54].

Такие архаические выражения живых языков могут быть использованы для истолкования соответствующих мест в древних текстах. В частности, представляется вероятным, что груз. *m-çaw-ʒayli* ‘выдра’, в котором Н. Я. Марр видел архаическое обозначение ‘собаки воды’ [55], может вместе с другими подобными обозначениями в таких различных языках, как баскский, кельтские и латинский [56], китайский и некоторые тунгусо-маньчжурские [57], объяснить вероятное значение ID-*aš* UR. ZIR[ḪI.A] ‘воды собак(и)’, засвидетельствован-

---

[54] См. в этой связи о хаттском боге Талипину: *В. В. Бардавелидзе.* Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 1957. С. 3—4, примеч. 9 (приводимое там же груз. *saxlis-švili* ‘домочадец’ ‘дитя рода’ представляет яркую параллель выражениям разных языков, рассмотренным в статье: *В. В. Иванов.* К типологическому анализу внутренней формы праслав. **čelověkъ* ‘человек’ // Этимология 1973. М., 1975. С. 17—22). В этой связи особенно интересно хатти имя бога *Wurun-katte-inu* ‘дитя бога по имени Страны — царь’, ср. о *(p)inu’* ‘сын’: *H. S. Schuster.* Op. cit. Из других вопросов, связанных с параллелями хат. Талипину в картвельском, В. В. Бардавелидзе обсуждала вопрос об имени сванского божества Плодородия Мелиа-Телепиа, упоминающемся в обрядовой песне сванского праздника Лимурквамал и привлекшем внимание последующих исследователей в связи с хет. *melit* ‘мед’. Из новейших работ ср. в этой связи детально: *А. И. Бендукидзе.* Хеттский миф о Телепину и его сванские параллели // Вопросы древней истории. Кавказско-ближневосточный сборник IV. Тбилиси, 1973. С. 95—100; *В. Н. Топоров.* К объяснению некоторых славянских слов мифологического характера в связи с возможными древними ближневосточными параллелями // Проблемы интерференции и языковых контактов. М., 1975. С. 28 и сл.

[55] *N. Marr.* Postface // Яфетический сборник. III. М.; Л., 1925. С. 168—169.

[56] *E. Schwentner.* Irisch dobor-chú ‘Biber’ // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung. Bd. 76. H. 1/2. 1959. S. 77; *J. Vendryes.* Lexique étymologique de l’irlandais ancien // MNOP. Paris, 1960. P. 10—23 (др.-ирл. *on-chú* ‘дикое морское животное’); *В. В. Иванов.* Происхождение имени Кухулина // Проблемы сравнительной филологии: Сб. статей в честь В. М. Жирмунского. Л., 1964. С. 453—454, примеч. 13; к разительным совпадениям, касающимся выдры, водяной собаки или волка в древнеирландском и кавказском эпосе (*В. В. Иванов.* Сходные черты в культе волка на Кавказе, в древней Малой Азии и на Балканах // АТ. С. 11), следует добавить абхазский рассказ о «Ала зшьиз» — кузнице, уничтожившей пса (*И. А. Анджинджал.* Указ. соч. С. 263), близкий к саге о Собаке Кулана (кузнеца), см. обо всех этих эпических параллелях: *В. В. Иванов.* К балкано-балтославяно-кавказским параллелям // Балканский лингвистический сборник. М., 1977. С. 156—163.

[57] Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю. Т. 1. А—Н. Л., 1975. С. 369 (маньчжурское *ҳajҳун* ‘выдра’, *ҳăj∧ун* ‘бобр, выдра’ как возможная параллель к кит. *шуй гоу* ‘выдра’ — ‘собака воды’).

ного в хеттском переводе хурритского стихотворного мифологического рассказа о чудовище Хедамму, входящем в эпический цикл Кумарби [58], и относящегося, скорее всего, к *Lutra* или подобным видам речных животных.

В хеттском переводе — вероятной фразеологической кальке с хурритского — использовано слово несреднего (общего) рода *ḫap-* ‘вода, поток’ (логограмма ID), восходящее к индоевропейскому активному обозначению ‘воды-потока’, в хеттском языке нередко употреблявшемуся как сакральное (в особенности в связи с ордалиями) [59].

Такие семантические сопоставления, носящие типологический характер, мало показательны для выявления реальных исторических связей между языками (в отличие от приведенных выше конкретных лексических сближений), но существенны для выяснения типологического фона, на котором эти связи устанавливаются. Так, для заключения о том, в какой мере соответствие внутренней формы чан. *ç̣ḳar-toli* ‘родник, источник’ (< ‘вода’ + ‘глаз’) и адыг. *псына* важно для установления специфических чанско-абхазо-адыгских связей [60], следует иметь в виду и такие сходные с ними обозначения, как хетт. *šakuni* ‘родник, источник’ при *šakuwa* ‘глаза’ с параллелями в значительном числе языков (индоевропейских, семитских [61] и т. п.). Чем ближе такое соответствие к семантической универсалии, тем менее оно значимо для определения связей между языками [62].

1979

---

[58] KUB VIII 67 IV 17, См.: TM. 2 Partie. Mythologie d’origine étrangère // RHA. T. XVI. F. 82. 1968. P. 55; *J. Friedrich.* Der churritische Mythus vorn Schlangendämon Hedammu in hethitischer Sprache. Archiv Orientální. V. XVII. 1949. P. 1. S. 233. Fn. 8. S. 248; *J. Siegelová.* Appu-Märchen und Hedammu-Mythus // Studien zu den Boğazköy-Texten. 14. Wiesbaden, 1971. S. 34 ff.; там же см. о выражении IKU-*aš* (-*ma*) $KU_6^{HI.A}$ ‘рыб полей’, построенном как противоположное выражению ‘собаки воды’. Русский перевод в сб.: Луна, упавшая с неба. М., 1977. С. 150.

[59] *E. Laroche.* Fleuve et ordalie en Asie Mineur Hittite // Festschrift Heinrich Otten. Wiesbaden, 1973. P. 186 ff. (там же см. о соответствии этого значения старой идее А. Мейе о значении индоевропейских слов «одушевленного рода» древнего активного класса); *C. Watkins.* Une désignation indo-européenne de l’eau // Bulletin de la Société de linguistique de Paris. V. 68. 1972. Fasc. 1. P. 39—46. В данном контексте речь может идти о воде как активной стихии нижнего мира, типичным животным которого выдра является в сибирских шаманистских космологиях.

[60] *Г. А. Климов.* [Рец. на:] *G. Dumézil.* Documents anatoliens sur les langues et les traditions du Caucase. IV // Этимология 1968. М., 1971. С. 259.

[61] *В. В. Иванов.* Категория видимого и невидимого в тексте // Structure of texts and semiotics of culture. The Hague; Paris. 1973; *В. В. Иванов, В. Н. Топоров.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 129—130.

[62] Так, особенно занимавшая Н. Я. Марра и его последователей семантика названий руки типа груз. *xel-* ‘рука’, ‘власть’ (второе значение явственно выступает во мно-

Постскриптум

К этимологии названий металлов (в частности, железа) см.: *Вяч. Вс. Иванов*. История славянских и балтийских названий металлов. М., 1983.

Детально вопрос о вероятных ранних контактах индоевропейского с картвельскими был рассмотрен в специальной монографии: *Климов Г. А.* Картвело-индоевропейские связи. М., 1994 (ср. также новые материалы, собранные в: *Klimov G. A.* Etymological dictionary of Kartvelian. Berlin; New York, 1998; *Климов Г. А., Халилов М. Ш.* Словарь кавказских языков. Сопоставление основной лексики. М., 2003). К этому вопросу в своих последних работах возвращался С. А. Старостин, отмечавший необходимость отделения раннего ностратического фонда, унаследованного в индоевропейском и картвельском, от позднейших заимствований, к которым принадлежат, в частности, картвельские названия ‘рыболовного крюка’, ‘плодородной земли’, числительные ‘6’ и ‘7’, названия ‘свиньи’, ‘поросенка’ и ‘быка, приносимого в жертву’, ‘вина’, ‘можжевельника’ (в двух последних случаях вероятно древнеармянское посредничество, *Starostin S. A.* Indo-European among other lamguage families: problems of dating, contacts and genetic relationships // *Старостин С. А.* Труды по языкознанию. М.: Языки славянских культур, 2007. С. 818—819). См. о картвело-индоевропейских контактах и их значении для реконструкции путей расселения соответствующих этнических групп: *Klimov G. A.* Zu den ältesten indogermanisch-semitisch-kartwelischen Kontakten in Vorderen Asien // Sprachwissentschaftlichen Forschungen. Festschrift für J. Knobloch / Hrsg. von H. M. Olberg und G. Schmidt. Innsbruck: Amos, 1985. S. 205—210; *Иванов Вяч. Вс.* Двадцать лет спустя. О доводах в пользу расселения носителей индоевропейских диалектов из Древнего Ближнего Востока // У истоков цивилизации. Сб. ст. к 75-летию В. И. Сарианиди. М.: Маргианская археологическая экспедиция, 2004. С. 44—45; *Ivanov Vyacheslav V.* The Indo-European Homeland in the Near East: new evidence // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. 2007. № 4.

многих средневековых грузинских вотивных и иных надписях с изображением руки) представляется универсальной ввиду типологических параллелей в таких традициях, как африканские (*В. В. Иванов.* Об одном типе архаических знаков искусства и пиктографии // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 129, см. о кавказских изображениях: Там же. С. 110, примеч. 8). Поэтому сходство с хетт. *maniyaḫḫ-* ‘управлять, передавать во власть, вручать’ при лат. *manus* ‘рука’, ‘статус’ (в частности, власть мужа над женой) является чисто типологическим.